Л. ЧАРСКАЯ.

ВЕЧЕРНІЕ РАЗСКАЗЫ

Изданіе
В. И. Губинскаго.

Александра Николаевна образованіе получила въ Смольномъ институтѣ. Педагогическая дѣятельность сблизила ее съ юнымъ поколѣніемъ и навела на мысль заняться составленіемъ сборниковъ для дѣтскаго чтенія. Она перевела и составила цѣлый рядъ книгъ. Нѣкоторыя изъ книжекъ уже разошлись и переиздаются вновь.

А. Н. Неѣлова.

М. Ѳ. Ростовская.

Марія Ѳеодоровна внучка Г. Р. Державина, сестра композитора Львова, выступила на литературное поприще въ 1852 г. Написала много разсказовъ для дѣтей. Основала въ 1864 г. журналъ „Семейные Вечера“, который издавался до 1870 года.

Для того, чтобы писать хорошія книги для дѣтей необходимо писать къ нимъ истинную, разумную любовь. Этими качествами вполнѣ обладала М. Ѳ. Ростовская. Всѣ ея книги пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. Въ этихъ книжкахъ маленькіе читатели и читательницы изъ интеллигентнаго общества, прочтя разсказы г-жи М. Ѳ., невольно проникнутся любовью къ нашему простому народу и крестьянскимъ дѣтямъ.

Зоя Николаевна Щербачева, молодая писательница, но уже успѣла зарекомендовать себя передъ юными читателями. Сборники ея разсказовъ изъ жизни дѣтей разныхъ классовъ общества читаются съ интересомъ: тутъ и сынъ купца, и еврейскій мальчикъ, и сынъ профессора, и дочь контрабандиста, и др. Особенно хороши описанія кавказской сторожевой жизни въ разсказѣ „Контрабандистъ Али“ и судьба коня въ разсказѣ „Садыхъ-бекъ“.

З. Н. Щербачева.

М. А. Лялина.

Марія Андреевна Лялина много лѣтъ подвизалась на литературномъ поприщѣ съ большимъ успѣхомъ. Написала массу книгъ оригинальныхъ, компилятивныхъ и переводныхъ, изданныхъ Девріеномъ, Вольфомъ, Суворинымъ, Губинскимъ и друг.

Е. М. Чистякова.

Евгенія Михайловна Чистякова, дочь знаменитаго дѣтскаго писателя и педагога, получившая блестящее образованіе, основательно владѣетъ шестью европейскими языками. Литературой начала заниматься съ 19-ти лѣтъ и до сего времени неутомимо работаетъ. Изъ подъ ея пера вышло, много книгъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ.

Сегюръ-Ростопчина.

Сегюръ-Ростопчина род. въ Москвѣ 1799 † 1874 г. Графиня Сегюръ дочь графа Ростопчина, Московскаго губернатора памятнаго 1812 г., написала много хорошихъ книгъ, которыя еще до сего времени читаются съ большимъ интересомъ, какъ во Франціи, гдѣ имя ея очень популярно, такъ и въ Россіи.

Румынская королева.
Карменъ-Сильва.

Румынская королева род. 1843 г. Сказки королевы, высоко поэтическое произведеніе, проникнутое идеаломъ любви къ человѣчеству, оригинальное и увлекательное чтеніе, неотразимо захватываетъ вниманіе читателя.

Ф. Г. Бернетъ.

Ф. Г. Бернетъ род. 1849 г. въ Сѣверной Америкѣ. Написала много книгъ для дѣтей и юношества. „Приключеніе маленькаго лорда“ выдвинуло ея имя въ ряды извѣстныхъ писателей.

Перро.

Перро род. 1628 г., † 1703 г. Знаменитыя сказки Перро переведены на всѣ языки и всюду читаются съ громадным интересомъ, такъ какъ онѣ написаны въ самой увлекательной и доступной дѣтскому пониманію формѣ. „Синяя борода“, „Красная шапочка“, „Золушка“, „Спящая красавица“ и др.

Бр. Гриммъ.

Братья Гриммъ, нѣмцы.—Жили въ прошломъ столѣтіи и написали замѣчательныя сказки, отличающіяся поэтическимъ блескомъ, ласкающимъ воображеніе читателя, благодаря обилію красивыхъ образовъ и глубокой, ясной идеи.

-3
23

Лидія Чарская.

ВЕЧЕРНІЕ РАЗСКАЗЫ

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА **М. А. Андреева.**

ГРАВИРОВАЛИ:

В. Адтъ, Ю. Шюблеръ и В. Ольшевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Сочиненія Л. А. ЧАРСКОЙ.

*СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской**, съ рисун. художника М. Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

СИНІЯ ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста **Л. А. Чарской**, съ 49 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*СТРУЙКА ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ. Пересказы нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей **Л. А. Чарской**. Съ 40 рис., художника М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

*СОЛНЫШКО Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской**. Съ рисунками, художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*ЯРКІЯ ЗВѢЗДОЧКИ. Разсказы для дѣтей младш. возраста **Л. А. Чарской**, съ 60 рис. и заставк. худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к

ГИМНАЗИСТКИ. 10 разсказовъ. Съ рисунками художн. М. Андреева, гравир. Ю. Шюблеръ, А. Смирновъ и М. Морозовъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ГИМНАЗИСТЫ.—*Сирена.*—*Въ глуши.* Три разсказа **Л. А. Чарской**. Съ рисун. художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СКАЗКИ. Соч. Фр Гофмана въ пересказѣ **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. Я. Сизова. Спб., ц. 1 р. 35 к.

ОГОНЬКИ. Разсказы для юношества **Л. А. Чарской**. Съ рисунками художн. А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИНКИ. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: *Южаночка и Некрасивая.* **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. Андреева; 296 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, ХРАБРЫЕ. Три истор. повѣсти **Л. А. Чарской**. *Содержаніе:* Долой Перуна! (Крещеніе Руси). — Подъ вѣчевымъ колоколомъ. (Марѳа Посадница) —Сююнбека, царица Казанская (Покореніе Казани). Съ рис. художн. М. Андреева и Б. Чорикова; ц. 1 р. 50 к.

СЕМЬЯ ЛОРАНСКИХЪ.—ДУРНУШКА. Двѣ повѣсти **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. А. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

ЛАРА БЕЗСОНОВА. Повѣсть **Л. А Чарской**. Съ рисунками художн. М. Андреева. 256 стран. въ папкѣ. Ц. 1 р. 35 к.

ПРІЮТКИ. Повѣсть изъ пріютской жизни **Л А. Чарской**. Съ рис. художн. М. А Андреева. Ц. въ папкѣ 1 руб. 50 коп.

ОСОБЕННАЯ. Повѣсть для молодыхъ дѣвушекъ. Съ рис. художника М. А. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

„ОГОНЕКЪ“. Повѣсть **Лидіи Чарской**. Съ рисунками; цѣна 35 к.

*) Книги, отмѣченныя звѣздочкой, допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ихъ учебныя заведенія.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Спб., Ярославская ул., 1—9.

Волька.

ОСПОДА уѣхали, въ нынѣшнемъ году, съ дачи рано, оставивъ открытой дверь террасы, и Волька безпрепятственно проникъ въ домъ.

По всѣмъ комнатамъ носились столбы пыли, на полу пестрѣли бумажки отъ карамелекъ, остатки отъ упаковки — куски веревокъ, какія-то доски и цѣлые вороха рваной газетной бумаги. Впрочемъ, на глаза восхищеннаго Вольки попадались и болѣе роскошныя вещи, ввидѣ порваннаго резиноваго мяча, желтой туфельки съ дѣтской ноженки и потрепанной книжки съ картинками. Крадучись, на цыпочкахъ, заглядывая по пути подъ кресла и диваны, Волька обошелъ горницы, быстро и безшумно подбирая попадавшуюся ему подъ руки рухлядь и проникъ, наконецъ, въ комнату барышни Талечки, въ которую никто никогда не допускался, кромѣ близкихъ родныхъ да еще горничной Ѳеши, производившей въ ней уборку.

Часто, одиннадцатилѣтній Волька, гоняя, по-утру, барскихъ гусей къ пруду, останавливался въ уровень съ окошкомъ барышниной комнаты, поднимался на цыпочки, стараясь заглянуть во внутрь этого наряднаго голубого гнѣздышка, гдѣ жила безвыходно маленькая, двѣнадцатилѣтняя гимназистка Талечка. Эту Талечку никто, никогда не видѣлъ въ саду или

на террасѣ. Она безвыходно проводила все лѣто въ своей голубенькой комнаткѣ, или на балконѣ, прятавшемся подъ бѣлой маркизой, или же въ тѣнистомъ палисадникѣ, примыкавшемъ къ большому саду.

Три гимназиста, братья Талечки, успѣли крѣпко подружиться съ Волькой, сыномъ прачки Кузьминичны, исполнявшимъ несложную роль птичьяго пастуха на господскомъ дворѣ, то есть приглядывавшаго за курами, гусями и утками и за это получавшаго аккуратно ровно полтора цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Но Талечка точно умышленно пряталась и отъ Вольки, и отъ Кузьминичны, и отъ всего дома на своемъ крошечномъ балкончикѣ подъ бѣлой маркизой.

Зналъ Волька одно: барышню Талечку баловали напропалую. Пріѣзжая еженедѣльно, въ субботніе вечера, подъ праздникъ, на дачу, самъ баринъ, генералъ Градушинъ постоянно привозилъ что-нибудь особенное для Талечки. Правда, баловалъ баринъ и троихъ сыновей, Мишу, Нику и Витю, но Талечка получала вдвое лучшіе подарки и гостинцы, нежели братья. Впрочемъ, тѣ и не сѣтовали за это на сестру.

Двѣнадцатилѣтняя Талечка была „калѣкою". Она ходила на костыляхъ, если можно было только назвать ходьбою ея медленное передвиженіе изъ голубой комнаты на балкончикъ и обратно.

Волька нѣсколько разъ всего за лѣто видѣлъ худенькую, блѣднолицую дѣвочку, сидѣвшую на балконѣ или у окна ея горницы. Видѣлъ онъ и тѣ прекрасныя вещи, которыя привозилъ генералъ своей калѣкѣ-дочери.

Роскошныя книги, альбомы, фотографическій аппаратъ, граммофонъ (къ послѣднему долго не могъ привыкнуть Волька, пугаясь его «страшеннаго» голоса, будившаго вечернюю тишину), цѣлые ящики

конфектъ и прочія интересныя и вкусныя вещи,— все это уставляло днемъ крошечный балкончикъ подъ бѣлой маркизой, привлекая исключительное вниманіе Вольки.

Самая комната барышни Талечки представляла для маленькаго пастушенка цѣлый особенный мірокъ, цѣлое маленькое царство, куда стремилось его возбужденное любопытствомъ воображеніе. Гимназисты Миша, Ника и Витя, противъ собственнаго желанія поджигали это Волькино любопытство. Про голубую Талечкину комнатку они разсказывали настоящіе чудеса.

Тамъ, оказывается, стоялъ нарядный мраморный умывальникъ, выписанный изъ чужой земли, и туалетъ, и особенный шкапъ съ потайными ящиками, и диковинный письменный столъ съ музыкой и какое-то особенное зеркало, отражающее со всѣхъ сторонъ сразу человѣческую фигуру, словомъ, цѣлую массу интересныхъ и привлекательныхъ вещей.

Но посмотрѣть эти вещи было никакъ невозможно, какъ и не было никакой возможности для бѣднаго пастушенка проникнуть въ голубую комнату.

Вещи эти со всевозможной осторожностью упаковывались прислугой и въ отдѣльномъ фургонѣ привозились весною изъ города на дачу съ тѣмъ, чтобы съ тою же осторожностью, по окончаніи лѣта, быть снова отправленными обратно, въ городъ.

На вопросъ Вольки, обращенный къ кому-то изъ барчуковъ—почему-де всѣ эти вещи не оставляются на городской квартирѣ, а перевозятся по десяти разъ съ мѣста на мѣсто, Волька помнитъ это прекрасно, Ника отвѣтилъ:

— А потому, что Талечка никуда не выходитъ лѣтомъ изъ-за своей болѣзни и единственное ея удовольствіе имѣть все то на дачѣ, что окружаетъ ее

въ городѣ. У насъ есть все: и рыбная ловля, и игры на воздухѣ, и лѣсъ, и катанье въ лодкѣ, и верховая ѣзда, а Таля всю свою жизнь прикована къ креслу, какъ же и не побаловать ее?

Эти слова Волька встрѣтилъ легкой саркастической усмѣшкой.

— Эка невидаль—больныя ноги, подумаешь! Горе какое! Да онъ, Волька, съ восторгомъ бы за нихъ отдалъ свои здоровыя, быстрыя, рѣзвыя ноги, лишьбы пользоваться всѣми тѣми удобствами, удовольствіями и подарками, да сидѣть неподвижно, словно кукла на одномъ мѣстѣ, а тебѣ чтобы всѣ услуживали да юлили передъ тобою. Не жизнь—а масленица! А тутъ работай съ утра до ночи: матери дровъ наколи, воды натаскай, за птицей, ежели лѣто, присмотри за господской, а зимой въ школу бѣги, а послѣ школы-то опять гонка; бѣлье стиранное развѣсь, а не то разнеси по заказчикамъ. У нихъ село подъ самымъ городомъ, городскихъ заказчиковъ много.

Вотъ и трепи здоровыя-то ноги по морозу, либо слякоти, съ корзиной-то на головѣ, взадъ да впередъ, изъ города въ село, изъ села въ городъ. Богъ съ нимъ и со здоровьемъ. Что здоровье безъ богатства да довольства, на что оно? Толи-бы дѣло вродѣ-бы барышни Талечки: сидѣть на балкончикѣ съ книжкой на колѣняхъ, да сосать конфеты подъ музыку.

Грамофонъ-то всякую музыку можетъ, и веселую и печальную, только заведи. А пройдетъ кто мимо по двору, направь аппаратъ, щелкни, вотъ тебѣ и занятіе! Проявлять-то другіе будутъ, братья ейные, снимки заканчиваютъ, а она только любуйся на готовыя картинки, чѣмъ не жизнь! Быть-бы при такомъ богачествѣ, калѣкой ему,—Волькѣ, ничего-бы лучшаго онъ, кажись, и не пожелалъ!

Комната барышни Талечки — самая послѣдняя въ дачѣ.

Волька пробрался до ея порога и замеръ въ дверяхъ. Голубыя портьеры сняты, тюлевыя занавѣси тоже, даже бѣлая съ краснымъ обивка и та сорвана съ балкона и еще по лѣтнему теплое сентябрьское солнце безпрепятственно проникаетъ въ комнату.

Вещи всѣ увезены, кромѣ хозяйскаго столика, скромно приткнутаго въ углу. Волька знаетъ отлично, что на лѣтнее время этотъ столикъ покрываютъ бѣлымъ тюлемъ на голубомъ чехлѣ, съ голубыми бантами и оборками изъ кружевъ. На него ставятъ красивое овальное зеркало и называютъ этотъ столикъ туалетомъ. Въ окна, если подняться на цыпочки, видны и зеркало, и голубые банты и вся верхняя часть столика, а сейчасъ онъ стоитъ совсѣмъ непривлекательный и убогій на видъ.

Волька, ухмыляясь убожеству столика, подошелъ къ нему и выдвинулъ ящикъ. Выдвинулъ и отшатнулся отъ неожиданности.

Ящикъ былъ полонъ. Очевидно, господа, собираясь съ дачи, позабыли вынуть изъ него всѣ эти прекрасныя вещи.

Здѣсь находился хорошенькій ящикъ съ гребнемъ, гребенкой и щеткой. Затѣмъ, бронзовый медвѣженокъ-копилка, тетрадка съ розовымъ пластыремъ, непочатый кусокъ мыла, испускающій нѣжный тонкій ароматъ, и толстая объемистая не то тетрадь, не то книжечка въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ съ металлическими застежками.

Эта книжечка больше всего остального привлекла вниманіе Вольки. Бойкій, смышленый мальчуганъ очень недурно учился въ школѣ и имѣлъ большое тяготѣніе къ чтенію. Читалъ Волька прекрасно, какъ взрослый, несмотря на свои одиннадцать лѣтъ!

И сейчасъ, схватившись обѣими руками за красную книжечку, быстро отстегнулъ застежки и открылъ первую страницу. Но это была не книга, нѣтъ.

Крупнымъ дѣтскимъ и очень четкимъ почеркомъ на первомъ листкѣ было выведено: Лѣтній дневникъ Татьяны Градушиной.

— Эва! Вотъ она штука-то! Дневникъ пишетъ! Да что она, сидя-то на одномъ мѣстѣ, писать можетъ!—протянулъ удивленнымъ голосомъ Волька, перевернулъ первую страницу, и глаза съ любопытствомъ забѣгали по крупно исписаннымъ дѣтской невѣрной рукой строкамъ.

Съ карт. Лебедева.

15-го мая.

Сегодня мы опять переѣхали на дачу въ милое наше Соболево... Какъ здѣсь хорошо! На городской квартирѣ, изъ оконъ ея, не видно было этого дивнаго голубого неба! Не было и этой свѣжей пышной зелени передъ окнами. Не видно было и такихъ полей вдали, какъ эти. Я сижу цѣлыми днями на моемъ балкончикѣ, смотрю на окружающую меня природу и думаю: какое счастье должны испытывать тѣ здоровыя, крѣпкія и сильныя дѣти, которыя могутъ бѣгать по тѣмъ полямъ, или кататься по рѣкѣ, которая сверкаетъ тамъ между зеленью сада, или уходить въ тотъ лѣсъ, что синѣетъ вдали.

А я? Я могу только любоваться издали на всю эту роскошь. Я калѣка отъ рожденія; мнѣ недоступны тѣ удовольствія, которыми пользуются мои братья и другія подобныя имъ здоровыя дѣти.

Волька.

И сегодня, когда всѣ легли спать, и мамочка, перекрестивъ и поцѣловавъ меня нѣжно, нѣжно, ушла къ себѣ, я горько долго плакала, уткнувшись въ подушку. Боже мой! Чего только не отдала-бы я, чтобы быть здоровой и сильной, какъ другіе дѣти! Но увы! Это невозможно. Мои больныя ноги не поправятся никогда и, думая объ этомъ, я опять проплакала полъ ночи.

16-го мая.

Встала сегодня съ красными глазами и опухшими вѣками. Чтобы не огорчать мою милую мамочку—сказала, что у меня всю ночь болѣла голова. Но мамочка поняла истинную причину моего разстроеннаго вида. Я видѣла, какъ она писала длинное письмо папѣ. Я знаю отлично, къ чему ведутъ такія письма. Это значитъ, что когда папа пріѣдетъ въ субботу на воскресную побывку домой (бѣдный папочка остается все лѣто въ городѣ, среди духоты и пыли, такъ какъ онъ и лѣтомъ ходитъ ежедневно на службу), то онъ привезетъ мнѣ изъ города снова цѣлую массу вкусныхъ вещей и непремѣнно какой-нибудь подарокъ. Этимъ онъ, какъ-бы, хочетъ утѣшить бѣдную Талю въ ея горькой долѣ. Ахъ, съ какимъ-бы удовольствіемъ я отдала всѣ эти роскошные подарки и сласти за возможность бѣгать, играть и рѣзвиться на воздухѣ! Не надо мнѣ ничего: ни этой нарядной комнаты, которую заботливые родные украшаютъ, какъ маленькій дворецъ какой-нибудь царевны, ни конфектъ, ни подарковъ, ни этихъ изящныхъ платьицъ, лишь-бы только быть здоровой! Здоровой, здоровой, сильной, крѣпкой, какъ другіе. Несбыточная мечта!

20-го мая.

Сегодня воскресенье. Пріѣхалъ папочка, привезъ мнѣ прелестную музыкальную вещицу для грамофона

и кадакъ, фотографическій аппаратъ. Добрый, милый папочка! Онъ возилъ меня кататься въ коляскѣ по окрестностямъ Соболева. Ахъ, я не люблю такія прогулки! Всѣ встрѣчные смотрятъ на меня точно я какое-то пугало. Одни съ участіемъ, другіе съ любопытствомъ. Еще-бы! Дѣвочка въ 12 лѣтъ больная, на костыляхъ. Незавидная участь!

Нѣтъ, нѣтъ лучше спрятаться ото всѣхъ, запереться въ моей голубой комнаткѣ. не выходить дальше балкона! Пусть никто не видитъ горя и обиды маленькой убогой дѣвочки.

25-го мая.

Сегодня мальчики вернулись съ рѣки и принесли мнѣ цѣлый букетъ рѣчныхъ кувшинокъ. Какъ они славно пахли водой, тиной и еще чѣмъ-то вкуснымъ, превкуснымъ!

Ника разсказывалъ, что, купаясь, онъ упустилъ въ воду полотенце, а Витѣ клещъ впился въ пятку. Онъ испугался сначала, а потомъ хохоталъ ужасно! Оказалось, что это не клещъ, а просто прилипла какая-то травка. Счастливые мальчуганы!

26-го мая.

ВОТЪ и здѣсь оказывается въ моемъ «голубенькомъ» гнѣздышкѣ, какъ его называютъ папа и мама, я не избавлена отъ любопытныхъ глазъ.

Пастушокъ Волька, сынъ прачки Кузьминишны, проходя мимо моихъ оконъ, каждый разъ останавливается и по долгу, разиня ротъ, глядитъ на всѣ тѣ прекрасныя вещи, которыя разложены и разставлены у меня на балконѣ и на подоконникахъ

И я читаю явную зависть къ моимъ «богатствамъ» въ наивной рожицѣ этого здороваго, рослаго крѣпыша. Глупенькій, наивный Волька! Если-бы ты зналъ, какъ я, въ свою очередь, завидую тебѣ, твоему здоровью, твоимъ крѣпкимъ ногамъ, твоей свободѣ!

Ты можешь наслаждаться природой, цѣлыми часами проводить въ полѣ, на рѣкѣ, въ лѣсу. Боже мой! Если бы можно было сдѣлать это, я бы съ охотой помѣнялась моей долей съ твоею.

Волька! Волька! Твоя бѣдность, твои нужды и лишенія,— ничто въ сравненіи съ моей безпомощностью, слабостью и тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ я нахожусь... Не завидуй-же мнѣ, глупенькій мальчикъ. И когда ты видишь меня прикован...

Волька не дочиталъ до конца этой фразы. Шумные возгласы, быстрые шаги и шуршаніе накрахмаленныхъ юбокъ сразу наполнило живыми звуками тишину опустѣвшей дачи. Тетрадка дневника вывалилась изъ рукъ мальчика прежде нежели раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы горничная Градушиныхъ, Ѳеша, появилась на порогѣ Талиной комнаты и затрещала звонкимъ голосомъ на всю дачу:

— Ишь ты гдѣ, проказникъ этакій, примостился! И не слышно его! Скажите на милость! Да, никакъ, онъ, разбойникъ этакій, въ барышниномъ туалетѣ рыться изволилъ! Батюшки, свѣты, и тетрадка на полу! Барышнина тетрадка... Забыли въ торопяхъ, какъ укладывались. А ты ужъ и обрадовался. На вокзалѣ хватились... Гонку задали, сюда меня отправили, а онъ тутъ, видите-ли, съ барышниными игрушками прохлаждается! Ахъ ты пострѣлъ, пострѣлъ этакій, да я тебя!..

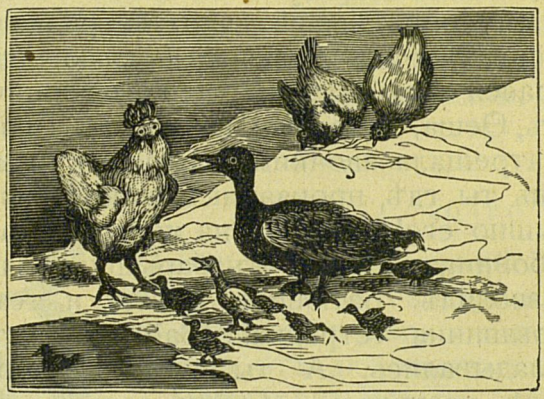
Тутъ руки Ѳеши довольно недвусмысленно устремились къ вихрастой головѣ Вольки...

Предвидя Ѳешинъ маневръ, Волька кинулся къ окну, вскочилъ на подоконникъ, оттуда спрыгнулъ на землю, и черезъ маленькій палисадникъ бросился въ поле, а оттуда въ лѣсъ.

Быстрыя ноги рѣзво уносили мальчика, напутствуемаго сердитыми криками Ѳеши. Что-то весело дрожало въ груди Вольки. Словно какая-то птица билась и трепыхала въ ней крыльями. А толстыя губы растягивались въ безпричинно-радостную улыбку.

Прибѣжавъ на опушку, Волька съ размаху бросился на зеленый мохъ и, весь залитый еще теплыми лучами Сентябрьскаго солнца, весело и протяжно крикнулъ на весь лѣсъ.

А недавняя зависть къ Талечкиному „богатству“ съ этого часа навсегда и безслѣдно исчезла изъ сердца мальчика.



Съ карт. Касаткина.

Первый день.

(Быль).

I

Было восемь часовъ утра. Къ небольшому сѣрому особняку, пріютившемуся на одной изъ менѣе людныхъ улицъ Васильевскаго Острова, подкатила извозчичья коляска.

Маленькая тонкая фигурка въ легкой драповой кофточкѣ съ дешевенькимъ мѣхомъ на шеѣ и въ старой потертой мѣховой шапкѣ проворно соскочила съ пролетки, отдала деньги возницѣ и, подхвативъ въ руки тощій, порыжѣвшій отъ времени, чемоданъ, легко и быстро вбѣжавъ по ступенькамъ крылечка, позвонила у подъѣзда.

Прошло довольно много времени, пока эта дверь распахнулась передъ вновь прибывшей, и морщинистая физіономія стараго слуги, въ довольно таки сомнительномъ фракѣ, показалась на порогѣ.

— Вамъ кого?—недружелюбно глянувъ на маленькую особу,—освѣдомился тотъ.

— Мнѣ?.. Маленькая особа удивленно вскинула на вопрошавшаго глаза сквозь черную вуалетку и произнесла смущенно:

— Мнѣ, собственно, никого, я пріѣхала поступать сюда на мѣсто.

— Стало-быть гувернантка будете! Извините, не призналъ, барышня! И вмигъ за минуту до этого непріязненное лицо старика приняло доброе ласковое выраженіе.

— Пожалуйте, пожалуйте, барышня, небось, на

дворѣ-то холодно нынче, застудились, поди, а у меня каминъ въ передней топится. Пожалуйте погрѣться, а я тѣмъ временемъ вамъ кофе сварю. И за вещицами пошлю, кстати, дворника, на машину.

— За какими вещицами? такъ и встрепенулась вновь прибывшая, и тутъ же, понявъ въ чемъ дѣло, отрывисто проговорила:

— Вещей у меня никакихъ нѣтъ. Все со мною, вотъ въ этомъ чемоданѣ.—И она, не безъ нѣкотораго достоинства, качнула головкой въ сторону своего несложнаго багажа, которымъ уже завладѣлъ старый Гаврила,—такъ звали лакея.

— Ишь ты, бѣдняжка, и одѣта плохо и вещей нѣтъ,—мысленно произнесъ старикъ и, еще болѣе ласково глянувъ на вновь прибывшую, метнулся куда-то не выпуская изъ рукъ ея чемодана.

На порогѣ передней, куда онъ провелъ молодую особу, Гаврила остановился и произнесъ, почему то, шопотомъ:

— А наши еще спятъ. И барышни и генеральша. У насъ раньше какъ къ двѣнадцати не встаютъ.

— А какъ же съ уроками-то? — удивилась пріѣзжая.

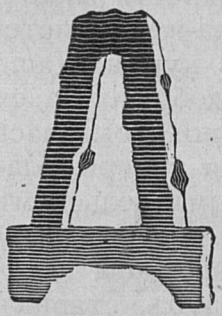
— Уроки-то? Какіе же уроки, когда учиться-то не съ кѣмъ. Вѣдь ужъ больше двухъ мѣсяцевъ какъ отошла отъ насъ Розалія Павловна, а новую-то, васъ, значитъ, не поторопились пригласить. Вотъ и избаловались-то на бездѣльѣ наши попрыгуньи. Да вы не бойтесь, барышня, Богъ не безъ милости; онѣ у насъ не злыя—и Павла Александровна и Валерія Александровна, а только съ лѣнцой, конечно, потому отъ самой мамашеньки превозвышены очень.

И, совсѣмъ уже шопотомъ, докончивъ послѣднюю фразу, старый слуга скрылся, оставивъ пріѣзжую одну.

Маленькая особа, потирая иззябшія руки, подошла къ камину, привѣтливо потрескивавшему своимъ красновато-желтымъ пламенемъ въ углу, развязала вуалетку и сняла шапочку.

Она оказалась совсѣмъ еще молоденькой особой, лѣтъ восемнадцати или девятнадцати навидъ. И безъ того большіе черные глаза казались огромными среди худенькаго блѣднаго личика съ добрымъ ртомъ, маленькимъ чуть вздернутымъ носомъ и цѣлою массою густыхъ волнистыхъ волосъ. Что-то чрезвычайно милое и симпатичное было въ этомъ юномъ личикѣ съ неправильными линіями и съ отпечаткомъ преждевременной заботы и грусти въ глазахъ.

И сейчасъ, упорно устремленные въ ярко горящее пламя камина, глаза отражали цѣлую повѣсть юной души.



II.

АРЬЯ Васильевна Гурьева была дочерью простого крестьянина, жившаго въ небольшомъ селѣ подъ Москвою.

Уже съ дѣтскихъ лѣтъ маленькая Даша отличалась большою смѣтливостью и способностью къ наукѣ. Въ сельской школѣ она считалась одною изъ лучшихъ ученицъ и учительница Марья Петровна не могла нахвалиться на свою Дашеньку.

Немудрено поэтому, что по окончаніи школы, добрая, отзывчивая дѣвушка приняла горячее участіе въ судьбѣ Даши и приложила всѣ свои старанія, чтобы устроить эту судьбу.

Самъ Гурьевъ былъ умный и дальновидный мужикъ и отлично понялъ, что его маленькая Дашутка

изъ ряда вонъ выходящая натура и что не надо поэтому перечить доброй „учительшѣ“ заниматься его дѣвочкой.

И добрая «учительша» устроила Дашу. Прежде всего она послала ее въ губернскій городъ, гдѣ сестра ея состояла преподавательницей женской гимназіи.

У этой-то сестры и стала жить Даша, постепенно подготавливаемая ею къ первому классу гимназіи.

А черезъ восемь лѣтъ, девятнадцатилѣтняя Дарья Гурьева съ золотой медалью кончила гимназію и поступила слушательницею въ педагогическій институтъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тяжелой усиленной работы въ Москвѣ на курсахъ съ ежегодными лѣтними наѣздами въ родное село къ старикамъ Гурьевымъ, которыхъ молодая дѣвушка всячески ублажала и баловала изъ своихъ скудныхъ средствъ (она давала постоянно уроки, чтобы имѣть возможность жить и учиться въ большомъ городѣ). Когда-же по истеченіи успѣшныхъ занятій на первомъ курсѣ, Даша получила стипендію, высшій знакъ одобренія за ея прилежаніе, эта стипендія ежемѣсячно отсылалась старикамъ Гурьевымъ, которые могли теперь, благодаря дочери, обзавестись несложнымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Уже будучи на послѣднемъ курсѣ, Даша пережила тяжелое горе. Крѣпкій какъ дубъ, старикъ Гурьевъ схватилъ тифозную горячку и умеръ на рукахъ жены.

Нечего и говорить, что Даша бросила свои занятія и уроки и помчалась хоронить отца.

Послѣ смерти хозяина, въ избушкѣ Гурьевыхъ оставалась мать старуха, да двое малолѣтнихъ ребятъ, братъ и сестра Даши, Серега и Машутка, дѣти по двѣнадцатому и одиннадцатому году.

Теперь, когда глава семьи, единственный послѣ Даши работникъ и кормилецъ былъ въ могилѣ, молодой дѣвушкѣ пришлось еще тяжелѣе.

Вернувшись въ Москву, несмотря на свое тяжелое горе, Даша должна была заканчивать нелегкій учебный годъ, сдавать выпускные экзамены на полученіе диплома и, въ то же время, еще усерднѣе бѣгать по урокамъ для прокормленія осиротѣвшей семьи.

Горе рѣдко приходитъ одно; чаще всего оно влечетъ за собою и другое. Не прошло и мѣсяца со дня смерти Василія Гурьева, какъ за нимъ послѣдовала и его старуха.

Опять полетѣла, раздавленная отчаяніемъ, Даша въ свою деревню хоронить мать-старуху, продавать избу и несложный хозяйственный скарбъ и перевозить въ Москву Сережу и Машу.

Молоденькая курсистка жила въ крохотной каморкѣ гдѣ-то на чердакѣ, снимая комнату у пальтовщицы. Всѣмъ троимъ было негдѣ умѣститься въ крошечномъ углу Даши. Къ тому же, надо было устроить учиться братишку и сестренку.

И вотъ, Даша Гурьева снова мечется въ хлопотахъ, бѣгаетъ, проситъ.

Съ трудомъ удалось опредѣлить въ ремесленный пріютъ Васю и въ городское профессіональное училище Машу.

Но такая перспектива далеко не удовлетворяла ихъ старшую сестру. Молодая дѣвушка рѣшила, во что бы то ни стало, заняться съ обоими, подготовить ихъ хорошенько, какъ когда-то готовила ее самою добрая сельская учительница, и если опредѣлить обоихъ не въ гимназію, то хотя-бы въ какоо-либо болѣе скромное учебное заведеніе, откудабы они могли выйти вполнѣ подготовленными, для самостоятельнаго заработка, людьми.

Все лѣто провела она надъ книгами, пополняя пропущенныя изъ-за семейныхъ несчастій занятія.

Затаивъ въ сердцѣ своемъ глубокую скорбь по умершимъ родителямъ, измученная, усталая отъ всего пережитаго, Даша училась теперь не покладая рукъ, употребляя на это все свое оставшееся отъ бѣготни по урокамъ время.

Теперь въ мысляхъ ея была одна цѣль. Сколотить какія-нибудь деньжонки и устроить какъ можно лучше брата и сестру.

Сдавъ блестяще экзамены, отложенные ею въ силу необходимости на слѣдующую осень, Даша Гурьева окончила курсъ и могла хлопотать о мѣстѣ для себя.

Послѣднее не замедлило явиться. Директоръ педагогическихъ курсовъ предложилъ молодой Гурьевой очень подходящее мѣсто гувернантки-преподавательницы къ почти взрослымъ барышнямъ, дочерямъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сокольскаго.

Мѣсто это предлагалось въ отъѣздъ, въ Петербургъ, и Даша, скрѣпя сердце, должна была оставить братишку и сестренку.

Устроивъ одну въ интернатѣ, имѣющемся при школѣ, другого же, пока что, въ ремесленномъ пріютѣ, она уѣхала поздней глухою осенью въ незнакомый, чуждый ей Петербургъ.

III.

ПРОБИЛО гдѣ-то поблизости на часахъ половина девятаго и одновременно въ переднюю просунулась уже знакомая Дашѣ сѣдая голова Гаврилы.

— Пожалуйте въ вашу комнату, барышня, отдохнете маленько, да кофейку попьете съ дороги, я вамъ туды и подносъ отнесъ.

Даша не заставила себя просить вторично и, снявъ свою ветхую, порыжѣвшую по швамъ жакетку, поспѣшно зашагала за старымъ слугой.

Первая комната, куда они вошли, очевидно была гостиная.

Лѣпные потолки, дорогіе обои, вычурная печь, всюду масса ненужныхъ и аляповатыхъ бездѣлушекъ и, не менѣе ихъ, грубо намалеванныхъ произведеній никому неизвѣстныхъ художниковъ въ тяжелыхъ, кричащихъ рамахъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, гобелены, поѣденные молью, ковры, потерявшіе отъ старости свой первоначальный видъ и цвѣтъ, модная, вычурная съ претензіей, но съ выцвѣвшей и потрепанной обивкой мебель, все это непріятно поразило съ перваго же взгляда Дашу.

Вторая комната удивила ее не меньше первой. Это была, повидимому, столовая. И здѣсь все поражало своей крикливой, убогой роскошью. Старые, поломанные стулья чередовались съ высокими кожаными табуретами. Въ открытомъ буфетѣ была разставлена наполовину перебитая посуда. На стѣнахъ висѣли деревянныя тарелки, рѣзные плоды, блюда и расписныя чучела гусей и фазановъ. А на столѣ лежала грязная, порванная въ нѣсколькихъ мѣстахъ скатерть и стоялъ съ проломаннымъ бокомъ никелевый самоваръ.

Поймавъ удивленный и брезгливый взглядъ дѣвушки, устремленный на грязную скатерть и на подносъ, уставленный разношерстнымъ сервизомъ, Гаврила тихо усмѣхнулся и съ легкимъ вздохомъ сказалъ:

— Не удивляйтесь, барышня, что у насъ-то несовсѣмъ того, чтобы во всемъ аккуратѣ. Одинъ я у нихъ да Нюша, моя внучка, мнѣ въ подмогу дана, не успѣваемъ; мы и по кухонной и по гостиной части и комнаты прибрать и состряпать что... Тутъ Содома-Гомора, прости Господи какая! Отъ гостей до гостей такъ и живемъ. За то, когда гости наѣзжаютъ, совсѣмъ по другому все здѣсь выходитъ.

Но старому Гаврилѣ не пришлось пояснить Дашѣ, что бываетъ въ домѣ Сокольскихъ, когда наѣзжаютъ гости, потому что, какъ разъ въ этотъ мигъ задребезжалъ электрическій звонокъ и прокатился призывнымъ звономъ по всей квартирѣ.

— Баринъ молодой проснулись! Бѣжать одѣвать ихъ надо... Ахти бѣда, подниметъ дымъ коромысломъ... Опять въ училище свое опоздаетъ! Кажиный день такъ-то: будишь его будишь, бровью не поведетъ, а потомъ къ девяти часамъ, глядишь, и пойдетъ гонка! Ужъ вы сами потрудитесь пройти въ вашу комнату, барышня. Вотъ отсюда по корридору третья дверь на право. А я бѣгу!

Послѣднія слова Гаврила договорилъ уже на ходу и, дѣйствительно, чуть не бѣгомъ выскакивая изъ столовой, скрылся въ прилегавшемъ къ этой комнатѣ темномъ корридорѣ.

Слѣдомъ за нимъ въ этотъ корридоръ вошла и Даша.

Сначала попавъ сюда изъ освѣщенныхъ въ это раннее утро электрическими рожками комнатъ, она не могла ничего различить въ двухъ шагахъ отъ

себя. Но вотъ забѣлѣлась какая-то дверь направо и Даша, толкнувъ ее, переступила порогъ комнаты.

Позднее ноябрьское утро слабо пробивалось сквозь палевыя занавѣски двухъ оконъ, борясь незамѣтно съ голубоватымъ свѣтомъ фонарика-ночника, дававшаго мягкое, какъ бы лунное освѣщеніе съ потолка комнаты. Въ этой комнатѣ царилъ полнѣйшій безпорядокъ.

Всюду: на диванахъ, креслахъ, пуфахъ, обитыхъ голубымъ крепономъ, даже на умывальникѣ и на туалетѣ были разбросаны всевозможныя принадлежности дамскаго туалета. Многія изъ вещей были просто брошены на полъ. Хорошенькая, обшитая кружевомъ, бѣлая блузка валялась на умывальникѣ, свѣсившись однимъ изъ своихъ пышныхъ рукавовъ въ рукомойную чашку.

Одна изящная бронзовая туфелька была закинута почему то на этажерку, тогда какъ другая находилась въ лапахъ прелестнаго бѣлаго какъ снѣгъ шпица, который старательно обгладывалъ своими острыми зубками ея высокій французскій каблукъ.

Растерянная и смущенная Даша, при видѣ всей этой картины, поняла только, что она, очевидно, попала въ чужую спальню и, желая, какъ можно скорѣе, исправить свою ошибку, поспѣшно схватилась за ручку двери.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное.

При видѣ посторонней, шпицъ благополучно выпустилъ изо рта и лапъ бронзовую туфельку съ наполовину испачканнымъ каблукомъ и, вскочивъ на ноги, залился бѣшенымъ лаемъ.

Въ первую минуту Даша замерла отъ неожиданности, потомъ попятилась назадъ къ порогу двери, а шпицъ все лаялъ, лаялъ выбиваясь изъ силъ. Онъ то храбро подскакивалъ къ подолу дѣвушки, угро-

жая скромной черной оборкѣ, которою было обшито ея кашемировое, дешевенькое платье, то отпрыгивалъ назадъ, не переставая браниться все время на своемъ непонятномъ собачьемъ языкѣ.

Неизвѣстно долго или коротко продолжалась бы подобная тактика, пока ошеломленная Даша уже собиралась отступить за дверь отъ своего не въ мѣру назойливаго врага, какъ неожиданно откуда-то изъ за угла послышался заспанный голосъ:

— Кто тутъ? Жужу, тубо? Что это ты не даешь спать, негодная собака! Молчи сію минуту, или...

И такъ какъ „негодная собака“ и не подумала исполнить отданнаго ей приказанія, что то темное выскочило изъ за угла, гдѣ стояли двѣ совершенно одинаковыя узенькія постельки, раздѣленныя ночнымъ столикомъ, и съ силой ударилось о пушистую бѣлую спинку собаки.

Лай мгновенно перешелъ въ отчаяннѣйшій визгъ, огласившій сонную тишину дома. Жужу поднялъ лапку, метнулся въ сторону и юркнулъ подъ диванъ, оставивъ на мѣстѣ происшествія изгрызанную туфлю и высокій сапогъ съ черной снуровкой,— орудіе наказанія обиженной собаченки. Почти одновременно съ этимъ на одной изъ кроватей отдѣлилась круглая головенка, утыканная разноцвѣтными бумажками-папильотками и заспанный голосокъ пропроизнесъ:

— Валька, противная, какъ ты смѣешь бить моего Жужутку!

— Сама противная! отвѣтила обладательница такой же точно завитой въ папильотки другой головы съ сосѣдней кровати.

— Ну, ужъ ты бы помолчала лучше. Смѣешь меня такъ называть! Розалія Павловна всегда говорила.... Голосокъ осѣкся, покрытый другимъ.

— Глупа твоя Розка Павловна! Да и нарочно она это, чтобы ты ее фотографировала изъ своего аппарата. А про меня папа всегда говоритъ, что я умница, развитая, а ты таблицы умноженія не знаешь и коверъ черезъ ять пишешь.

— Не ври! Не ври! Не ври! Сама вмѣсто дома Домна написала, всѣ еще хохотали до коликъ—и Вадя и Натали!

— Глупые они всѣ оттого и хохотали! Ошибокъ отъ невниманія не понимаютъ.

— А ты внимательнѣе будь!

— А ты умнѣе!

— Моего ума, не бойся, и на тебя хватитъ!

— Очень умна, если романы изъ комнаты Натали таскаешь и читаешь потихоньку.

— Врешь, врешь, врешь!

— Сама врешь! Сама врунья!

Двѣ тоненькія бѣлыя, въ длинныхъ ночныхъ сорочкахъ, фигуры одновременно вскочили на ноги на своихъ кроватяхъ и въ воинственныхъ позахъ стояли другъ противъ друга, угрожающе потрясая завитыми на бумажкахъ головами, точно два бодающіеся козлика, готовые сцѣпиться рогами.

Даша, изумленная, смущенная отъ всего происходившаго передъ ея глазами, бросилась между кроватями, встала между дѣвочками, заслоняя одну отъ другой своимъ собственнымъ худенькимъ тѣломъ. Послѣднія только сейчасъ замѣтили ее и, неистово взвизгнувъ, бросились подъ одѣяла, проворно закрылись ими съ головами, оставивъ на свободѣ однѣ только раскраснѣвшіяся, взволнованныя мордашки.

— Ай, ай! Чужая!

— Уйдите, пожалуйста! Мы не одѣты!

— Какъ вы попали сюда въ нашу комнату?

— Вы новая гувернантка? Да?

— M-elle Гурьева? пищали онѣ на разные голоса, стараясь какъ можно лучше укрыть отъ глазъ неожиданной посѣтительницы свои завитыя головы.

Все еще смущенная, Даша постаралась однако подавить въ себѣ нежелательное настроеніе и, призвавъ къ себѣ все свое самообладаніе на помощь, произнесла твердымъ голосомъ:

— Я рада случаю, приведшему меня сюда, чтобы познакомиться съ моими ученицами и воспитанницами. Дарья Васильевна Гурьева. Прошу любить и жаловать! и она протянула руку по направленію одной изъ кроватокъ.

Маленькая, но сильная рученка освободилась изъ подъ одѣяла и слабо пожала ея пальцы.

— Я—Полина, — произнесъ тонкій голосокъ,— старшая, а вотъ она младшая, Валя.

Тутъ вторая рука протянулась съ противоположной стороны къ Дашѣ.

Обѣ дѣвочки, забывшись, подняли головы, стараясь разглядѣть новую гувернантку.

— А вы—душенокъ!—произнесла безцеремонно Валя.—Не то что Розка Павловна. Та была вѣдьма порядочная. А вы—дуся, молоденькая. Сколько вамъ лѣтъ однако? Вы моложе Натали. А Натали ровно двадцать три года.

— Она у насъ старая дѣва!—со смѣхомъ закончила Полина.—А вамъ сколько? Восемнадцать, да?

Незамѣтно улыбнувшись, Даша присѣла на край постели старшей дѣвочки и довольно мягко проговорила:

— Сколько-бы мнѣ не было, я всегда останусь старше васъ. А спрашивать о годахъ у старшихъ— не совсѣмъ удобно.

Въ отвѣтъ на это Полина сдѣлала недовольную гримаску.

Первый день.

— Ахъ, mademoiselle, вы тоже любите читать нотаціи, какъ и Розалія Павловна.

— Иначе я-бы не была гувернанткой! — добродушно улыбнулась Даша.

Этотъ отвѣтъ, очевидно, понравился сестрамъ, потому что обѣ онѣ подскочили на своихъ пружинныхъ матрасикахъ и затрещали, перебивая одна другую:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы душенокъ, прелесть, не то что Розка! Недаромъ мы ее „выкурили“ злючку, крысу противную. Постоянно на насъ maman ябедничала. Ужасная дрянь! Мы ей разъ за это ея накладку рыжую въ черный цвѣтъ выкрасили, такъ что надѣть было нельзя. Подумайте, сама рыжая, а накладка, какъ уголь. Ха, ха, ха! А вы, mademoiselle, не носите накладки? А? Вонъ у васъ сколько волосъ на головѣ, ай, ай, что-то подозрительно, душончикъ! И прежде чѣмъ Даша успѣла опомниться, Валя, младшая изъ сестрицъ, свѣтловолосая, съ выпуклыми сѣрыми глазами дѣвочка, протянула руки къ ея головѣ, въ одинъ мигъ вытащила всѣ шпильки изъ дѣйствительно густой и тяжелой прически Даши. Густая и мягкая волна удивительно красивыхъ и пышныхъ волосъ мягко скользнула внизъ и окутала черной сѣтью всю невысокую фигуру молоденькой гувернантки.

— Ай, ай, какая прелесть! Вотъ гдѣ роскошь-то! Не то, что у Розки или у Наташки! Тутъ настоящіе волосы, а не шиньоны, не накладки фальшивыя! Прелесть, восторгъ, сокровище!

И, прыгая вокругъ Даши въ однѣхъ рубашенкахъ съ босыми ногами, дѣвочки хватали ее за нѣжныя шелковистыя пряди и тянули каждая къ себѣ.

И высокая худенькая Полина съ блѣднымъ лицомъ, съ темными глазами и бровями, и курносень-

кая Валя совершенно забыли о томъ, что видятъ Дашу въ первый разъ и что она является для нихъ начальствующимъ лицомъ въ нѣкоторомъ родѣ.

Напрасно молодая дѣвушка старалась возстановить порядокъ и урезонивала юныхъ проказницъ.

Ея слова не приводили ни къ чему.

Вдругъ, Валя, устраивавшая на головѣ своей новой гувернантки весьма сложное сооруженіе на подобіе японской прически, заглянула въ лицо Даши и вскрикнула:

— Душенокъ, отчего у васъ такое печальное личико! Я вамъ сдѣлала больно!

— Конечно, сдѣлала больно! — вмѣшалась недовольнымъ тономъ Полина, — ты извѣстный у насъ медвѣдь косолапый! Увалень!

— Ну, не ври пожалуйста! Воплощенная грація какая, подумаешь! Тоже воображаетъ, что граціозна и мила, какъ мотылекъ!—огрызнулась Валя.

— Разумѣется, граціозна, не тебѣ чета!

— Скажите, пожалуйста!

Пока дѣти пререкались между собою, Даша успѣла привести въ порядокъ свою голову. Свернувъ въ тяжелый жгутъ на затылкѣ свои пушистые густые волосы, она обратилась къ дѣвочкамъ:

— А вѣдь одна изъ васъ угадала вѣрно, проговорила она, взявъ за руки обѣихъ своихъ будущихъ воспитанницъ, — вы мнѣ, дѣйствительно, сдѣлали больно!

— А!—протянула сокрушенно Валя, въ то время, какъ темные глаза Полины метнули смущеннымъ взглядомъ изподлобья.

— Но не оттого больно, что дергали меня за волосы,—поторопилась она истолковать свои слова,— а потому, что такъ непочтительно относитесь къ

своей прежней гувернанткѣ, браните ее всячески и ссоритесь съ другъ другомъ изъ за всякаго пустяка!

— Розка стоитъ этого, повѣрьте! — буркнула себѣ подъ носъ Полина.

— Вѣдьма она!—вторила ей и Валя.

— Опять!

И, укоризненно покачивая головою, Даша поднялась къ двери.

— Вотъ, что, дѣти, произнесла она, останавливаясь на порогѣ,—одѣвайтесь скорѣе и выходите въ столовую, мнѣ хочется, наконецъ, видѣть моихъ ученицъ и воспитанницъ въ ихъ настоящемъ видѣ, а не съ такими невозможными головами! И она съ улыбкой указала глазами на покрытыя бумажными папильотками головы дѣвочекъ.

— Головы, какъ головы! Ничего нѣтъ удивительнаго въ завивкѣ. Натали всегда такъ завивается на ночь!—вызывающе проговорила Полина.

— Натали, это, если не ошибаюсь, ваша старшая сестра?

— Да!—небрежно бросила Валя.

— И вы, стало быть, считаете нужнымъ поступать по примѣру совсѣмъ взрослой барышни?! Но сколько же вамъ лѣтъ, однако?

— Мнѣ двѣнадцать, а Полинѣ четырнадцать!

— Ну, значитъ, вы совсѣмъ еще дѣти! А дѣтямъ смѣшно и нелѣпо такъ много думать о своей наружности! И я серьезнѣйшимъ образомъ попрошу васъ не завивать больше волосъ.

И, сказавъ это, Даша исчезла за дверью спальни дѣвочекъ, предоставивъ право бѣлому Жужу, снова поднять свой ужасающій лай.

IV.

О ея уходѣ, дѣвочки нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга, присѣвъ на край своихъ кроватокъ. Полина опомнилась первая.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!— протянула она и прищелкнула пальцами,—эта почище Розки будетъ, пожалуй.

— Ну, извини, пожалуйста, Розка—зѣлье, а это ангелъ, душонокъ, прелесть!

— Хороша прелесть: завиваться не позволяетъ. Да я и не подумаю слушаться.

— А я послушаюсь! Велика радость бараномъ ходить!

— Къ тебѣ не идутъ локоны, оттого ты и не хочешь! Къ тебѣ ничего не идетъ; курносая, бѣлобрысая, стоитъ труда и завиваться! Снимай папильотки скорѣе, подлизывайся для новой фуріи! И Полина, поднявъ руку, схватила бѣлый узелокъ бумажки съ закрученными въ него волосами на головѣ младшей сестры и съ силой потянула ее къ себѣ.

— Ай, ай, больно, не своимъ голосомъ завизжала Валя на всю квартиру и въ свою очередь вцѣпилась въ волосы сестры.

Неизвѣстно чѣмъ-бы закончилось это столкновеніе, если-бы въ комнату не влетѣла миловидная, румяная дѣвушка лѣтъ семнадцати и не бросилась разнимать сестрицъ.

— Барышни, золотцы мои! Перестаньте! Перестаньте, голубоньки! Полина Александровна, Валечка! Господь съ вами! Мамашенька еще услышитъ! Ночь они что-то плохо спали нынче.

Да и мамзель новая что подумаетъ про васъ! Сейчасъ пріѣхали, не успѣли въ домъ войти, а тутъ ужъ и война сразу, прости Господи! Одѣвайтесь, барышни, лучше поскорѣе. Вадимъ Александровичъ сказалъ, что гости нынче будутъ вечеромъ. Надо весь домъ вверхъ дномъ снова перевернуть, стало быть, успѣть!

— Кто? Кто будетъ? — такъ и всколыхнулись обѣ дѣвочки, и глаза ихъ сразу загорѣлись огоньками непреодолимаго любопытства.

— Да товарищи, сказывали, Вадима Александровича, да Натальи Александровнины подруги.

— Значитъ, опять танцовать будутъ?

— Ужъ коли молодые господа будутъ, такъ и танцевъ не миновать!

— Тра-ля-ля-ля!—неожиданно запѣла и закружилась, какъ была въ одной сорочкѣ, по комнатѣ Полина.

— Тра-ля-ля-ля! вторила ей Валя, и обѣ сестрицы, забывъ недавнюю ссору, схватились за руки и завертѣлись по комнатѣ все еще босыя и неодѣтыя, выпѣвая мелодію моднаго вальса.

Въ это время Даша стояла посреди небольшой полутемной комнаты, единственное окно которой упиралось въ стѣну сосѣдняго дома, заставленной наполовину шкапами, съ довольно убогой обстановкой въ видѣ простой желѣзной съ жесткимъ стружковымъ матрасомъ—постелью, съ поломаннымъ умывальникомъ и кривоногимъ столомъ.

Комната эта, очевидно, имѣла назначеніе гардеробной. Старенькій чемоданъ Даши Гаврила предупредительно положилъ на два составленные стула, чтобы молодой дѣвушкѣ можно было, не наклоняясь,

разобрать вещи.—На столѣ стоялъ подносъ съ чашкой уже остывшаго кофе и кускомъ ситнаго на тарелкѣ.

Даша, не успѣвшая выпить чаю на вокзалѣ, не безъ аппетита уничтожила и холодный невкусный кофе, и сѣрый получерствый хлѣбъ. Потомъ принялась разбирать свои несложные пожитки. Въ отдаленномъ углу комнаты стоялъ небольшой съ полувыдвинутыми ящиками комодъ, очевидно, предназначенный для вещей гувернантки, въ него-то и стала заботливо укладывать свои вещи молодая дѣвушка.

Потомъ она съ особенной заботливостью развернула два любительскихъ снимка, сфотографированныхъ ею прошлымъ лѣтомъ во время вакацій собственноручно. На одной изъ фотографій былъ изображенъ старикъ крестьянинъ въ рубахѣ на выпускъ и въ самодѣльныхъ лаптяхъ и пожилая женщина въ сарафанѣ. На другомъ двое босоногихъ ребятишекъ въ крестьянскомъ же платьѣ, тоже снятые Дашей прошлымъ лѣтомъ,—ея братъ и сестра.

Прежде нежели поставить на комодъ рядомъ съ крошечнымъ зеркальцемъ и рабочей корзинкой эти двѣ фотографіи въ незатѣйливыхъ бумажныхъ рамкахъ, Даша долго смотрѣла на первую изъ нихъ затуманенными отъ слезъ глазами.

— Милые! Милые мои! мысленно повторяла она,—вы видите, какъ нелегко сейчасъ вашей старшей дочуркѣ! Чужой домъ, чужіе люди, дурно воспитанныя, избалованныя дѣти, все это не можетъ не волновать меня.

Но я твердо, чего бы мнѣ это не стало, выполню мою задачу и дойду съ Божіей помощью до намѣченной мною цѣли. Не безпокойтесь за меня, милые, я приложу всѣ свои старанія, чтобы дать приличное образованіе Сережѣ и Машѣ, сдѣлать

ихъ людьми, предоставить имъ возможность зарабатывать самимъ кусокъ хлѣба. Только вы, мои, дорогіе, батюшка съ матушкой, помолитесь за свою Дашу тамъ, на небѣ, чтобы вашими родительскими молитвами Господь умудрилъ и подкрѣпилъ ее.

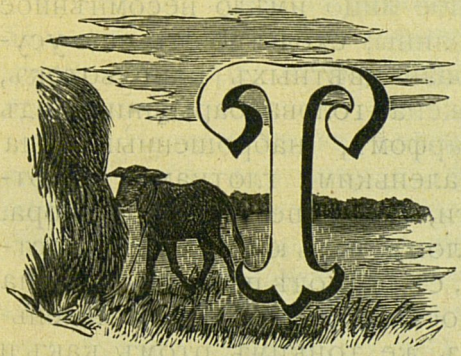
Сильно билось сердечко дѣвушки и невольныя слезы выкатились у нея изъ глазъ, когда она нѣжно прижалась губами къ дорогимъ ей изображеніямъ.

Заглянувшій въ эту минуту въ ея комнату Гаврила смущенно попятился, было, назадъ.

Но Даша быстро и незамѣтно вытерла слезы, поставила на комодъ портреты и твердымъ, уже вполнѣ спокойнымъ голосомъ спросила старика:

— Что вамъ надобно, голубчикъ?

— Пожалуйте, въ столовую, барышня, генеральша просятъ... Они сегодня раньше встали... Переговорить желаютъ съ вами. И, указывая дорогу Дашѣ, старый слуга повелъ ее за собой.



V.

ЕПЕРЬ вокругъ обѣденнаго стола, такъ поразившаго Дашу своимъ нечистоплотнымъ видомъ, сидѣли старшіе члены семьи Сокольскихъ.

Быстрымъ взглядомъ окинувъ съ порога комнату, Даша увидѣла ихъ всѣхъ.

За самоваромъ въ широкомъ и удобномъ креслѣ

находилась еще далеко не старая дама въ бѣломъ, не особенно свѣжемъ капотѣ съ небрежно причесанной головой, очень полная, рыхлая, съ желтымъ одутловатымъ лицомъ и пухлыми руками съ короткими пальцами.

Дашѣ сразу бросилось въ лицо поразительное сходство ея съ Валей. Мать и дочь обладали тѣмъ же вздернутымъ носомъ и выпуклыми сѣрыми глазами, тѣми же свѣтлыми, мягкими волосами.

Противъ хозяйки дома сидѣлъ съ газетой хозяинъ, въ черномъ потертомъ бархатномъ халатѣ съ синими отворотами и съ такимъ же поясомъ, съ кистями. Но совершенно лишенный волосъ черепъ былъ прикрытъ бархатной шапочкой, а на длинномъ хрящеватомъ породистомъ носу сидѣло золотое пенснэ, съ помощью котораго онъ читалъ газету, забывъ, казалось, вовсе о стаканѣ съ остывшимъ чаемъ. По правую руку отъ старика сидѣла молодая барышня въ какой-то небрежной распашной блузѣ, чернолицая, худенькая, съ усталымъ лицомъ и тонкими губами.

Это блѣдное усталое лицо имѣло несомнѣнное сходство съ лицомъ Полины; сходство это еще усугублялось отъ массы разноцвѣтныхъ папильотокъ, которыми была вооружена голова барышни, подъ легкимъ газовымъ шарфомъ, наброшеннымъ на нее. Она пила кофе маленькими глотками, не отрывая глазъ отъ книги, лежавшей у ея прибора. Четвертое лицо за столомъ былъ юноша лѣтъ шестнадцати, худой, зеленый, съ по-модѣ прилизанными на англійскій проборъ волосами, съ быстрыми маленькими глазками и такимъ же тонкимъ ртомъ, какъ и у старшей сестры. При появленіи въ столовой Даши, всѣ головы, за исключеніемъ самого Сокольскаго, повернулись къ ней и съ нескрываемымъ любопыт-

ствомъ глаза присутствующихъ устремились на встрѣчу дѣвушкѣ. Одинъ хозяинъ дома по прежнему не отрывался отъ газеты. Быстрыми шагами Даша подошла къ столу и, не безъ достоинства поклонившись хозяйкѣ дома, проговорила:

— Дарья Гурьева. Мнѣ передавали, что вы желали говорить со мною.

— Очень пріятно, очень пріятно,—протягивая ей свою пухлую руку, проговорила Екатерина Андреевна Сокольская.—Наконецъ-то вы пріѣхали. А то дѣвочки мои совсѣмъ отъ рукъ отбились безъ надзора. Вѣдь два мѣсяца прошло какъ отъ насъ уѣхала Розалія Павловна, а вы сами знаете, какъ бездѣйствіе вредно отзывается на живыхъ и непосредственныхъ натурахъ.

— Ну, ужъ вы скажете тоже, мама,—безцеремонно прервала мать Наташа Сокольская (барышня въ распашной блузѣ съ папильотками подъ шарфомъ на головѣ)—хороши непосредственныя натуры, нечего сказать! Надѣюсь, мадемуазель,—слегка прищуривъ глаза и кивнувъ головой въ отвѣтъ на почтительный поклонъ Даши,—обратилась къ ней барышня,—что вы возьмете въ ежовыя рукавицы нашихъ сестеръ: невозможныя, отвратительныя дѣвченки!

— Натали права,—вмѣшался юноша, обдергивая на себѣ курточку съ форменными пуговицами одного изъ среднихъ привиллегированныхъ заведеній столицы и шаркая ногою по адресу Даши,—пожалуйста, наказывайте ихъ почаще, мадемуазель, это имъ полезно. А, главное, передайте имъ, что если онѣ будутъ бѣгать ко мнѣ въ комнату и таскать тамъ карандаши и ручки, такъ я имъ уши оборву обѣимъ.

— О, Вадимъ, какъ можешь ты такъ говорить

Гос. Публ. Библиот. в Ленин.

о маленькихъ сестрахъ!—вмѣшалась Екатерина Андреевна съ укоромъ къ сыну, покачивая головой.

Но тотъ только махнулъ рукою и, промямливъ что-то себѣ подъ носъ, всталъ изъ-за стола, подошелъ къ матери, наскоро чмокнулъ ея руку, тоже самое продѣлалъ съ рукой отца и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, сказавъ съ порога, что онъ опоздаетъ въ училище и долженъ спѣшить поэтому. Тутъ только хозяинъ дома оторвался отъ своей газеты.

— Гм! Гм!—произнесъ онъ недоумѣвающе,—почему это Вадя сегодня ѣдетъ въ училище, а не вчера уѣхалъ!

— Ахъ, Alexandre, какъ же ты не помнишь, вѣдь вчера былъ абонементъ въ оперѣ! А послѣ театра Вадиму было уже поздно ѣхать!—вступилась за сына мать.

— Ну, матушка, ему учиться надо, а не по театрамъ ѣздить! Того и гляди на третій годъ въ классѣ останется. Что мы будемъ тогда съ такимъ верзилой дѣлать! Мнѣ и съ дѣвченками возни не мало. Для учебнаго заведенія Полина и Валерія ничего не знаютъ, гувернантки у нихъ черезъ три мѣсяца мѣняются... Гм! Гм!—закашлялся Сокольскій отецъ тутъ только замѣтивъ Дашу и, поднявшись со стула, отвѣсилъ ей почтительный поклонъ.

— Пожалуйста, будьте съ ними построже,—говорилъ онъ черезъ минуту,—мать и предшественницы ваши себѣ на голову избаловали дѣвочекъ. Они ничего не знаютъ, ничѣмъ не интересуются, кромѣ платьевъ, выѣздовъ въ театры и танцовальныхъ вечеринокъ. Я не знаю даже, умѣютъ-ли они читать какъ слѣдуетъ по русски, не говоря уже о другомъ. Къ сожалѣнію, моя служба не позволяетъ мнѣ заняться этимъ вопросомъ лично, а моя жена

весьма слабая мать, обожающая дѣтей. Такъ ужъ вы, mademoiselle, простите, не знаю вашего имени-отчества.

— Дарья Васильевна!—подсказала Даша.

— Дарья Васильевна,—повторилъ Сокольскій, я получилъ отъ вашего бывшаго начальства такіе лестные отзывы о васъ, что съ удовольствіемъ вручу вамъ воспитаніе моихъ дочерей. Только убѣдительно прошу васъ быть съ ними взыскательной и строгой.

Тутъ хозяинъ дома опять отдалъ поклонъ дѣвушкѣ и, поспѣшно вставъ изъ за стола, вышелъ изъ комнаты. Наступило неловкое молчаніе.

— Вы уже пили кофе? Можетъ быть выпьете чашечку? — чтобы какъ-нибудь прервать его, предложила Дашѣ хозяйка.

Молодая дѣвушка поблагодарила и отказалась.

— Конечно, въ словахъ моего мужа много правды, — начала немного смущеннымъ голосомъ генеральша,—но... но надо же и умѣть быть снисходительнымъ къ бѣднымъ дѣтямъ! Объ этомъ-то я и хотѣла поговорить съ вами. И Поленька, и Валюша— обѣ дѣвочки обладаютъ золотыми сердцами, и если за нихъ взяться съ должнымъ...

— Ну, вы, опять за старое, мама! — съ досадой отбросивъ отъ себя книгу, довольно рѣзко произнесла Натали,—вотъ видите-ли, мадемуазель,—обратилась она къ Дашѣ, немало смущенной ея выходкой,—мама наша очень добра и снисходительна къ этимъ милымъ дѣтямъ, а милыя дѣти обладаютъ очаровательными замашками: они лѣнятся, лгутъ на каждомъ шагу и даже воруютъ!

— Натали!—съ ужасомъ вскричала генеральша.

— Да, да, воруютъ! Я въ этомъ могу вамъ дать мое слово, мадемуазель! — жесткимъ голосомъ подтвердила молодая Сокольская, — я нѣсколько разъ

*

замѣчала, что онѣ у меня духи и конфекты таскаютъ и фрукты изъ буфета. Такія скверныя дѣвченки! За уши ихъ драть надо, Вадимъ правъ, а не баловать ихъ, какъ балуетъ мама.

— О, какъ ты строга, Натали! Давно-ли сама была дѣвочкой! — произнесла со слезами въ голосѣ Екатерина Андреевна.

Но молодая Сокольская только упрямо покачала головою.

— Я была совсѣмъ другою. Я блестяще кончила институтъ съ золотой медалью и помогаю вамъ давать образованіе сестрамъ, этимъ негоднымъ тупицамъ. Я учу ихъ языкамъ и даю возможность этимъ не брать въ домъ француженки, нѣмки и англичанки. Вы это отлично знаете, maman... Дарья Васильевна! вы должны мнѣ помочь своимъ вліяніемъ. Отъ maman помощи не жди!

И, рѣзко отодвинувъ свое кресло, Натали захватила книги съ собою и направилась къ двери. Черезъ минуту она, однако, вернулась снова.

— Васъ зовутъ Дарьей Васильевной? — произнесла она, обращаясь къ Дашѣ.—Согласитесь сами, мадемуазель, что это звучитъ не слишкомъ мелодично. Мы будемъ называть васъ мадемуазель Долли, если вы не имѣете противъ этого ничего. Не правда-ли?

Даша, у которой голова шла кругомъ отъ мысли о перспективѣ провести, можетъ быть, цѣлые длинные, безконечные годы въ столь почтенномъ семействѣ, поспѣшила отвѣтить, что она ничего не имѣетъ противъ новаго имени.

И вполнѣ, повидимому, удовлетворенная ея отвѣтомъ, Натали изчезла изъ столовой.

Въ глубокой задумчивости сидѣла за столомъ Даша. Въ ея головѣ уже зарождалось малодушное

рѣшеніе отказаться отъ мѣста и, бросивъ все, умчаться сегодня же въ Москву.

Но тутъ передъ ея внутреннимъ взоромъ выплыли хорошо знакомыя и дорогія личики Маши и Сережи, ради которыхъ она, Даша, должна принести себя въ жертву, должна смириться и въ тяжеломъ трудѣ зарабатывать свой хлѣбъ, чтобы дать возможность подняться на ноги своимъ юнымъ сестрѣ и брату.

Она такъ глубоко ушла въ свою задумчивость, что не слышала, какъ въ столовой появились ея воспитанницы, одѣтыя въ коричневыя платья и черные передники, какъ гимназистки, но съ туго завитыми кудерьками на лбу.

Онѣ усѣлись за столъ и съ тихимъ смѣхомъ, подталкивая другъ дружку, глазами указывали на задумавшуюся гувернантку.

Наконецъ, выскользнувшій изъ рукъ Полины стаканъ, разбившійся вдребезги, вывелъ Дашу изъ ея оцѣпенѣнія.

— Наконецъ-то!— громко расхохоталась Валя.— Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!—запѣла на всю комнату шалунья.

— Валя! Не смѣй пѣть за столомъ! — придавая своему добродушному лицу строгое выраженіе, проговорила Екатерина Андреевна, хмуря свѣтлыя, точь-въ-точь такія-же какъ у дочери, брови.

Это какъ-бы послужило сигналомъ къ дальнѣйшему. Обѣ дѣвочки вскочили какъ по командѣ и бросились къ матери. Валя буквально повисла у нея на шеѣ, цѣлуя въ лицо, въ носъ, въ глаза и въ щеки. Полина тянулась губами къ черному пятнышку на шеѣ матери и приговаривала:

— Моя родинка! Славная, вкусная, милая моя

родинка! Мой мамусикъ, мусикъ, дусикъ! Вкусный мусикъ, добрый! Хорошій, и мой, мой, мой!

— Врешь, мой! Я люблю мусика больше чѣмъ ты!

— Нѣтъ, я больше!

— Нѣтъ, я, я, я, я!

Екатерина Андреевна тщетно отбивалась отъ этихъ бурныхъ ласкъ, а съ лица ея такъ и не сходила добродушно-блаженная улыбка.

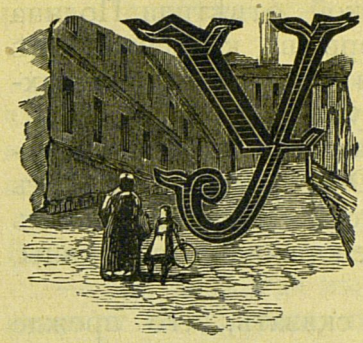
— Взгляните только, какъ мои дѣвочки любятъ меня! — казалось, говорила эта улыбка,—и о нихъ еще могутъ говорить, что онѣ злыя дѣти.

Но Даша оказалась гораздо дальновиднѣе счастливой матери. Она сразу поняла, что тутъ совсѣмъ не играетъ роль чувство любви и потребность ласки; просто дѣвочкамъ хочется пошумѣть и повозиться, а, кстати, и поспорить другъ съ другомъ. Поэтому, она рѣшила сразу прекратить сцену изліяній:

— Ну, дѣти, довольно. Идемъ въ классную. Я проэкзаменую васъ и сдѣлаю росписаніе нашихъ занятій!—произнесла она голосомъ, не допускающимъ возраженій и рѣшительнымъ шагомъ направилась къ двери.

Что-то властное звучало въ этомъ голосѣ и было во всей небольшой, но полной достоинства фигуркѣ молодой дѣвушки, и это передалось дѣтямъ.

Полина и Валя оставили въ покоѣ мать и, гримасничая за спиной гувернантки, все-таки покорно послѣдовали за нею.



VI.

ВЫ! сегодняшній день готовилъ не мало непріятныхъ сюрпризовъ Дашѣ.

Она пришла къ этому печальному заключенію, какъ только очутилась со своими двумя воспитанницами въ большой свѣтлой комнатѣ съ двумя столиками у оконъ и съ большимъ трюмо, поставленномъ въ простѣнкѣ между оконъ.

Почему въ учебной комнатѣ находилось это трюмо—никто не объяснилъ Дашѣ. А самой ей не хотѣлось спрашивать объ этомъ у ея ученицъ, такъ какъ каждая минута, предназначенная для занятій, оцѣнивалась на вѣсъ золота молодой дѣвушкой.

— Дѣти, начала Даша, когда дѣвочки помѣстились по обѣ стороны ея за столиками, причемъ Валя строила невозможныя гримасы въ зеркало, а Полина, болтая ногою, вызывающе поглядывала на новую гувернантку. Казалось, отъ ихъ прежней утренней симпатіи къ Дашѣ, вызванной первымъ впечатлѣніемъ, теперь не оставалось и слѣда.

Молодая гувернантка, несмотря на свою миловидность, скромность и даже нѣкоторую застѣнчивость, какъ-то, сразу, къ полнѣйшему неудовольствію дѣвочекъ, круто повернула дѣло, и проявила недюжинный характеръ и мирную волю, чего обѣ дѣвочки никакъ не ожидали отъ нея.

— И совсѣмъ она не душенокъ, а вѣдьма, хуже Розки!—успѣла шепнуть Валя, при выходѣ изъ столовой, сестрѣ.

— Ничего, мы ее живо вышколимъ, шелковая

будетъ!—съ нехорошей улыбкой отвѣтила Полина такимъ же шепотомъ. А теперь въ классную обѣ дѣвочки явились во всеоружіи своей вдругъ вспыхнувшей антипатіи къ новой гувернанткѣ.

Но Даша старалась не замѣчать этихъ маневровъ своихъ воспитанницъ. Она, какъ ни въ чемъ ни бывало, взяла лежащую на одномъ изъ столиковъ русскую хрестоматію и, переворачивая страницы, проговорила:

— Дѣти, я должна вамъ сказать, что прежде нежели приступать къ урокамъ, я хочу вамъ продиктовать тѣ правила, которыя я считаю необходимыми внести въ вашу жизнь. А именно: вы должны вставать не позднѣе 8-ми, одѣваться какъ можно скорѣе и пить кофе не позднѣе трехъ четвертей девятаго, чтобы ровно въ девять часовъ уже садиться за уроки... Отдыхъ между уроками вы будете получать по десяти минутъ.—Въ которомъ часу вы обѣдаете?

— Какъ придется!—буркнула себѣ подъ носъ Полина.

— То есть какъ это „какъ придется“?—недоумѣвая, подняла брови Даша.

— Ну, да,—подхватила своимъ визгливымъ голоскомъ Валя,—если вечеромъ не бываетъ гостей, то мы обѣдаемъ въ шесть, если гости, то въ два часа, потому что послѣ двухъ у насъ переставленіе квартиры.

— То есть?

— Столпотвореніе Вавилонское!—захохотала Полина.

Даша ровно ничего не поняла изъ этого объясненія; однако, чтобы не развлекать дѣвочекъ, сдѣлала видъ, что сообщеніе ихъ ее вполнѣ удовлетво-

рило и совсѣмъ уже серьезно закончила начатую ею рѣчь.

— Ну, я переговорю съ вашими родителями, чтобы они установили точный порядокъ дня. Вамъ необходимо вставать, одѣваться, учиться, гулять и ложиться спать регулярно, въ одно и тоже время.

— Какъ, а когда у насъ вечера? — вырвалось у Вали.

— Да, да, когда мы танцуемъ до двухъ часовъ?— вторила ей Полина, презрительно щурясь куда-то въ уголъ.

— Какъ? Кто танцуетъ? опять не поняла Даша,— да развѣ маленькія дѣвочки танцуютъ на большихъ вечерахъ? И въ черныхъ грустныхъ глазахъ молодой дѣвушки отразилось самое искреннее изумленіе.

— Мы не маленькія! — презрительно фыркнула старшая изъ сестрицъ.

— Ну, объ этомъ мы не станемъ пререкаться,— тѣмъ же серьезнымъ тономъ произнесла Даша,—а вотъ лучше выньте ваши тетради, я сдѣлаю вамъ диктовку, чтобы имѣть понятіе о вашихъ успѣхахъ, дѣти.

Полина и Валя нехотя выдвинули ящики своихъ столовъ, развернули вынутыя изъ нихъ тетрадки, причемъ тетрадь Полины оказалась вся зарисованная женскими и мужскими профилями, а Валина щедро испещрена кляксами всевозможныхъ величинъ. Даша снова сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ рисунковъ и пятенъ и, давъ дѣтямъ время приготовиться, четкимъ и яснымъ голосомъ начала диктовать по книгѣ, изрѣдка заглядывая въ тетради сестричекъ.

Съ первыхъ же строкъ молодая дѣвушка была поражена тою массою ошибокъ, которыми уснащали свои диктовки обѣ дѣвочки. Къ довершенію всего Полина, то и дѣло, любовалась на себя въ зеркалѣ,

а Валя жеманничала и хихикала всякій разъ, что Даша отворачивалась отъ нея.

Но такъ или иначе злополучная диктовка была, наконецъ, закончена, ошибки подчеркнуты и пояснены и Даша принялась уже экзаменовать сестеръ по математикѣ, какъ неожиданно дверь классной широко распахнулась и въ комнату въ сопровожденіи бѣлаго Жужу впорхнула Натали.

На барышнѣ теперь уже не было ея утренняго пеньюара и шарфа. Изящный костюмъ для гулянья ловко обхватывалъ ея тонкую фигуру, а пышно завитую голову покрывала нарядная шляпа со страусовымъ перомъ. Держа въ рукахъ огромнѣйшихъ размѣромъ модную муфту, Натали порхнула къ зеркалу и стала охорашиваться передъ нимъ, небрежно бросая черезъ плечо по адресу Даши:

— Вы можете себѣ представить, мадемуазель Долли, у насъ классная—единственная свѣтлая комната во всемъ домѣ и я велѣла прислугѣ перенести сюда трюмо. По крайней мѣрѣ, здѣсь видно хорошо всѣ детали туалета... Какъ вамъ нравится мой костюмъ мадемуазель Долли? Не правда-ли, какъ подошли эти шеншеля къ синему бархату платья? А муфта? Это подарокъ рара. Я получила ее недавно въ день моего рожденія, когда мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ.

— Хи, хи, хи! захихикала Валя, занимавшаяся съ минуты появленія сестры тѣмъ, что дразнила Жужу, дергая его то за хвостъ, то за уши.

— Ха, ха, ха! безцеремонно въ голосъ расхохоталась Полина,—и, совсѣмъ, не восемнадцать, а цѣлыхъ двадцать три!

— Двадцать три! Двадцать три! Двадцать три!—затвердила какъ сорока Валя,—вскакивая со стула, хлопая въ ладоши и прыгая на одномъ мѣстѣ.

Натали вспыхнула какъ порохъ и съ пылающимъ лицомъ кинулась къ сестрамъ.

— Ага! Вы такъ то, дрянныя дѣвченки! Дразнить меня, вашу старшую сестру. Ну... постойте-же! И она больно рванула за косу Полину и уже намѣревалась схватить за ухо Валю, какъ вдругъ неожиданно подвернувшійся ей подъ ноги Жужу отчаянно и пронзительно завизжалъ на всю квартиру.

— Ты отдавила ему лапку! Ты нарочно это сдѣлала, нарочно! заливаясь слезами визжала Валя. Ты нарочно ее, мою собаку, чтобы мнѣ больно сдѣлать, на зло, противная, гадкая, старая дѣва!

— Что? Да какъ же ты смѣешь дрянь этакая!— и, прежде нежели Даша успѣла встать между сестрами, Натали подняла руку и дала звонкую пощечину младшей сестрѣ.

Валя взвизгнула еще пронзительнѣе, ей вторилъ не менѣе оглушительный визгъ Жужу и громкій хохотъ Полины, которая буквально, каталась, по дивану, находившемуся здѣсь въ классной.

Возмущенная и взволнованная всѣмъ происшедшимъ Даша, внѣ себя, кинулась къ рыдающей Валѣ, правая щека которой мгновенно покрылась багровымъ пятномъ. Обнявъ обиженную дѣвочку за плечи, она прижала ее къ себѣ и заговорила голосомъ, вздрагивающимъ отъ негодованія.

— О, это, уже слишкомъ! Вы не имѣете права такъ поступать съ моими ученицами m-lle Натали. Вы могли сдѣлать имъ выговоръ, пояснить на словахъ всю некорректность и непочтительность ихъ отношенія къ вамъ, но бить... Это возмутительно мадемуазель!

Даша вся дрожала, говоря это, точно оскорбленіе было нанесено не Валѣ, ея строптивой ученицѣ, а ей самой.

Въ первую минуту, еще далеко не остывшая отъ своего гнѣва, Натали подняла на Дашу вопрошающій взглядъ.

— Что? Что такое? Вы это мнѣ говорите?

— Да вамъ!—смѣло произнесли губы гувернантки,—и еще разъ повторяю, что не позволю обижать вамъ моихъ воспитанницъ. И еще, мадемуазель Натали, я попрошу васъ не входить въ классную во время уроковъ и не мѣшать намъ заниматься. А если вамъ необходимо пользоваться трюмо, которое стоить здѣсь, то сегодня же я попрошу Екатерину Андреевну приказать вынести его отсюда, потому что классная не можетъ служить никакимъ образомъ уборной...

Едва только успѣла договорить послѣднее слово Даша, какъ недоумѣвающе недовольное выраженіе лица Натали смѣнилось негодующимъ и злымъ.

Поблѣднѣвъ отъ бѣшенства, съ трясущимися губами, она роняла слова, въ то время какъ глаза ея такъ и прыгали отъ охватившей все существо молодой дѣвушки злобы.

— Да какъ вы смѣете! Да кто вамъ разрѣшилъ такимъ образомъ говорить со мною! Вы забыли, кто вы и кто я, сударыня! Я дочь вашихъ хозяевъ, я сама здѣсь хозяйка, а вы... вы...

— Бѣдная гувернантка!—произнесла Даша повидимому спокойно,—да, бѣдная гувернантка,—повторила она еще разъ,—но я не позволю вамъ такъ обращаться съ ввѣренными моему попеченію дѣтьми.

— Ну, мы еще посмотримъ, какъ вы мнѣ можете разрѣшить или не разрѣшить! Во всякомъ случаѣ, я сегодня же буду говорить съ maman о вашей дерзости и...

Натали не могла докончить своей фразы подъ наплывомъ охватившаго ее бѣшенства.

— Говорите что угодно обо мнѣ,—совершенно спокойно отвѣчала ей Даша,—но я васъ еще разъ попрошу самымъ серьезнымъ образомъ покинуть классную и предоставить вашимъ сестрамъ возможность заниматься.

Натали оставалось только подчиниться благоразумному требованію гувернантки и уйти. Но ей хотѣлось, во что бы-то ни стало, обставить уходъ этотъ какъ можно для нее блестяще.

— Я могу уйти совсѣмъ изъ классной и больше не возвращаться сюда! — произнесла она пренебрежительно,—но позвольте васъ спросить: кто будетъ заниматься съ моими сестрами языками? И она насмѣшливо прищурила на Дашу свои, все еще горящіе гнѣвомъ, глаза.

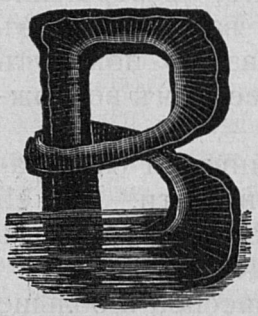
— Объ этомъ вы уже переговорите съ вашей матушкой!—спокойнымъ своимъ тономъ возразила Даша, — я-же прошу только сейчасъ одного,—дать намъ возможность заниматься и не примѣнять къ дѣтямъ тѣхъ крутыхъ мѣръ, какія вы позволили себѣ нѣсколько минутъ назадъ!

И, считая вопросъ исчерпаннымъ, Даша стала просматривать начатую Полиной, до появленія старшей сестры, задачу.

Бросивъ уничтожающій взглядъ на гувернантку, старшая Сокольская, шурша юбками, вышла изъ классной. За нею выскользнулъ и Жужу.

— Ну, Валя, а теперь утрите ваши глазки. А вы, Полина, занимайте ваше мѣсто и будемъ дѣлать задачу? какъ ни въ чемъ ни бывало обратилась Даша къ обѣимъ дѣвочкамъ и, взявъ въ руки карандашъ, принялась имъ растолковывать способъ рѣшенія.

VII.



ЕСЬ остальной день былъ сплошною загадкой для молодой дѣвушки.

Едва покончивъ съ уроками, всѣ трое, и ученицы и учительница, вышли въ гостиную и Даша не узнала послѣдней.

На старенькую потертую мебель были накинуты какіе-то изумительные чехлы изъ легкой шелковой ткани, придавшіе мебели много болѣе свѣжій и парадный видъ.

Протертыя рамы на картинахъ теперь блестѣли. Старый стоптанный коверъ исчезъ безслѣдно, паркетъ натертый до блеска поражалъ своей свѣжестью. Кудлатый настройщикъ настраивалъ инструментъ въ углу.

Въ столовой длинный, накрытый свѣжей скатертью, столъ уставлялся при помощи Гаврилы и его внучки Нюши взятой откуда-то на прокатъ посудой. Въ кухнѣ приглашенный на этотъ день поваръ ожесточенно выстукивалъ ножами какой-то однотонный мотивъ. Два оффиціанта безшумно скользили по комнатамъ. Сама генеральша (дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сокольскаго прислуга называла генераломъ, какъ и жену его генеральшей), встрѣтила дѣтей и Дашу съ томной усталой улыбкой и съ флакономъ нюхательнаго спирта въ рукѣ:

— Сегодня у насъ вечеръ, не удивляйтесь этой перестановкѣ m-lle Долли, — произнесла она, держа флакончикъ со спиртомъ у носа и поминутно вдыхая въ себя заключенный въ немъ растворъ — а у меня мигрень уже началась отъ всей этой возни

и шума... Ужасно трудно иногда приходится, когда имѣешь взрослыхъ дѣтей... Для Натали необходимо дѣлать вечера, устраивать балы, а потомъ вотъ подростутъ и эти стрекозы.—Она любовно погладила по головѣ Полину и, внезапно остановивъ глаза на багровой щекѣ Вали, добавила, очевидно вспомнивъ причину этого багроваго пятна.

— Мнѣ надо переговорить съ вами, мадемуазель. Пройдемте въ мою комнату. А вы, дѣти, подождите вашу наставницу. Только ничего не трогайте и не берите изъ буфета. Сейчасъ будетъ обѣдъ.

И, сдѣлавъ знакъ Дашѣ слѣдовать за собою, она повела молодую дѣвушку въ свою спальную, находившуюся въ томъ же полутемномъ корридорѣ, гдѣ были и помѣщенія ея дочерей.

Въ небольшой и плохо, очевидно наскоро убранной горницѣ генеральша пригласила Дашу занять мѣсто на кушеткѣ, сама сѣла въ удобное вольтеровское кресло и, нюхая спиртъ, обратилась къ дѣвушкѣ со слѣдующими словами:

— Сейчасъ у меня была Натали и жаловалась на васъ, m-lle, но, но... Натали моя чрезвычайно вспыльчивая, нервная и экспансивная дѣвушка. Я съ первыхъ же словъ поняла, что она виновата передъ вами... Пожалуйста извините ее... Разумѣется, она была не въ правѣ такъ обходиться со своими младшими сестрами, но m-lle, будьте-же снисходительны къ ней и... и... не давайте ей понять ея ошибку. Повѣрьте, она не глупая дѣвушка и отлично поняла всю несуразность своего поступка, но ей было-бы слишкомъ обидно если-бы вы вздумали подчеркивать это.

— Господь съ вами, Екатерина Андреевна, я и не думаю подчеркивать!—искренно вырвалось у Даши.

— Вотъ вотъ! Я такъ и знала, что вы — само

великодушіе, моя дорогая! обрадовалась генеральша. Такъ ужъ я надѣюсь, что сегодня на вечерѣ вы не покажете вида, что недовольны ею.

— Какъ на вечерѣ? Развѣ я должна присутствовать и на вечерѣ?—искренно испугалась Даша.

— Но, разумѣется, пока Полина и Валя будутъ танцовать!

— Что? Вы хотите, чтобы они посѣщали вечера для взрослыхъ. Но уже противъ этого я рѣшительно протестую, Екатерина Андреевна!—горячо вырвалось изъ груди Даши.

Екатерина Андреевна широко открыла глаза.

— Но почему-же?

— А потому, что дѣтямъ прежде всего необходимо вести регулярный образъ жизни: во время вставать, ѣсть и ложиться спать. Если они, протанцовавъ съ полъ ночи, улягутся въ три часа спать, то съ какими-же головами и нервами, въ какомъ настроеніи будутъ онѣ заниматься на слѣдующее утро!

Даша говорила горячо, убѣдительно. И тонъ ея и эта горячность пришлись по вкусу генеральшѣ. Госпожа Сокольская не протестовала больше.

— Однако, вамъ будетъ очень трудно убѣдить въ этомъ Полину и Валю,—произнесла она по окончаніи горячей рѣчи молодой дѣвушки.

— Убѣждать ихъ я и не собираюсь—совершенно спокойно проговорила Даша,—я просто не разрѣшу дѣвочкамъ присутствовать на балу.

И она, съ твердымъ намѣреніемъ осуществить свое намѣреніе, направилась къ двери.

Странный шорохъ за нею, быстро удаляющійся топотъ ногъ по корридору и гдѣ-то стукнувшая задвижка—наглядно доказали Дашѣ, что весь ея

Первый день.

разговоръ съ хозяйкой дома былъ подслушанъ ея юными воспитанницами. Даша огорчилась не на шутку. Но пока она ничего не могла подѣлать съ ея маленькой своенравной командой.

VIII.

ВЕЧЕРЪ. Отужинали въ спальнѣ дѣвочекъ, гдѣ и обѣдали нынче, кое-какъ, стоя, гдѣ кому досталось мѣсто, такъ какъ въ столовой все уже было приготовлено для пріема гостей.

Даша, не привыкшая къ изысканному столу, была, тѣмъ не менѣе, поражена тѣмъ, что подали на обѣдъ и на ужинъ ея воспитанницамъ, которыя, ввиду предстоящаго вечера, кушали сегодня отдѣльно отъ взрослыхъ.

Супъ представлялъ изъ себя какую-то мутную жижицу, второе — крѣпкіе пережареные куски битаго мяса, третье — старое вчерашнее пирожное съ вареньемъ. За ужиномъ—повтореніе тѣхъ-же блюдъ, что и за обѣдомъ, сдѣланномъ имъ къ 9-ти часамъ, Полина и Валя ничего не ѣли, все время хихикали и перешептывались между собой.

— Кушайте-же, дѣти!—убѣждала Даша, скрѣпя сердце, обѣихъ дѣвочекъ.

— Ну ужъ дудки, мы этой дряни ѣсть не станемъ. Кушайте ее сами, мадемуазель!—насмѣшливо проговорила Полина, — а у насъ съ Валей болѣе изысканный вкусъ.

— Ну-съ, мы можемъ подождать и до настоя-

щаго ужина. Тѣмъ болѣе, что танцы способствуютъ развитію аппетита!—вторила сестрѣ Валя.

— Ну, танцовать сегодня вамъ не придется, дѣти! Эта фраза прозвучала твердо и особенно отчетливо въ устахъ Даши.

— Что?

Полина быстро вскочила со своего мѣста. Валя уронила ложку, которой барабанила по столу и осталась сидѣть съ разинутымъ ртомъ и выпученными глазами. Такъ вотъ о чемъ такъ долго совѣщалась нынче съ ихъ матерью новая гувернантка! — хотя онѣ всячески старались подслушать подъ дверью, о чемъ шла рѣчь у взрослыхъ, но это имъ не удалось. Плотно запертая дверь и тяжелая портьера скрадывали звуки голосовъ, раздававшихся въ материнской спальнѣ, и имъ не удалось услышать ни слова.

За то теперь онѣ сразу поняли, о чемъ совѣщалась съ новой гувернанткой ихъ мать! Это «ничтожество»,—какъ они между собою окрестили гувернантку—осмѣливалась запрещать имъ танцовать на сегодняшнемъ балу!

Полина поблѣднѣла отъ злости, Валя покраснѣла, какъ ракъ.

— Вы... вы... не можете запрещать намъ, если, если... сама мама до сихъ поръ позволяла... вы... не смѣете! — лепетала старшая изъ дѣвочекъ, гнѣвно сверкая глазами по адресу Даши.

— Да, да, разъ мама намъ всегда позволяла это, вы не смѣете намъ запрещать! — вторила ей младшая. Въ тѣ минуты жизни, когда дѣвочки «ополчались», по ихъ же собственному выраженію, на кого бы то ни было, распри между ними забывались мгновенно.

— Мы пойдемъ къ мамѣ! — неожиданно вырва-

лось у Полины и она съ рѣшительнымъ видомъ метнулась къ дверямъ.

— Вы не пойдете безпокоить вашу маму, — спокойнымъ голосомъ возразила ей Даша,—потому что, если вамъ будетъ разрѣшено присутствовать на вечерахъ во время учебныхъ занятій, то я ни минуты не останусь въ вашемъ домѣ. Поняли вы меня?

Никакая угроза не могла бы оказать большаго дѣйствія на взволнованныхъ дѣвочекъ, какъ это простое заявленіе объ уходѣ ихъ молодой гувернантки. Сама не подозрѣвая того, Даша коснулась самого больного мѣста дѣтей.

Еще недавно отецъ предупредилъ дѣвочекъ, у которыхъ постоянно мѣнялись воспитательницы, что на этотъ разъ Дарья Васильевна Гурьева будетъ послѣднею. Если-бы она отказалась заниматься и вести ихъ, по примѣру ея предшественницъ, то онъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сокольскій, пригрозилъ отдать дочерей въ закрытое учебное заведеніе, котораго избалованныя и распущенныя дѣвочки боялись пуще огня.

Немудрено поэтому, что Полина какъ вкопанная остановилась посреди комнаты, не рѣшаясь выполнить намѣченное ею рѣшеніе. Съ минуту она, молча, съ ненавистью, смотрѣла на гувернантку. Потомъ сквозь зубы процѣдила что-то вродѣ „противная“, но такъ, что Даша этого никакъ уже не могла услыхать.

Потомъ рѣшительно подошла къ Валѣ и, шепча ей что-то на ухо, увела ее изъ комнаты.

Тяжелый вздохъ приподнялъ грудь Даши. Теперь, наединѣ сама съ собою, она могла предаться своимъ мыслямъ.

Печальны и мрачны были эти мысли молодой дѣвушки. Тяжелая, непосильная задача перевоспитать

дурно воспитанныхъ, капризныхъ, сильно избалованныхъ и своенравныхъ дѣвочекъ предстояла ей. Если-бы она замѣтила хотя бы единственную симпатичную черту у одной изъ сестрицъ, она не была бы въ такомъ отчаяніи. Но подобныхъ чертъ не предвидѣлось ни у Полины, ни у Вали.

Съ опущенной головой и тяжестью въ сердцѣ Даша прошла въ свою комнату. Тамъ уже Нюша стлала ей за огромными шкапами ея жесткую постель.

— Что, барышня, —ласково обратилась къ ней дѣвушка шопотомъ, то и дѣло робко поглядывая на нее,—тяжело вамъ, небось? Вижу сама, что тяжко у насъ, ужъ и не говорите. Розалія Павловна, та постарше была, да поопытнѣе, и то не выдержала, ушла...

— Я не могу уйти, Нюша!—вырвалось невольно у Даши,—у меня сестра и братъ маленькіе, воспитывать ихъ надо... Да и потомъ не вѣрится мнѣ что-то, чтобы обѣ дѣвочки были-бы такими дурными, какъ онѣ хотятъ казаться. Вели ихъ неправильно до сихъ поръ, а сердца у нихъ...

— Ой, сердца-то у нихъ мхомъ поросли, барышня, милая, особенно у Полины Александровны!—горячо зашептала Нюша,—такая ужъ ндравная у насъ вторая барышня, совсѣмъ вся въ старшую сестрицу. Генеральша-то у насъ добрая, да безъ харахтеру, генералъ не во что не касается, а ужъ молодые-то господа, барышня да барчукъ молодой! О, Госсоди! Не разъ изъ-за нихъ плакать пришлось!

— Ну, вотъ видите, Нюша,—такъ же тихо отвѣчала Даша дѣвушкѣ,—и не мудрено значитъ, что, не видя хорошихъ примѣровъ, дѣвочки также не отличаются добрыми характерами. Но, я надѣюсь, что мнѣ Господь поможетъ хоть немножко обуздать ихъ.

— Да какъ жить-то вы будете у насъ, барышня!

Въ гардеробной васъ устроили, виданое-ли это дѣло! И темно, и холодно, да и не уютно какъ. Каждую минуту я сюда шмыгаю, ужъ вы не разсердитесь, посылаютъ все за одежей, не по своей волѣ. Да и кормить то васъ плохо станутъ. Кухарки не держутъ здѣсь. Изъ кухмистерской обѣды берутъ. Только ежели гости—то поваръ готовитъ... Ужъ и жизнь, хуже каторги. Кабы не дѣдъ мой Гаврила, онъ еще въ крѣпостныхъ при отцѣ нашего барина въ мальчишкахъ состоялъ и вѣкъ отъ господъ не уйдетъ до самой смерти, такъ я-бы убѣжала, кажись, отсюда куда глаза глядятъ, барышня! Дѣла куча, брани еще больше, балы да вечера, а рукъ двѣ пары всего.

Нюша даже въ лицѣ измѣнилась, говоря это. Дашѣ было глубоко жаль молоденькую горничную. Она хотѣла успокоить и приласкать ее, какъ неожиданно неистовые крики со стороны спальни дѣвочекъ, крики угрозы и какая-то шумная возня заставили ее выбѣжать изъ ея непривѣтливой «гардеробной» и устремиться на эти крики и шумъ.

IX.

— Ага, какъ разъ кстати, mademoiselle Долли, такъ, кажется? Не угодно-ли взглянуть на новый проступокъ вашихъ дражайшихъ воспитанницъ!

И Вадимъ Сокольскій продолжалъ вытаскивать изъ-подъ чернаго передника Вали какой-то небольшой предметъ, который дѣвочка тщательно спасала изъ рукъ брата и черезъ силу боролась съ юношей.

Полина на этотъ разъ держала сторону сестры.

Она старалась, во что бы то ни стало, схватить за руки брата, чтобы помѣшать ему вырвать у Вали такъ тщательно оберегаемый ею предметъ. Всѣ трое кружились по комнатѣ, опрокидывая стулья, попадавшіеся имъ на пути, производя отчаянный шумъ и перекрикивая одинъ другого.

При видѣ вбѣжавшей Даши, Вадимъ, красный отъ негодованія и возни, остановился передъ молоденькой гувернанткой и процѣдилъ сквозь зубы (привычка, перенятая имъ у одного изъ товарищей, которому онъ слѣпо подражалъ во всемъ):

— Не угодно-ли полюбоваться на это сокровище ваше, — тутъ онъ подтолкнулъ за плечи впередъ младшую сестру, тоже красную и возбужденную не менѣе брата, — она стащила со стола коробку съ омарами и прячетъ ее. Я отлично видѣлъ какъ она кралась, унося что-то изъ столовой. Разумѣется, украдены омары. Ихъ, какъ разъ, и не хватаетъ на столѣ! Сейчасъ подавай ихъ обратно, воровка этакая!—съ угрожающимъ жестомъ прикрикнулъ онъ на Валю.

Даша, блѣдная отъ негодованія, выступила впередъ.

— Вы не должны оскорблять такъ вашу сестру, молодой человѣкъ!—произнесла она строгимъ голосомъ, сдвигая брови.

— Но разъ она украла! — дерзко глядя въ лицо молодой дѣвушкѣ, процѣдилъ Вадимъ.

— Украсть она, во всякомъ случаѣ, не могла, — тѣмъ же суровымъ тономъ проговорила Даша,—а если Валя и взяла что-либо съѣдобное, не предназначенное для нея, то она немедленно отнесетъ это на мѣсто. Хотя я убѣждена, что она ничего не брала.

Что-то безконечно увѣренное было въ выраженіи голоса и лица молодой дѣвушки, когда она говорила это.

Все еще красная отъ волненія и смущенная Валя подняла голову и встрѣтила взглядъ направленныхъ на нее глазъ гувернантки. И столько сочувствія и ласки и сожалѣнія прочла въ этихъ глазахъ дѣвочка, что не выдержала и съ рыданіемъ кинулась на шею Дашѣ, далеко отбросивъ на столъ тщательно скрываемый ею до сихъ поръ подъ передникомъ предметъ, оказавшійся ничѣмъ инымъ, какъ большимъ ломтемъ чернаго хлѣба, густо посыпаннымъ солью.

— Вотъ какіе это омары!—сквозь душившія ее всхлипыванія, прорыдала она.

Вадимъ сконфузился ни на шутку.

— Кто же могъ думать, что она такъ глупо поступитъ, будетъ прятать всякую дрянь какъ какое нибудь сокровище,—промямлилъ онъ, не безъ смущенія покидая комнату дѣвочекъ.

— Убирайся, скандалистъ этакій!—крикнула ему въ слѣдъ Полина,—и показала носъ въ слѣдъ брату, мелькомъ взглянувъ на Дашу.

Заступничество гувернантки озадачило дѣвочекъ. Валю оно растрогало и поразило; Полину поразило, и только, но обѣ сестры почувствовали впервые, что онѣ не правы въ отношеніи ихъ молодой наставницы, которая всей душей стремится къ нимъ на встрѣчу.

— Вы за меня за-а-а-сту-пились... Вы мнѣ... по-по-вѣ-рили,—всхлипывала Валя...—и... и... и... наклеили носъ это-му ду-ра-а-ку Вадькѣ и это-о-го я вамъ не за-а-буду никогда!—лепетала она сквозь слезы, прижимаясь къ груди молодой дѣвушки.

Даша поспѣшила разувѣрить дѣвочку, что менѣе всего она желала „наклеивать носъ“ Вадиму. Она просто не повѣрила его обвиненію, потому что никакъ не можетъ себѣ представить, чтобы такая боль-

шая и въ сущности славная дѣвочка могла сдѣлать что-либо предосудительное, дурное...

Пока она говорила, тщательно приглаживая льняную голову Вали, послѣдняя внимательно глядѣла на нее исподлобья заплаканными мокрыми глазами.

— Такъ вы мнѣ вѣрите, мадемуазель, значитъ?— произнесла она тихо, чуть слышно.

— Какъ же я могу вамъ не вѣрить, дитя мое, вѣдь вы меня ни въ чемъ не обманули!—искренно вырвалось изъ груди Даши.

— А намъ никто не вѣритъ... Даже мама. А про Вадима и Натали и говорить нечего!—произнесла Полина, тоже подходя къ Дашѣ,—а дурного мы ничего не сдѣлали сегодня... Мы хотѣли кушать и взяли хлѣба изъ буфетной. Развѣ это такъ дурно?

Большіе черные глаза Полины застѣнчиво и нерѣшительно заглянули въ добрые глаза молодой гувернантки. И снова горячая волна жалости хлынула въ сердце Даши. Эти бѣдныя дѣвочки были, дѣйствительно, не виноваты ни въ чемъ. Безалаберная жизнь въ домѣ, излишнее баловство матери и рядомъ съ нимъ грубое отношеніе къ нимъ сестры и брата,—все это не могло способствовать развитію добрыхъ началъ въ маленькихъ душахъ.

И тутъ же въ сердце молодой Гурьевой проникло рѣшеніе охранять эти врученныя ей судьбою молодыя души, направлять ихъ къ свѣту и добру. Подъ впечатлѣніемъ всего этого она обняла одной рукой Полину, другою Валю и дрогнувшимъ голосомъ, переведя свой взглядъ съ одной дѣвочки на другую, проговорила:

— Я вѣрю вамъ обѣимъ, дѣти, и готова стойко постоять за васъ передъ каждымъ, кто будетъ обвинять васъ въ дурномъ поступкѣ. А вы, мои дѣвочки, вѣрите-ли вы мнѣ, что я отъ души желаю вамъ добра?

И она выжидающе устремила глаза свои на старшую изъ сестеръ. Отъ Вали уже не требовалось никакого отвѣта; она повисла на шеѣ гувернантки, душила ее поцѣлуями и между поцѣлуями шептала:

— Вы... добрая... вы хорошая... Мы съ Полиной не знали, что вы такая... Мы разсердились на васъ... Думали: злая, гордячка... Думали, что жаловались на насъ мамѣ... И мстить хотѣли за то, что не пустили на балъ... а теперь... И, не договоривъ своей фразы, она снова душила Дашу поцѣлуями.

— Ну, а вы, Полина?—обратилась Даша къ старшей дѣвочкѣ,—вы вѣрите, что я хочу вамъ добра?

Блѣдная Полина нахмурилась, закусила губы и вдругъ лицо ея, это суровое, озлобленное, не дѣтское личико освѣтилось мягкой улыбкой и стало внезапно дѣтски привлекательнымъ и чрезвычайно милымъ.

— Я вѣрю! — произнесла она чуть слышно и вспыхнула до корней волосъ,—вы заступаетесь за насъ... вы хорошая. И вся порозовѣвшая отъ смущенія, съ застѣнчивой улыбкой, она протянула Дашѣ свою худенькую ручонку.

Та серьезно, какъ взрослой, пожала тоненькіе пальчики дѣвочки...

Первый день пребыванія Даши въ семьѣ Сокольскихъ закончился, наконецъ.

Совсѣмъ уже по дружески простившись передъ отходомъ ко сну съ ихъ новой гувернанткой, дѣвочки улеглись по своимъ постелямъ.

Передъ тѣмъ какъ имъ ложиться спать, Даша попросила Нюшу принести имъ поужинать „отъ большого стола“, то есть изъ тѣхъ вкусныхъ блюдъ, которыя готовились для гостей нынче.

Полина и Валя были въ восторгѣ и отъ этого новаго доказательства расположенія къ нимъ и вниманія новой гувернатки, и отъ тѣхъ вкусныхъ вещей, которыми онѣ очень любили лакомиться. Полина, забывъ утренній разговоръ по поводу завивки головы, принялась было уснащать бумажными папильотками свою черненькую голову, но, поймавъ обращенный къ ней полуудивленный, полунегодующій взглядъ Вали, смущенно отвела руку, разбиравшую пряди на головѣ, и пробурчала, съ сконфуженнымъ видомъ, себѣ подъ носъ:

— Я думаю, что завивка портитъ волосы.

— Я въ этомъ увѣрена,—подтвердила Валя.

Въ этотъ вечеръ дѣвочки ложились спать безъ обычныхъ споровъ и пререканій.

Въ своей неуютной, холодной и неудобной гардеробной въ это же время ложилась и ихъ молоденькая гувернантка.

— А какже, барышня,—удивилась заглянувшая къ ней въ ея комнату Нюша,—вы развѣ не выйдите къ гостямъ? Прежнія гувернантки завсегда танцовали на вечерахъ и ужинали съ гостями. А тѣ постарше васъ были. Вы такая молоденькая да хорошенькая, вамъ и повеселиться не грѣхъ. Барыня прислала меня спросить, пожелаете-ли вы выйти?

— Нѣтъ, нѣтъ, Нюша, я не выйду!—поблагодарите Екатерину Андреевну,—поспѣшила отвѣтить горничной Даша,—мое дѣло сопровождать дѣтей, быть съ ними, наставлять ихъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ и мое присутствіе излишне.

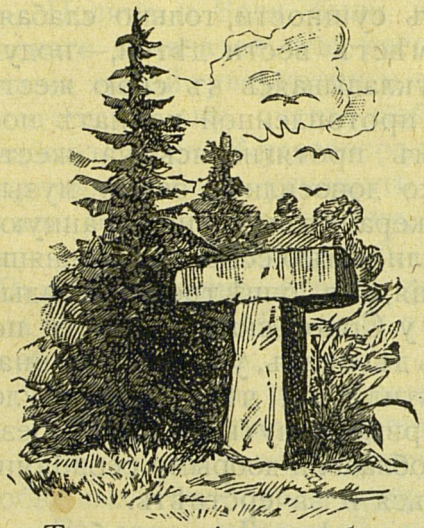
Нюша ушла очень удивленная такимъ оборотомъ дѣла. Черезъ четверть часа она вернулась, однако, снова принеся съ собою на подносѣ всевозможныхъ сластей, печенья и фруктовъ вмѣстѣ съ чашкою чая, заботливо присланныхъ Дашѣ генеральшею.

— А она премилая въ сущности, только слабая, безхарактерная, и не умѣетъ вести дѣтей,—подумала молодая дѣвушка, укладываясь въ свою жесткую, остывшую въ плохо протопленной комнатѣ постель и съ удовольствіемъ протягиваясь на жесткомъ ложѣ. До нея глухо доносились звуки музыки, громкіе выкрики дирижера и топотъ ногъ танцующихъ. Въ головѣ проходили нитью событія сегодняшняго дня, новыя впечатлѣнія, а въ душѣ твердо складывалось рѣшеніе остаться у Сокольскихъ и вести по правильному пути обѣихъ дѣвочекъ, у которыхъ она, въ концѣ концовъ, замѣтила то, что ускользнуло отъ ея наблюденія въ первыя минуты встрѣчи: безспорно, и Полина и Валя обладали добрыми сердцами; онѣ не успѣли испортиться и зачерствѣть.

А при такомъ положеніи дѣлъ Даша не боялась дальнѣйшаго: ей не страшна была взбаломошная Натали, ни черезчуръ избалованный Вадимъ, грубый и рѣзкій не менѣе его старшей сестры, ни сама нелѣпая жизнь въ этой странной семьѣ. Сердца ея воспитанницъ откликнулись на ея, Дашинъ, призывъ, слѣдовательно, ей нечего было бояться ничего остального.

И она спокойно уснула подъ отдаленно долетавшіе до нея звуки музыки и шумъ бала.

Ей снились сладкіе сны въ эту ея первую ночь въ чужомъ мѣстѣ. Снились ей покойные родители, простиравшіе надъ нею благословляющія руки, и братъ съ сестренкой, ласково кивавшіе ей и лепетавшіе какія-то хорошія любовныя слова, которыхъ никакъ не могла разобрать сладко улыбавшаяся во снѣ Даша.



Мать.

I.

УКЪ-тукъ! стучитъ всю ночь неугомонная машинка.

Шелеститъ-шуршитъ длинная полоса ситца или мягко сползаетъ на полъ съ рабочаго стола дешевенькая шерстяная матерія.

Тукъ-тукъ! однообразнымъ напѣвомъ выстукиваютъ знакомые звуки.

Мама, наклонивъ свою согнутую (а еще недавно такую прямую и стройную спину) надъ работой, одной рукой вертитъ колесо швейной машинки, другой поправляетъ работу.

Володина кровать какъ разъ противъ двери. Когда онъ просыпается ночью, то видитъ всегда все ту же знакомую картину. Столъ, заваленный работой, швейную машинку, а передъ ней усталую согнутую фигуру мамы, ея блѣдное лицо съ синими кругами-впадинами вокругъ глазъ, ея милую сѣдѣющую голову и эти скорбно сжатыя губы, которыя, съ нѣкоторыхъ поръ, совсѣмъ разучились, какъ будто, улыбаться. И съ какихъ именно поръ Володя помнитъ ясно.

Съ той минуты какъ на широкой постели вмѣсто живого папы появился мертвый чужой человѣкъ, мало напоминающій Володѣ, его старшей сестрѣ и маленькому братишкѣ прежняго веселаго, добраго

папу, такъ охотно обыгрывавшаго Володю въ шашки или рисовавшаго ему въ альбомъ веселыя каррикатуры,—со дня смерти папы мама ихъ разучилась улыбаться. Съ тѣхъ же поръ не можетъ себѣ иначе представить ее Володя какъ за работой, шитьемъ дешевыхъ шерстяныхъ и ситцевыхъ платьевъ для бѣднѣйшаго женскаго населенія ихъ дома или для чужихъ прислугъ. Мама беретъ со своихъ кліентокъ такъ дешево за работу, что послѣднія очень охотно несутъ къ ней въ шитье свои незатѣйливые наряды.

Когда былъ живъ папа, мамѣ не приходилось работать съ утра до вечера и съ вечера до утра. Папа былъ учителемъ рисованія въ трехъ гимназіяхъ. Зарабатывалъ онъ не такъ уже много, но маленькая семья не чувствовала нужды. Володя и Шура воспитывались на казенный счетъ въ гимназіи, а съ Ленькой занималась сама мама, учила азбукѣ Леньку и складамъ. Впрочемъ, и Шурѣ и Володѣ помогала заниматься, особенно по языкамъ (не идутъ языки у нихъ съ Шурой).

И теперь, часто. часто мама объясняетъ и помогаетъ Володѣ и Шурѣ справляться съ французскими и нѣмецкими уроками. А иногда (что грѣха таить!) и по математикѣ ему, Володѣ, приходитъ на помощь и по другимъ предметамъ.

Мама у нихъ—умница. Она и уроки могла-бы давать, да не хочетъ. Предпочитаетъ брать заказы шитья на домъ и не разгибая спины трудиться надъ ними, лишь бы не уходить изъ дома, не бѣгать по урокамъ.

— Богъ знаетъ, что можетъ случиться безъ моего призора съ дѣтьми,—говоритъ она въ тѣхъ случаяхъ, когда добрые люди предлагаютъ ей уроки.— Ленька мой еще малъ, ему семь лѣтъ только. Да и старшіе отъ него ушли не далеко. Шурѣ четыр-

надцать, одиннадцать Володѣ. Ну, куда ихъ оставить, такихъ малышей!

Володя самымъ искреннимъ образомъ не согласенъ съ мамой! Какой же онъ маленькій, напримѣръ? Онъ съ наслажденіемъ бы поплылъ въ Америку, скитался по преріямъ и воевалъ съ индѣйцами, какъ Слѣдопытъ. Развѣ маленькіе на это способны. О, мама ошибается, конечно. Онъ, Володя, совершенно взрослый человѣкъ.

И взрослый человѣкъ напоминаетъ легкимъ кряканьемъ о своемъ существованіи.

— Володя! Ты не спишь, милый? Что съ тобою, голубчикъ? Мама тревожно встаетъ со своего мѣста и спѣшитъ къ „голубчику“ изъ прихожей, крохотной комнатки, гдѣ она работаетъ по ночамъ, боясь помѣшать дѣтямъ.

Квартира ихъ состоитъ изъ одной комнаты и кухни. И за такую-то приходится платить шестнадцать рублей. Шутка-ли—шестнадцать рублей!

Володя счастливъ видѣть подлѣ себя маму и въ тоже время ему совѣстно, что онъ напугалъ и потревожилъ ее.

— А ты все работаешь,—говоритъ онъ нарочно соннымъ голосомъ и ловитъ на лету худенькую, съ исколотымъ иглою указательнымъ пальцемъ, лѣвую руку мамы. И еще тише, какимъ-то виноватымъ голоскомъ добавляетъ:—ты-бы легла, мамочка... а то ты работаешь, а мы спимъ...

— И спи, и спи, голубчикъ! — подхватываетъ какъ-то радостно мама.—И слава Богу, что спишь. Въ твои годы сонъ—это все! А я еще посижу немножко... Мнѣ совсѣмъ чуточку осталось дошить.

Володя знаетъ эту „чуточку“. Осталось сшить цѣлый лифъ толстой сосѣдской кухаркѣ.

Бѣдная мама опять просидитъ до утра!

Что-то щекочетъ въ горлѣ у мальчика. Онъ вытягиваетъ губы трубочкой, чмокаетъ мамину ладонь и валится ничкомъ на подушку, стараясь за прижмуренными глазами скрыть предательскія слезинки острой жалости и любви.

А мама заботливо подтыкаетъ подъ нимъ одѣяло „мѣшечкомъ“, нѣжно цѣлуетъ его въ вихрастую головенку и спѣшитъ отъ его кровати къ Ленькиной постели, который разметался въ безпорядкѣ и сбросилъ одѣяло на полъ. Мама укутываетъ и цѣлуетъ промычавшаго что-то во снѣ Леньку и отходитъ къ Шурѣ, которая спитъ вмѣстѣ съ мамой на широкой постели послѣдней. А потомъ снова идетъ въ свою каморку въ прихожую и до самаго утра, не разгибая спины, стучитъ машинкой, къ звуку которой такъ привыкли дѣти, крѣпко спящіе подъ ея монотонный шумъ.

II.

СЕГОДНЯ Володя вернулся изъ гимназіи раньше обыкновеннаго. И голова болитъ, и все тѣло ломитъ. Не смогъ досидѣть на урокѣ и пришелъ. Мама, встревоженная за своего мальчика, бросилась помогать ему раздѣваться, потомъ стала спѣшно разогрѣвать вчерашній супъ на бензинкѣ и мясную котлету.

Но Володѣ не до ѣды. Голова идетъ кругомъ, а передъ глазами расплываются темные круги. И капли пота то и дѣло проступаютъ на лбу.

— Только не разболѣйся, только не разболѣйся, мой ангелъ!—шепчетъ въ тоскѣ мама и нѣжно цѣлуетъ своего мальчика. . . . . .

. . . . . .

И какъ разъ надо же было такъ случиться, что разболѣлся Володя... И не одинъ Володя, а и Шура и Лелька.

У дѣтей Березовыхъ—корь.

Бѣдная Марья Ивановна въ первую минуту голову потеряла отъ свалившагося на нее несчастья. Съ этой жуткой болѣзнью въ крошечную квартирку входили еще три нежеланные жуткіе гостя: усиленные расходы, невозможность работать и нужда. Теперь уже нѣкогда стучать машинкой, да и заказчицы, перепуганныя корью, боятся нести работы.

Мама разрывается между тремя постелями, дѣлитъ себя на три равныя части между троими драгоцѣнными для нея больными.

— Мама, пить! Пить хочу! — срывающимся отъ жара голосомъ пищитъ Шура, которая плохо переноситъ всякія болѣзни, а эту корь особенно.

И мама несется съ теплымъ, только-что приготовленнымъ лимонадомъ для своей больной дѣвочки.

— Пей, моя родная, пей! — говоритъ она, нѣжными руками приподнимая съ подушекъ бѣлокурую голову подростка-дочери.

Шура отвѣдываетъ питье, морщится и пищитъ:

— Фу, гадость какая! Теплая! Точно чай! А мнѣ холодненькаго хочется и кисленькаго... Здѣсь совсѣмъ и лимона не положено, мама!

— Нельзя холодненькаго, дѣточка, докторъ запретилъ!

— А я хочу!—капризно тянетъ Шура, готовая разрыдаться.

Володя не можетъ вынести противной липкой

Мать.

мази, которою велѣно натирать дѣтей. Его тошнитъ. И процессъ болѣзни идетъ у него много острѣе, чѣмъ у сестры и брата. Мама съ тревогой смотритъ въ его осунувшееся личико и ея собственное лицо дѣлается изжелта-блѣднымъ отъ страха.

— Володя, душа моя, тебѣ очень нехорошо?— спрашиваетъ она чуть слышно.

А тутъ еще заливается, плачетъ Ленька. Онъ отломалъ голову оловянному солдатику, реветъ во весь голосъ и демонстративно требуетъ маму къ себѣ.

Совсѣмъ кстати приходитъ докторъ. Выстукиваетъ, выслушиваетъ дѣтей, прописываетъ лекарства. За лекарствомъ опять-таки бѣжитъ мама. Посылать некого. Прислуги у нихъ нѣтъ. И бульонъ имъ варитъ она же и кормитъ всѣхъ троихъ съ ложечки и всю ночь дежуритъ у ихъ постели, не смыкая глазъ. А чуть забудутся дѣти, вынимаетъ начатое вязанье изъ кармана и работаетъ надъ кружевомъ всю ночь. Кружева, когда они будутъ готовы, можно выстирать и зараза отъ кори не пристанетъ къ нимъ. А ихъ охотно покупаютъ у нея на рынкѣ.

Всегда и всюду поспѣваетъ она. Надо поспѣть. Она одна работница въ семьѣ. Дѣти малы. Ихъ надо выходить, поставить на ноги. Она должна успѣвать работать. Она не можетъ иначе. Она—мать.

III.

Корь, къ счастью, не оказалась опасной. Дѣти спасены. Всѣ трое. Марья Ивановна воспрянула духомъ. Кромѣ того старшихъ троихъ удалось, благодаря усиленнымъ хлопотамъ, устроить на лѣто,

на казенную дачу. А Леньку пристроить за плату къ знакомымъ въ деревню.

Снова появились заказчицы. Стучитъ день и ночь машинка. Кромѣ того, надо обшить дѣтей. Неловко, ѣдутъ „на люди"... Чтобы не смѣялись надъ ними. Сохрани Богъ. Они не сироты какія-нибудь. У нихъ мать!

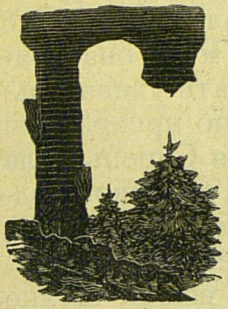
А дѣти уже строятъ планы на предстоящее лѣто, волнуются, радуются, мечтаютъ. Они счастливы ѣхать на дачу, впервые послѣ смерти папы! Они увидятъ лѣсъ, поле, рѣку... Будутъ ходить за ягодами, за грибами, удить рыбу... И все изъ-за кори, будь благословенна, милая корь! . . . . . .

. . . . . .

На дебаркадерѣ вокзала, куда мама пришла проводить своихъ старшихъ ребятокъ (Леньку увезли въ деревню недѣлей раньше), Володѣ внезапно бросилась въ глаза перемѣна, происшедшая за послѣднее время съ мамой: ея исхудавшая фигура, усталое измученное лицо. И впервые, радующемуся отъѣзду и предстоящему пріятному лѣту, мальчику пришла въ голову мысль:

— Какъ мама бѣдная устала, осунулась... А мы-то эгоисты уѣзжаемъ и горя намъ мало...

Сердце дрогнуло отъ жалости... Отъ острой боли. Володя кинулся было къ матери съ готовымъ предложеніемъ остаться съ нею дома, утѣшить ее, раздѣлить ея одиночество, но... Дрогнулъ третій звонокъ... Поѣздъ тронулся, мама едва успѣла перекрестить дѣтей и выпрыгнуть изъ вагона. И они поѣхали...



Золотая свирѣль.

Сказка.

ОЛУБОЕ небо красивымъ нѣжнымъ пологомъ повисло надъ зеленымъ дворцомъ короля Доба.

Лѣсной король жилъ въ своемъ нарядномъ дворцѣ, свитомъ изъ вѣтвей жимолости, зеленаго плюща и дикаго шиповника. въ самой чащѣ дремучаго лѣса.

Страшный и могучій былъ этотъ король Добъ. Не любилъ онъ людей и всячески досаждалъ имъ, сталкиваясь на своемъ пути съ ними. Не любилъ людей Добъ за то, что являлись люди врагами его зеленаго, могучаго королевства. Приходили люди съ топорами въ лѣсную чащу и срубали могучіе дубы, стройные тополи и нѣжныя березки, словомъ губили понемногу все королевство Доба. Не знали, конечно, люди, что старые дубы были никѣмъ инымъ, какъ важными сановниками и старшинами Доба, стройные тополи молодой гвардіей короля, а бѣлолыя березки придворными фрейлинами его дочерей.

Было шесть дочерей у короля Доба, шесть стройныхъ, зеленоокихъ и зеленокудрыхъ лѣсныхъ красавицъ. И звали ихъ нѣжными именами цвѣтовъ. Старшую Розой, вторую Гарденіей, третью Резедою, четвертую Сиренью, пятую Настурціей и самую младшую скромной Незабудкой.

Старшая Роза была прекрасна, какъ и подобаетъ быть таковою носительницѣ имени царственнаго цвѣтка; Гарденія была мудрой и разумной, самой мудрой и разумной во всемъ лѣсномъ королевствѣ. Самъ отецъ король считался съ мнѣніями второй

своей дочери и спрашивалъ ея совѣтовъ. Третья Резеда-королевна была необыкновенная хозяйка. Все спорилось въ ея искусныхъ рукахъ. Умѣла она приготовить разныя вкусныя яства, выткать удивительную пряжу или придумать поразительно прекрасный нарядъ для себя и сестеръ. Четвертая Сирень была незамѣнима въ своемъ умѣньѣ занять свѣтской болтовнею гостей, сдѣлать пышный пріемъ во дворцѣ, причемъ она танцовала такъ, что маленькіе воздушные эльфы завидовали ея умѣнью и всегда шумно восторгались искусствомъ королевны Сирени. Пятая Настурція — была воительницей. Когда король Добъ затѣвалъ войну съ людьми или съ другимъ лѣснымъ королевствомъ, королевна Настурція постоянно шла во-главѣ войска; она первая бросалась въ битву и послѣдняя покидала поле сраженія. Когда войска Доба начинали сдаваться и выражать малодушіе, Настурція вихремъ проносилась по ихъ рядамъ, однимъ взглядомъ, однимъ словомъ поднимала упавшій духъ въ войскѣ и побѣда всегда оставалась за нимъ.

Поэтому, доброй половиной своего могущества король лѣсного королевства былъ обязанъ пятой своей дочери, какъ и второй Гарденіи за ея мудрые совѣты.

Наконецъ шестая и послѣдняя лѣсная принцесса не имѣла никакихъ достоинствъ. Это была самая обыкновенная маленькая дѣвушка съ бѣлокурыми волосами, съ голубовато-сѣрыми глазками, худенькая, невидная, молчаливая, некрасивая и неумная, и по виду ничѣмъ не отличающаяся отъ простыхъ людей.

Но зато она обладала золотою свирѣлью. Эта золотая свирѣль была главнымъ сокровищемъ и высшимъ благополучіемъ лѣсного королевства. По

виду простая золотая палочка, свирѣль имѣла драгоцѣнное свойство зачаровывать, завораживать и плѣнять слухъ людей. Эта золотая свирѣль была орудіемъ мести Доба, его дочерей и всѣхъ его подданныхъ людямъ, ихъ вѣчнымъ, непримиримымъ врагамъ.

За то, что такъ безцеремонно врывались въ лѣсное королевство люди съ ихъ топорами и пилами и такъ безжалостно губили и мощные дубы, широкія осины, стройныя березки и тополи и другія деревья, король жестоко отплачивалъ имъ при помощи Незабудки и ея золотой свирѣли.

Поздней-ли ночью, яснымъ-ли полднемъ, свѣжимъ-ли утромъ, лѣтнимъ-ли, зимнимъ-ли временемъ, безразлично, въ глубинѣ лѣса слышались сладкіе призывные звуки золотой свирѣли.

Это королевна Незабудка, сидя на суку дерева, играла на своемъ роковомъ инструментѣ пѣсенку за пѣсенкой, одну прекраснѣе и слаще другой. И случайный одинокій путникъ, забредшій въ эту дикую глушь одинъ безъ товарищей, останавливался, пораженный этими дивными звуками. Свирѣль, между тѣмъ, удалялась постепенно; королевна Незабудка уходила съ нею въ чащу все глубже и глубже и зачарованный ея игрою путникъ углублялся, увлекаемый неземными звуками за нею въ непроходимую лѣсную дебрь.

Незабудка, играя на своей свирѣли, доводила свою жертву до воротъ королевскаго дворца. Здѣсь, къ несчастному кидались всѣ лѣсныя чудовища Добова королевства: лѣшіе, русалки, лѣсные гномы и замучивали его на-смерть. А къ довершенію всего, изъ внутреннихъ покоевъ лѣсного дворца съ огромнымъ мечемъ въ рукѣ появлялась воинственная Настурція и отрубала голову плѣненному Незабудкой

прохожему. Этимъ обитатели королевства мстили людямъ за порубку лѣса, за гибель подданныхъ короля Доба.

Былъ ясный лѣтній вечеръ. Солнце медленно садилось за вершинами столѣтнихъ дубовъ, ясеней и кленовъ. Лиловыя чашечки фіалокъ увлажнились росою. Сверкали обрызганные ею и бѣлые какъ снѣгъ ландыши. Лѣсной ручеекъ звенѣлъ струею, а на болотѣ квакали лягушки тѣмъ радостнымъ и веселымъ кваканьемъ, которое представляетъ изъ себя цѣлый концертъ въ началѣ мая.

Звонкая и красивая трель соловья вторила этимъ вечернимъ звукамъ. Медленно таялъ вечеръ и голубоватые сумерки падали надъ лѣсомъ.

По лѣсной тропинкѣ шелъ юноша въ бѣдной деревенской одеждѣ, веселый жизнерадостный, быстроглазый. Это былъ Андрей, сынъ дровосѣка изъ деревни, и самъ дровосѣкъ по занятію. Въ этомъ лѣсу онъ рубилъ не разъ вмѣстѣ съ отцомъ деревья.

Еще недавно работалъ онъ здѣсь съ товарищами, въ самой глуши лѣса и позабылъ здѣсь свой топоръ. Топоръ былъ совсѣмъ новешенькій, острый и хорошій. Жаль было оставлять на произволъ судьбы такую отличную вещь и вотъ Андрей отправился на поиски за нимъ, не обращая вниманія на запугиванія товарищей дровосѣковъ, которые стращали его нечистою силой и разными лѣсными ужасами.

Но смѣлый, отважный и жизнерадостный юноша ничего не боялся въ жизни. Онъ былъ молодъ, веселъ и счастливъ. Самая красивая, добрая и милая дѣвушка въ деревнѣ была его невѣстой. Ждали только случая сыграть свадьбу.

Работалъ Андрей съ отцомъ и товарищами въ село и копилъ деньги зарабатываемыя порубкою лѣса.

И добра то она, и умна, и прекрасна, и хозяйка такая мнѣ будетъ, что другой такой нигдѣ не сыщешь. А какъ на праздникъ пойдетъ хороводы водить, да плясать, такъ, глядя на нее, всѣ запляшутъ. А ужъ прядетъ какъ да ткетъ, ну словомъ король, а не дѣвушка!

— Ха, ха, ха! разсмѣялась Незабудка, — да что ты очумѣлъ, дурачекъ,—весь міръ знаетъ, что разумнѣе моей сестры Гарденіи нѣтъ въ мірѣ. И хозяйки такой, какъ третья сестра моя Резеда, обойди весь свѣтъ другой не сыщешь. А пляшетъ сестрица моя Сирень такъ, что твоей невѣстѣ и во снѣ не увидѣть.

— Еще что! Ври больше, такъ тебѣ я и повѣрилъ,—во все горло расхохотался Андрей,—держи карманъ шире, нашла дурака. Небось и горазда ты врать, глупая дѣвочка! Только, какъ знаешь, а слушать твое вранье я не намѣренъ.

— Я вру? Я?—топнувъ ножкой, вскричала Незабудка, — да я тебѣ хоть сейчасъ покажу моихъ сестрицъ!

А сама про себя разсуждаетъ лукаво:

— Не заманить было золотой свирѣлью гадкаго этого человѣка въ ловушку, такъ хоть хитростью заманю и погублю ею нашего злѣйшаго врага!—

Андрей тряхнулъ снова по привычкѣ кудрями и, глянувъ на худенькое личико музыкантши, весело, крякнувъ, сказалъ:

— Ну, коли сестры твои хоть немножко похожи на тебя обличьемъ, такъ моя Марѳуша, королева передъ вами, вотъ оно что!

— Придешь и увидишь! — загадочно произнесла Незабудка,—пойдемъ за мною!

— Пойти то я пойду, а ты мнѣ скажи, кто ты

такая и куда ведешь за собою?—недовѣрчиво усмѣхнулся Андрей.

— Я королевна Незабудка, дочь могучаго короля лѣса Доба, и поведу тебя въ нашъ королевскій дворецъ!—гордо отвѣчала лѣсная дѣвушка.

— Ишь ты, повѣрить тебѣ тоже, велика штука. Правду говоришь, коли не врешь. Ну, веди меня въ королевскіе чертоги. Отродясь во дворцѣ не бывалъ, королей не видалъ съ королевнами. Можетъ угостятъ тамъ по королевски? А?—и, говоря это, весело прищурился Андрей.

— Да ужъ такъ угостятъ, что лучшаго угощенья и пожелать не сможешь!—загадочно отозвалась Незабудка.

И первая зашагала впередъ. За нею, не отставая, пошелъ Андрей, сгорающій отъ любопытства увидѣть королевскій дворецъ и чудесныхъ королевенъ, про которыхъ ему разсказывала Незабудка. А послѣдняя радостно потирала руки. Ей не надо было больше играть на свирѣли: безо всякой приманки попадался въ ея ловушку глупый человѣкъ.

Еще за долго до приближенія къ таинственному лѣсному дворцу, Андрей замѣтилъ свѣтлые огоньки въ лѣсной чащѣ.

— Это освѣщены наши окна; на подоконникахъ разложены живые свѣтлячки,—предупредительно пояснила своему спутнику Незабудка.

— Ишь ты свѣтляковымъ свѣтомъ пробавляются. Не больно то пышно, стало быть, да богато, въ вашемъ королевскомъ дворцѣ! — усмѣхнулся Андрей, сомнительно покачивая головою.

На это Незабудка только презрительно пожала

плечами. Она не успѣла ничего отвѣтить. Они были уже у воротъ дворца.

Передъ изумленными взорами Андрея предсталъ дворецъ, свитый изъ ивовыхъ прутьевъ, перетянутыхъ жимолостью, плющемъ и другими ползучими растеніями. У входа во дворецъ стояли два огромные дуба.

На вершинѣ каждаго изъ нихъ торчало по огромной человѣческой головѣ, а вѣтви ихъ казались мохнатыми руками, протягивающимися на встрѣчу вновь пришедшимъ.

Глухими, замогильными голосами дубы заговорили на всю гущу:

— Выходите встрѣчать, выходите встрѣчать! Королевна Незабудка привела къ намъ новаго плѣнника!

Въ тотъ же мигъ изъ внутренности дворца выбѣжала цѣлая толпа зеленоволосыхъ русалокъ и козлоногихъ лѣсовиковъ и съ шумомъ, крикомъ, визгомъ и хохотомъ накинулась на Андрея.

— Нашъ злѣйшій врагъ! Злой дровосѣкъ, главный губитель лѣсныхъ подданныхъ! — кричали они на разные голоса,—наконецъ-то онъ попался въ наши руки! Молодецъ Незабудка королевна! Исполать тебѣ за то, что удалось затащить къ намъ нашего злѣйшаго врага!

И они еще съ большимъ рвеніемъ закружились и запрыгали вокругъ ошеломленнаго Андрея, стараясь защипать, замучить и сбить его съ ногъ.

Скорѣе ошеломленный, нежели испуганный онъ стоялъ среди нападавшихъ на него лѣсныхъ обитателей и только отталкивалъ тѣхъ изъ нихъ, которые слишкомъ назойливо набрасывались на него.

Королевнѣ Незабудкѣ хорошо были видны его

безстрашные голубые глаза, свѣтлые кудри и гордая смѣлая осанка, съ которой онъ отражалъ нападеніе.

И при видѣ этого лица, этой осанки и безстрашно глядѣвшихъ на враговъ глазъ, что-то странное произошло въ душѣ Незабудки. Сначала смутно, а потомъ все явственнѣе и опредѣленнѣе зарождалось въ ней чувство жалости къ этому безстрашному смѣльчаку. Жаль стало Незабудкѣ Андрея.

Незнакомое до сихъ поръ чувство закралось ей въ душу.

— Эй вы, — грозно прикрикнула она на разшумѣвшуюся ватагу русалокъ и лѣшихъ,—ей, вы, прочь отсюда. Я хочу этого моего плѣнника показать самому королю батюшкѣ, прежде нежели сестрица Настурція поразитъ его своимъ мечомъ.

Затѣмъ она быстро подошла къ Андрею и шепнула ему на ухо:

— Не бойся, ничего, они не посмѣютъ причинить тебѣ никакого вреда.

— Да я и не думаю бояться! А только не вели имъ щипать меня да брыкаться. А то ужъ, поди, можно насчитать у меня на тѣлѣ съ цѣлую дюжину синяковъ. Ежели всѣхъ гостей въ вашемъ королевскомъ дворцѣ такъ встрѣчаютъ, слуга покорный! Носу сюда больше не покажу!

Этотъ возгласъ такъ пришелся по вкусу не только одной Незабудкѣ, но и всей веселой толпѣ русалокъ и лѣшихъ, что всѣ они съ громкимъ смѣхомъ отпрянули отъ своей жертвы.

Тутъ королевна Незабудка взяла за руку юношу-дровосѣка и ввела его во внутренніе аппартаменты королевскаго дворца.

И опять было чему подивиться веселому Андрею!

Посреди зеленаго зала, на тронѣ, сложенномъ изъ душистыхъ лѣсныхъ травъ, мягкаго мха и по-

левыхъ цвѣтовъ сидѣлъ важный зеленобородый старецъ съ суровымъ лицомъ, съ короной изъ желудей и со строго сдвинутыми бровями, одѣтый въ мантію изъ зеленыхъ листьевъ. Около трона его стояло пять королевенъ.

По стѣнамъ огромнаго и высокаго терема находилась королевская гвардія изъ стройныхъ молодыхъ тополей съ человѣческими головами вмѣсто верхушекъ, съ алебардами и копьями въ безчисленныхъ рукахъ-вѣтвяхъ.

За тропомъ бѣлоствольія березки съ лицами молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ—свита королевскихъ дочерей и цѣлая толпа дубовъ-исполиновъ, королевскихъ старѣйшинъ-сановниковъ съ совершенно сѣдыми головами и могучими руками-сучьями.

Всѣ они при появленіи юноши закачали головами, зашуршали вѣтвями-руками и глухо зашептали другъ другу:

— Вотъ нашъ злѣйшій врагъ Андрей-дровосѣкъ. Наконецъ-то удалось поймать и привести королевнѣ Незабудкѣ. Да здравствуетъ Незабудка королевна и ея золотая свирѣль!

Тутъ отдѣлилась одна изъ королевенъ и съ мечемъ въ рукѣ приблизилась къ Андрею.

— Смерть ему! — произнесла грозно, сверкнувъ очами, воинственная королевна Настурція и уже занесла руку надъ кудрявой головой молодого дровосѣка.

Снова дрогнуло что-то въ сердцѣ Незабудки-королевны и она робко выдвинулась впередъ.

— Батюшка-король!—произнесла она несмѣло,— поистинѣ говорятъ наши подданные: человѣкъ, приведенный мною нынѣ—нашъ злѣйшій врагъ Андрей-дровосѣкъ. Онъ быстрѣе и ловче всѣхъ въ работѣ по рубкѣ лѣса, и поэтому больше всѣхъ зла прино-

ситъ онъ намъ. И человѣкъ этотъ достоенъ смерти. Но еще больше нежели гибелью своею можетъ онъ принести намъ пользу своимъ голосомъ. Если ты разрѣшишь его оставить въ нашемъ королевствѣ здравымъ и невредимымъ, батюшка-король, то я сдѣлаю его своимъ помощникомъ. Онъ будетъ пѣть мнѣ подъ акомпаниментъ моей золотой свирѣли и зачаровывать глупыхъ путниковъ. Только дай мнѣ на это разрѣшеніе, батюшка-король!

Тутъ королевна Незабудка опустилась на колѣни передъ тономъ и протянула королю Добу умоляюще сложенныя руки.

Настурція выступила впередъ.

— Нѣтъ, батюшка,—произнесла она зычнымъ голосомъ, сводя свои грозныя брови,—нѣтъ, и этотъ плѣнникъ долженъ погибнуть, какъ и всѣ остальные!

И она снова взмахнула своимъ мечемъ.

Но тутъ Незабудка-королевна бросилась между ними и заслонила Андрея своимъ тщедушнымъ тѣльцемъ.

— Остановись, сестра!—вскричала она молящимъ голосомъ,—дай ему, по крайней мѣрѣ, показать намъ свое великое мастерство передъ смертью!

Сестры заспорили крѣпко. Пришлось вмѣшаться самому королю. Онъ взмахнулъ рукою и все стихло.

— Гарденія! — обратился онъ къ самой мудрой своей совѣтницѣ, — разумная королевна Гарденія, рѣши споръ сестеръ. И да свершится все по твоему указу.

Мудрая Гарденія выступила впередъ.

— Пусть споетъ онъ намъ раньше, пусть повеселитъ вашъ слухъ, батюшка, а умереть онъ успѣетъ всегда!—сказала она, немного подумавъ.

— Да будетъ такъ!—торжественно подтвердилъ

король и, обратившись къ Андрею, кратко приказалъ:—пой!

Тотъ спокойно сдвинулъ по привычкѣ на бокъ свою шапченку, поскребъ кудрявую голову и произнесъ съ усмѣшкой:

— Вотъ еще что выдумали! Стану я вамъ пѣть на голодное брюхо! Небось, какъ шли сюда, королевна эта самая щуплая (тутъ онъ безцеремонно ткнулъ пальцемъ въ Незабудку, къ великому ужасу придворныхъ), хвасталась, что сестра ейная такой красоты необыкновенной, что лучше ее на свѣтѣ нѣтъ! А другой-то разумнѣе нѣтъ, а третьей-то хозяйственнѣе, а четвертая-то такъ пляшетъ, что диву дивиться надо, а пятая...

Но тутъ не договорилъ Андрей.

Выступила впередъ Роза-королевна.

— Взгляни на меня, глупый юноша, и рѣши самъ, правду-ли говорила обо мнѣ сестра?

А у самой зеленые очи, какъ звѣзды горятъ, ярко, ярко, а румяныя губы улыбаются гордо, а зеленые же кудри тучей вьются надъ высокимъ челомъ.

Глянулъ на нее Андрей да какъ фыркнетъ.

— Это-то красотою у васъ въ лѣсномъ королевствѣ зовется! а самъ хохочетъ,—ай да красотка! Нечего сказать! Вѣдьмовата ты больно королевна, не взыщи! Глаза-то какъ у кошки горятъ, что твои плошки, а волосы, что папоротникъ, либо крапива, дыбомъ! Чего ужъ тутъ хорошаго!

— Дерзкій!—вскричала королевна,—глупый, дерзкій мальчишка, да какъ ты смѣешь такъ клеветать на королевскую дочь!

Усмѣхнулся Андрей.

— Ой, не сердись больно, королевна, чего добраго лопнешь! Лучше покажите мнѣ хозяйку вашу,

пущай какъ слѣдуетъ угоститъ да отпотчуетъ меня. Посмотрю ея умѣнье да посравню съ Марѳушинымъ.

Тутъ взмахнула рукою Резеда. Откуда не возьмись слетѣлись отовсюду маленькіе эльфы съ золотыми тарелочками, мисочками, соусниками. Четверо изъ нихъ примчали небольшой столъ, накрытый скатертью, пятый удобное кресло. Быстро накрыли ихъ спутники этотъ столъ, уставили его принесенными блюдами, посадили за него Андрея.

А королевна Резеда-хозяйка встала за его кресломъ и начала угощать юношу. Взялъ золотую вилку въ руки Андрей, ткнулъ въ одно блюдо, отвѣдалъ.

— Это еще что за кушанье? а?—спросилъ онъ, отправляя себѣ въ ротъ вкусный, ароматный кусокъ жаркого.

— Это соловьиные языки. Самое вкусное и рѣдкое блюдо, которое я одна умѣю изготовлять по собственному рецепту! —произнесла съ гордостью Резеда-королевна.

— Эвона!—протянулъ Андрей.—Ну, и стряпуха же! Хуже-то не могла изготовить блюда? Мнѣ бы пирожка краюху съ капусткой, что Марѳуша у своего батьки въ воскресные дни печетъ, а она языками соловьиными угощаетъ! и онъ, къ великому смущенію и негодованію придворныхъ, съ шумомъ отодвинулъ отъ себя тарелку.

Тутъ выступила королевна Сирень.

— Я спляшу тебѣ, глупый юноша, такъ и быть!—произнесла она со снисходительной улыбкой,—почему-бы и не порадовать приговореннаго къ смерти въ его предсмертную минуту,—добавила она, обращаясь къ остальнымъ.

И въ тотъ же мигъ заиграли невидимые инструменты. Затрубили трубы мятели, запѣла вьюга, за-

свистѣлъ тоненькою свирѣлью вѣтеръ, затрещали литавры лѣсного шума, и подъ весь этотъ гамъ, грохотъ, знакомый въ непогоду каждому человѣческому слуху, закружилась по дворцу Сирень—королевна, выкидывая какія-то необычайныя па. Долго носилась-бы она по зеленому дворцовому залу, если-бы Андрей не завопилъ во всю глотку въ самый разгаръ пляски:

— Довольно! Перестань! Тебѣ говорятъ, довольно. Не то драться стану!

Отъ этихъ словъ сразу замерла на мѣстѣ какъ прикованная королевна, а березки-фрейлины, сгорая отъ стыда, закрылись своими пушистыми вѣтвями-руками.

— Ай—ай! Какой грубый, неотесанный мужикъ! зашептали они, покачивая головами.

— Проучить его слѣдовало-бы хорошенько!— поднявъ мечи и копья, прогремѣла королевская гвардія тополей.

— Смерть ему!—эхомъ отозвались старѣйшины и вельможи.

Но тутъ выступила снова мудрая Горденія впередъ.

— Ты не доволенъ мастерствомъ моихъ сестеръ королевенъ, человѣкъ,—произнесла она насмѣшливо,—но остаются еще трое между нами, искусства которыхъ ты не можешь не признать. Если бы первая Незабудка не зачаровала тебя своей игрою, ты бы не былъ здѣсь; искусство моей сестры Настурціи ты не сможешь оцѣнить потому, что падешь мертвымъ отъ удивительно мѣткаго удара ея меча, но за то и мою мудрость ты не сможешь не признать. Загадай мнѣ какую хочешь загадку,—я тебѣ точно на нее отвѣчу.

— Ну, ладно,—произнесъ Андрей,—но прежде,

нежели ты мнѣ отвѣчать будешь, я вамъ спою, такъ и быть, мою пѣсенку. И, не дожидаясь приглашенія, Андрей присѣлъ на стулъ изъ зеленаго мха и запѣлъ на весь лѣсъ своимъ чудеснымъ, звонкимъ голосомъ.

Запѣлъ онъ снова о своей любимой невѣстѣ, красавицѣ Марѳушѣ, восхваляя ея доброе сердце, умъ, хозяйственность и красоту. Заслушались его пѣснью и самъ король, и шесть королевенъ, и придворные, и королевская гвардія и стража. Заслушался весь лѣсъ. Затихли кузнечики въ лѣсу, замолкли соловьи, замолчали деревья. Словно замерло все лѣсное королевство подъ звуки голоса молодого пѣвца. А голосъ этотъ звучалъ себѣ да звучалъ, серебристой волною разливаясь по лѣсу. Зачарованный сладкимъ пѣніемъ, задремалъ, задумался король Добъ на своемъ тронѣ, сладко замечтались королевны-сестры; выронила гвардія алебарды изъ рукъ и погрузилась въ пріятныя мечты и грезы. Совсѣмъ сомлѣли подъ звуки пѣнія старѣйшины и вельможи, а молодыя фрейлины-березки, потупивъ глазки, улетѣли мечтами далеко, далеко...

Одна только Незабудка не погрузилась въ задумчивость подъ дивные звуки этой пѣсни. Каждое слово ловила она; каждое слово пѣвца находило откликъ въ сердцѣ младшей королевны. И ясно почувствовала въ эти минуты Незабудка, что не жить ей на свѣтѣ безъ Андрея, что полюбила она на смерть юношу-дровосѣка и что должна его спасти, во что-бы то ни стало, отъ лютой смерти, грозившей ему.

И вотъ незамѣтно приблизилась она къ юношѣ и шепнула:

— Пой! И, не переставая пѣть, иди за мною!..

И, взявъ его за руку, повела изъ дворцовой палаты.

Погруженные въ сладкія грезы, навѣянныя пѣніемъ, присутствующіе не замѣтили ихъ ухода. Чѣмъ дальше удалялся Андрей отъ Добовыхъ палатъ, тѣмъ громче разливался онъ пѣвучей волною.

Долго шли они по лѣсной тропинкѣ, шли до тѣхъ поръ, пока не стала рѣдѣть лѣсная чаща. не завиднѣлась опушка, не замелькали сквозь деревья избы Андреевой деревни.

Тутъ остановилась Незабудка-королевна, выпустила руку Андрея, глубоко вздохнула всею грудью и тихо произнесла:

— Теперь прощай, иди съ миромъ, никто тебя не тронетъ, не бойся, ступай домой. А какъ увидишь свою невѣсту, не поминай съ нею лихомъ Незабудку-королевну, потому что ради тебя не станетъ она дѣлать зла и другимъ.

Сказала это, размахнулась и высоко на дерево закинула свою золотую свирѣль, чтобы не могла она больше съ ея помощью вредить людямъ.

Ласково глянулъ Андрей на королевну, сердечно поблагодарилъ ее и, не оглядываясь, пошелъ по опушкѣ.

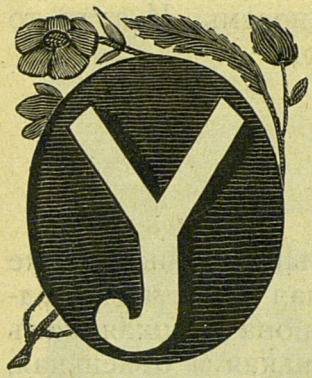
И отъ взгляда его дрогнуло, словно порвалось что то въ сердцѣ лѣсной королевны. Брызнули слезы у нея изъ глазъ и потекли ручьями по лицу Незабудки.

Изошла слезами Незабудка, разлилась хрустальнымъ синимъ озеромъ по лѣсу. Исчезла тщедушная, хрупкая дѣвушка лѣсовичка, а вмѣсто нея большое хрустальное озеро образовалось у лѣсной опушки. А на берегу его, чудесно скрытая отъ человѣческихъ глазъ, ростетъ голубая какъ небо Незабудка. Въ лазоревый цвѣтикъ обратилась полюбившая королевнина душа.

Не слышно больше золотой свирѣли въ лѣсной чащѣ. Не заманиваетъ больше коварная лѣсовичка-королевна довѣрчивыхъ путниковъ въ отцовскій дворецъ. Не встрѣчаетъ ихъ жестокая Настурція съ мечемъ у входа. Конецъ приходитъ Добовому королевству.

Съ исчезновеніемъ младшей королевны-дочки и ея золотой свирѣли, все дерзче и смѣлѣе становятся люди. Все чаще раздаются звуки ихъ топоровъ въ самыхъ заповѣдныхъ чащахъ лѣса. Совсѣмъ плохо приходится лѣсному королю. Скоро придется перекочевывать Добу въ другое мѣсто.

Только самого яраго труженика дровосѣка, Андрея, не видать въ лѣсу больше. Бросилъ изъ благодарности къ спасшей его королевнѣ-Незабудкѣ свое прежнее мастерство Андрей. Женился на Марѳушѣ, обзавелся паромомъ на новомъ озерѣ да лодочками, и живетъ въ свое удовольствіе, рыбачитъ да перевозитъ съ берега на берегъ крещеный людъ... И между дѣломъ и на досугѣ частенько поминаютъ они съ женою добрымъ словомъ великодушную и свѣтлую Незабудку-королевну.



Два сочельника.

Рождественскій разсказъ.

I.

У Переверзевыхъ зажигаютъ елку постоянно въ сочельникъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Диночка Переверзева начинаетъ помнить себя, рождественская елка у нихъ въ семьѣ всегда устраивается въ сочельникъ. И всегда очень торжественно, шумно и людно.

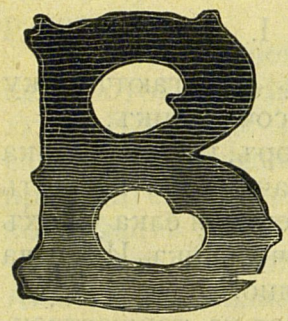
Цѣлый день весь домъ готовится къ торжественному вечеру.

Диночка, мамуся и папочка украшаютъ елку. Елка эта бываетъ непремѣнно огромная, подъ потолокъ, и непремѣнно красивая, какъ и подобаетъ быть красивой, роскошной, пахучей и зеленой волшебницѣ лѣса. Отъ нея вкусно-превкусно пахнетъ хвоей и лѣснымъ воздухомъ, который появляется въ тепло-натопленныхъ комнатахъ барскихъ домовъ разъ въ годъ, въ сочельникъ. Съ утра начинается усиленное передвиженіе въ квартиру Переверзевыхъ изъ кондитерской, изъ игрушечнаго магазина, изъ фруктовой. Какіе-то таинственные сверточки, какія-то картонки и тюрички, мѣшечки и опять тюрички и картонки извлекаются то и дѣло изъ огромнѣйшихъ корзинъ проворными руками мамуси, папочки, самой Диночки, миссъ Фанни — Диночкиной гувернантки, и старой Астафьевны — Диночкиной няни, которая вынянчила и самое Диночку, и мамусю, и чуть-ли не мамусину маму.

Къ восьми часамъ все уже готово: елка сіяетъ,

сверкаетъ, блеститъ и благоухаетъ въ ожиданіи гостей, которые съѣзжаются въ восемь. И тутъ-то начинается настоящее торжество.

II.



Ъ этотъ сочельникъ Диночка уже „почти взрослая“. Ей четырнадцать лѣтъ. Вся она хрупкая, какъ вѣточка, тоненькая и бѣленькая, какъ снѣжная королева. Папочка такъ и называетъ свою бѣленькую большую дѣвочку „снѣжной королевой“. А мама всякій разъ, что Диночка возвращается изъ гимназіи съ миссъ Фанни, говоритъ, цѣлуя ее:

— Не нравится мнѣ, что ты такая блѣдная, Динуша. Малокровіе это, лечиться надо.

И Диночка лечится: усердно принимаетъ рыбій жиръ, пилюли, мясной сокъ и еще какіе-то цѣлебные порошки въ облаткахъ.

Но въ сочельникъ Диночка неузнаваема. Щеки ея раскраснѣлись, лицо оживлено сіяющей улыбкой, синіе глаза горятъ. Ну, совсѣмъ какъ вишенка и ничуть не „снѣжная королева“.

Нынче съѣхалось пропасть гостей, гораздо больше, нежели въ предыдущіе годы. Еще-бы! До сихъ поръ всѣ они были маленькіе: и сама Диночка, и Вава Зноева, и Саша Майкова, и Мери Щербетъ, и Воля съ Максомъ, и братья Гронверскіе, и вся эта зеленая молодежь, что наполняетъ сейчасъ гостиную Переверзевыхъ, посреди которой высится огромная елка.

Два сочельника.

Какая она прелесть, эта елка! Сколько роскошныхъ вещей навѣшано на ея зеленыхъ вѣтвяхъ! Какъ красиво сверкаютъ въ лучахъ безчисленныхъ электрическихъ лампочекъ всѣ эти чудесныя бездѣлушки!

Но странно! Собравшіеся юные гости и ихъ молоденькая хозяйка такъ мало интересуются въ этомъ году елкой. Всѣ они важно разсѣлись по кресламъ и диванамъ, какъ взрослые молодые люди, въ ожиданіи танцевъ, и ведутъ „взрослую-же“, „всамомдѣлешную“ бесѣду.

— Вы слышали Шаляпина? — немножко картавя и явно подражая своему старшему брату, кавалерійскому юнкеру, освѣдомляется тринадцатилѣтній пажикъ, Воля Шестаковъ.

— Ахъ, какая прелесть! Какъ онъ хорошъ! Я его слышала въ «Фаустѣ»! — лепечетъ Мери Щербетъ. — А вы, Диночка, слышали его?

Диночка краснѣетъ до ушей отъ стыда и обиды. Точно она маленькая! Не слышать Шаляпина, когда всѣ ея гости слышали его! И почему это мамуся и папочка не берутъ ее въ театръ?

Она старается пробурчать что-то въ отвѣтъ этой несносной Мери, вся малиновая какъ вишня, но неожиданно взоръ ея падаетъ на двоихъ дѣтей, одѣтыхъ скромно, почти бѣдно, стоящихъ въ уголку залы и съ восторгомъ взирающихъ на пышно убранную ель.

Еще ярче вспыхиваютъ щеки Диночки при видѣ этихъ бѣдно одѣтыхъ ребятишекъ, дѣтей папочкина секретаря, незамѣтнаго, очень бѣднаго человѣка, котораго почему-то, однако, особенно цѣнитъ и уважаетъ папочка.

Диночка чувствуетъ какую-то неловкость передъ своими нарядными сверстниками и сверстницами отъ

присутствія этихъ двухъ „замарашекъ“ на ея блестящемъ вечерѣ въ рождественскій сочельникъ. А тутъ еще Максъ Весенцевъ, изящный юный правовѣдикъ въ ослѣпительно бѣлыхъ перчаткахъ, во франтоватыхъ манжетахъ и воротничкѣ, вскидываетъ пенснэ на носъ и, глядя на непріятныхъ Диночкѣ гостей, цѣдитъ сквозь зубы:

— Что сіе за явленіе? Откуда такія прелести?

Диночка уничтожена въ конецъ. Противный Максъ! Недостаетъ еще, чтобы онъ принялъ этихъ дѣтей за настоящихъ гостей ея, Диночки. Куда какъ пріятно! Между тѣмъ „прелести“ и не думаютъ смущаться. И братишка и сестренка въ восторгѣ отъ елки оба. Ваня и Нюта ничего подобнаго не видѣли еще за свою коротенькую жизнь. Дома у нихъ бѣдность, нужда, недостатки. О елкѣ, конечно, и помина нѣтъ. Спасибо еще доброму папиному начальнику, что позвалъ ихъ сегодня къ себѣ на елку... Ужъ и елка-же! Елка словно въ сказкѣ! Во снѣ такой не увидишь, пожалуй! Ваня и Нюта ошеломлены. Глазенки ихъ горятъ. Руки сами собой тянутся къ нарядному, очаровательно-красивому деревцу. И дѣти, забывшись, громко дѣлятся впечатлѣніями другъ съ другомъ.

— Ваня, ты погляди! Огоньковъ-то сколько, желтые, синіе, красные, голубые! — восторженно лепечетъ Нюта.

— А паяцъ-то, паяцъ, ишь какой забавный!— указывая пальцемъ на красивую, висящую на ближайшей къ нему вѣткѣ бездѣлушку, вторитъ ей, тоже захлебываясь отъ восторга, Ваня.

— А пряникъ-то какой огромадный, видишь?

— И Мишка, гляди, Мишка! Совсѣмъ какъ живой!

О, это уже слишкомъ, по мнѣнію Диночки. Она вся какъ на иголкахъ...

„Точно дѣти съ улицы! Никакого воспитанія,— ну, рѣшительно, никакого! Просто стыдъ и срамъ!“

И она украдкой обводитъ глазами своихъ гостей.

Какія у тѣхъ насмѣшливыя лица и улыбочки! Ахъ, зачѣмъ только папочка позвалъ такихъ невоспитанныхъ дѣтей! Что о нихъ, Переверзевыхъ, будутъ думать ихъ „настоящіе“ гости! Какое общество увидятъ они здѣсь!

До ушей Диночки долетаетъ насмѣшливая фраза Мери Щербетъ, ужасной аристократки:

— Ma chere, откуда вы раздобыли этихъ дикарей?

— О, они попали сюда прямо съ необитаемаго острова!—остритъ Максъ.

— Милая непосредственность! Она очарователь-на!—смѣется Саша Майкова. И непонятно: добродушіе или насмѣшка таится въ этомъ смѣхѣ у нея.

Неожиданно Воля (охъ, ужъ этотъ ужасный Воля!) прибавляетъ, обращаясь къ Диночкѣ:

— Вы давно дружите съ этими дѣтьми? Въ прошломъ году я ихъ что-то здѣсь не видѣлъ.

О, это уже черезчуръ!

Красная какъ піонъ, Диночка срывается съ мѣста, бросается къ елкѣ, не глядя срываетъ съ нея двѣ первыя попавшіяся бомбоньерки и суетъ ихъ въ руки Ванѣ и Нютѣ.

— Вотъ-вотъ... — лепечетъ она съ опущенными рѣсницами и рдѣющими щеками,— возьмите это себѣ на память съ нашей елки и идите домой. Сейчасъ начнутся танцы, а вы, все равно, не умѣете танцовать!

И такъ же быстро возвращается къ кружку молодежи.

III.

ЩЕ годъ промчался въ жизни Диночки. Тяжелый, печальный годъ...

Папочкины дѣла пошатнулись. Пришлось «сократиться» во всемъ, еще недавно богатой, ни въ чемъ не отказывающей себѣ семьѣ.

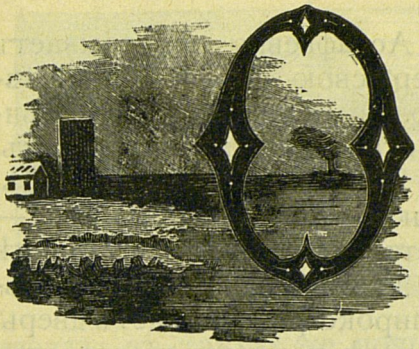
Изъ огромной квартиры Переверзевы переѣхали въ маленькую. Отпустили миссъ Фанни и отказали всему штату прислуги. Осталась няня Астафьевна, какъ непремѣнный членъ семьи, да кухарка Матреша, служившая раньше у нихъ судомойкой на кухнѣ, при поварѣ.

Но бѣда никогда не приходитъ наполовину. Къ довершенію горя заболѣла Диночка. Заболѣла какъ-то странно. Слабость, блѣдность, вялость и полная апатія при полнѣйшемъ отсутствіи какой бы то ни было боли приковываютъ теперь подолгу къ кушеткѣ Диночку.

Теперь она уже настоящая «снѣжная королева!» Личико у нея какъ у Снѣгурочки, и маленькое, премаленькое, —въ кулачекъ! А глаза огромные какъ сливы. И горятъ такъ ярко лихорадочнымъ, нездоровымъ огнемъ.

Мамуся безъ слезъ не можетъ смотрѣть на это блѣдное личико, а папочка только хмурится и молчитъ.

И Диночка молчитъ... Кутается въ платокъ, мучимая лихорадкой и мечтой о томъ, какъ было-бы хорошо, если-бы она сдѣлалась здоровой!



IV.

ПЯТЬ сочельникъ...

Но какъ мало похожъ онъ на тотъ прошлогодній!

Блѣдная Диночка лежитъ на диванѣ. Маленькая, скромная елка стоитъ передъ ней на столѣ. И большая тоска холодитъ сердечко бѣдной „снѣжной королевѣ“.

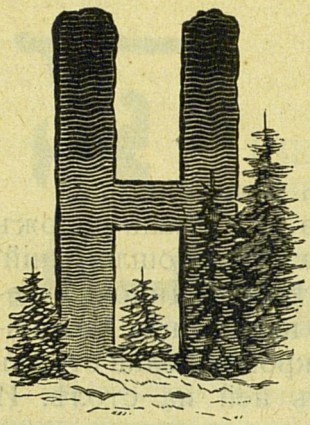
Сегодня сочельникъ. Но гдѣ же та радость, которая всегда поджидала обыкновенно Диночку въ этотъ торжественный день? Гдѣ великолѣпная елка, блестящій вечеръ, нарядное общество ея юныхъ друзей; — гдѣ они, эти ея друзья, съ такой охотой пріѣзжавшіе къ нимъ въ прошлые годы?

Никто изъ юныхъ сверстниковъ и сверстницъ не заглянулъ къ Диночкѣ съ тѣхъ поръ, какъ Диночка больна, а родители ея перемѣнили свою прежнюю большую и роскошную квартиру на теперешнюю скромную и маленькую, гдѣ нельзя уже дѣлать ни танцовальныхъ вечеринокъ, ни роскошной елки...

Никто не пришелъ поздравить сегодня больную Диночку: ни Саша, ни Максъ, ни Воля, ни Мери Щербетъ... А тогда, бывало... Или они боятся стѣснить обѣднѣвшую семью? Ахъ, развѣ можетъ стѣснять участіе, выраженіе дружбы и привязанности!

Слезы жгутъ Диночкино горло, но она крѣпится, стараясь скрыть ихъ отъ папочки и мамуси. Зачѣмъ растравлять ихъ и безъ того измученныя сердца? И безъ того велико ихъ горе...

V.



ЯНЯ Астафьевна просовываетъ въ дверь свою благообразную сѣдую голову, повязанную неизмѣннымъ старушечьимъ платочкомъ.

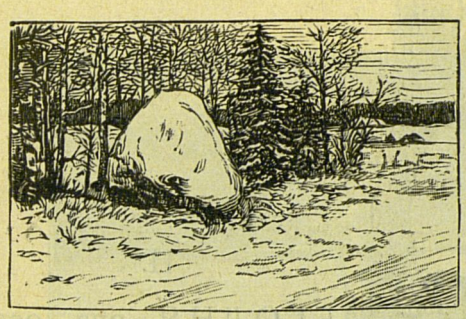
— Тамъ... пришли къ тебѣ, Диночка.—Хочешь повидать?— шепчетъ она своей воспитанницѣ и, не дождавшись отвѣта больной, широко распахиваетъ дверь. На порогѣ комнаты стоятъ смущенные и улыбающіеся Нюта и Ваня, дѣти давно ушедшаго отъ папочки его секретаря. Ихъ милыя свѣжія рожицы смущенно улыбаются Диночкѣ.

Потомъ оба они нерѣшительно приближаются къ больной. Ваня протягиваетъ ей какой-то свертокъ.

— Съ праздникомъ,—говоритъ онъ, забавно шепелявя,—вотъ поздравить пришли. Принесли пряничковъ и постилки. Папа нашъ праздничныя получилъ, намъ на гостинчики далъ... Кушай на здоровье!.. А Нюта съ важностью взрослой объясняетъ Дининому папочкѣ:

— И дровъ купили къ празднику и гуся... А Ванѣ сапоги... Старые-то до дыры сносились... Съ ногъ валятся... Такъ что у насъ теперь много полегче будетъ! Куда легче теперь! Праздничную награду получилъ нынче нашъ папа на службѣ, цѣлыхъ двадцать пять рублей!

Диночка слушаетъ, глядитъ на дѣтей и маленькое сердечко ея шумно бьетъ тревогу. Затѣмъ, она быстро заглядываетъ въ ясные, довѣрчивые глазки Вани, беретъ у него свертокъ изъ рукъ и, прижимая коробочку къ груди, падаетъ лицомъ въ подушку... И тихо, беззвучно плачетъ...



Маля.

(Святочный разсказъ).

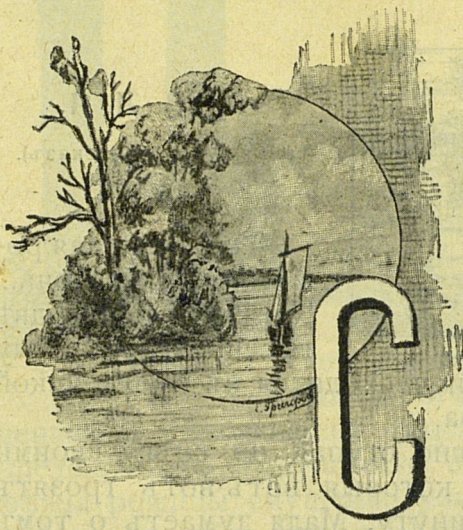
I.

Тихая и ясная рождественская ночь... Когда-то, почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ такую же ночь родился въ Виѳлеемской пещерѣ Спаситель міра.

А сейчасъ, осторожно ступая по снѣгу своими рваными подметками, которыя вотъ-вотъ грозятъ отвалиться каждую минуту, Маля думаетъ о томъ маленькомъ Боженькѣ, который родился въ эту ночь далеко, далеко, подъ синимъ и теплымъ Виѳлеемскимъ небомъ. А сама все шагаетъ да шагаетъ впередъ.

Маля—сирота и маленькая арфистка. У нея нѣтъ ничего кромѣ ея золотой арфы, завѣщанной ей ея мамой, которую Маля помнитъ и любитъ, какъ самое дорогое въ мірѣ.

Мамина мама тоже была арфисткой и вмѣстѣ съ Малей ходила по дворамъ, играла и пѣла. Теперь же, когда мама умерла и лежитъ зарытая подъ снѣжнымъ сугробомъ, на далекомъ кладбищѣ для бѣдныхъ, Маля ходитъ съ арфой по дворамъ одна, играетъ и поетъ добрымъ людямъ, а тѣ ее награждаютъ или мелкими деньгами, или краюшкой хлѣба, или кускомъ пирога въ лучшемъ случаѣ. Этими-то скудными подачками и существуетъ Маля.



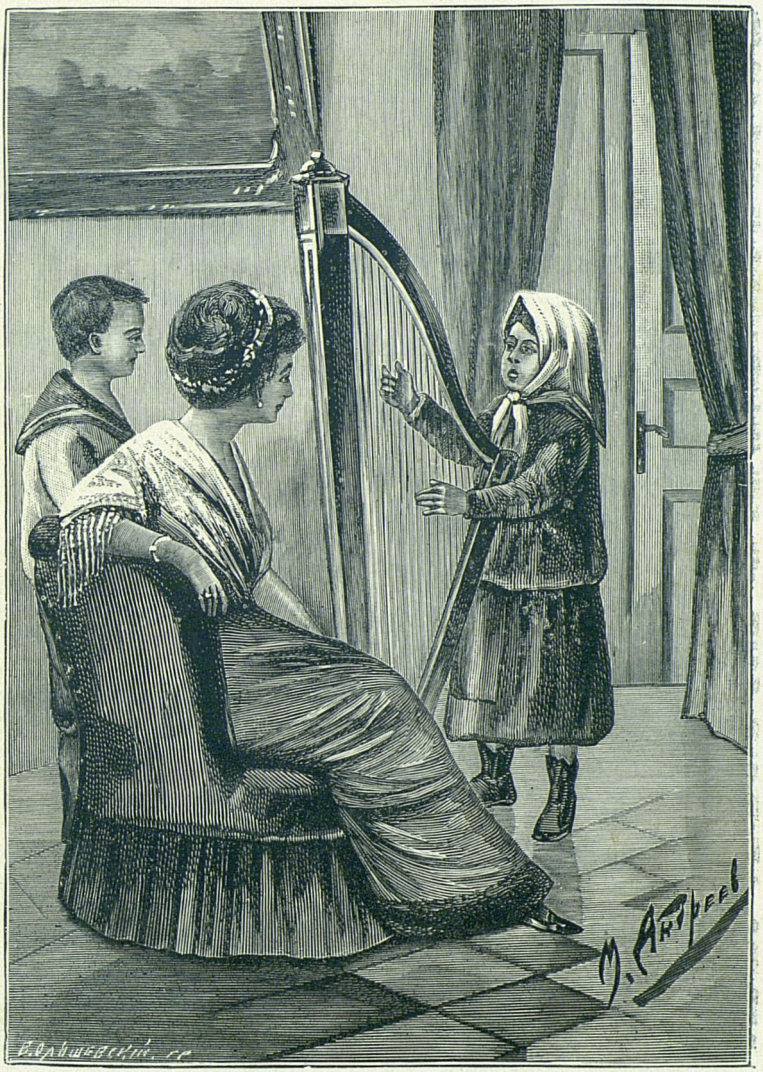
II.

СЕГОДНЯ она особенно хорошо играла и пѣла, эта маленькая, двѣнадцатилѣтняя Маля. Но сегодня почему-то добрые люди мало замѣчали бѣдную дѣвочку въ нищенскомъ платьѣ и стоптанныхъ башмакахъ.

Сегодня всѣ заняты приготовленіемъ къ празднику. Вѣдь завтра Рождество Христово. Сегодня канунъ его, сочельникъ; Маля знаетъ это твердо потому, что покойная мама разсказывала ей много-много разъ о крошечномъ Боженькѣ, родившемся въ эту ночь.

И Маля не можетъ безъ слезъ умиленія вспомнить о Немъ. Родился, пришелъ въ міръ для того, чтобы спасти людей, принять ихъ грѣхи на себя и оправдать ихъ передъ Богомъ-Отцомъ! Добрый дивный Боженька! Почему, однако, онъ позабылъ ее, Малю, сегодня?

Положимъ, погода мягкая и теплая нынче, точно и не зимняя совсѣмъ, не чувствуется холода, несмотря на легкое, ветхое платьишко и куцую душегрѣйку, въ которой ходитъ по улицамъ Маля. Но за то голодъ...

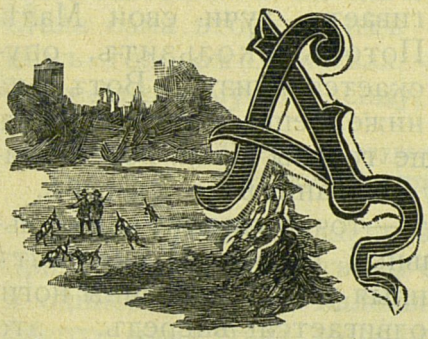


Маля.

Боже Великій. Какъ она голодна сегодня. Какъ ей хочется кушать бѣдняжкѣ! Съ утра не было маковой росинки во рту у дѣвочки.

Вчера съ вечера поужинала только коркой сухого хлѣба и теперь жестокій голодъ даетъ себя чувствовать, какъ никогда. Бѣдная Маля! Бѣдная малютка!

Сколько разъ пробовала она заходить на дворы сегодня и начинала пѣть тонкимъ дѣтскимъ голоскомъ, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Но никто не слушаетъ ее. Никто не хочетъ слушать! Всѣ заняты своимъ дѣломъ, всѣ спѣшатъ, суетятся, готовятся къ завтрашнему празднику... Не до Мали нынче всѣмъ этимъ людямъ... Не до ея пѣнія и игры на арфѣ. Куда ужъ тутъ!



III.

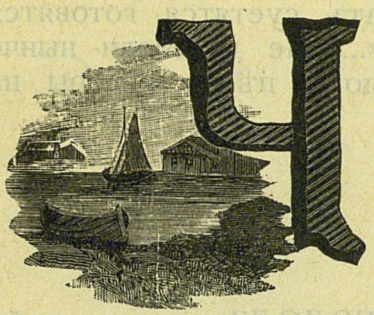
ГОЛОДЪ даетъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Голова Мали начинаетъ кружиться отъ слабости. Въ ушахъ закипаетъ звонъ. Тяжелѣютъ ноги. Едва передвигая ихъ, тащится ослабѣвшая дѣвочка, волоча за собою свою тяжелую арфу. Еще нѣсколько шаговъ и она не выдержитъ, упадетъ на холодный снѣгъ, обезсиленная, голодная, чуть живая...

Внезапно глаза Мали поднимаются къ небу. Среди милліона звѣздъ, усѣявшихъ его, одна, самая яркая и большая звѣзда, глядитъ на нее свѣтло и радостно, мигая, прямо внизъ на нее глядитъ, Малю.

— Звѣздочка, милая, хорошая звѣздочка, шеп-

четъ арфистка,—ты знаешь, гдѣ находится сейчасъ Младенецъ—Боженька. Отведи къ нему туда бѣдную Малю. Она голодна и устала. Она не можетъ бродить больше по улицамъ. Ты знаешь, милая звѣздочка, куда меня нужно отвести!

А голова дѣвочки кружится все больше, все сильнѣе отъ голода и усталости. И сильнѣе звонъ у нея въ ушахъ и мучительно подгибаются усталыя ноги...



IV.

ТО это?

Улыбается звѣздочка, киваетъ съ небесъ и протягиваетъ лучи свои Малѣ. Потомъ скользитъ, опускается внизъ... Вотъ она ниже, еще ниже... Вотъ остановилась чуть повыше головы Мали, передъ лицомъ дѣвочки и какъ будто манитъ ее къ себѣ.

— Идемъ, Маля, идемъ!—точно слышитъ маленькая арфистка ея призывный голосъ. И скользятъ невѣрно впередъ измученныя усталыя Малины ноги.

Идутъ обѣ... Одна подвигается впередъ, — это звѣздочка. Маленькая арфистка немного позади, за нею Маля двигается словно во снѣ... Въ какомъ-то полузабытьѣ шагаетъ дѣвочка.

Вотъ незнакомый домъ передъ нею. Широко раскрытыя настежь двери. Устланная коврами широкая лѣстница и огромная, полутемная зала... Кто-то движется въ ней, шумитъ стульями, шепчется чуть слышно. И вдругъ все исчезаетъ изъ глазъ Мали! И зала, и люди, двигающіеся въ темнотѣ... Все

исчезло, кромѣ путеводной звѣздочки передъ глазами арфистки. Маля смотритъ и не вѣритъ глазамъ своимъ...

Передъ нею Виѳлеемская пещера... Съ просвѣтленнымъ, радостнымъ лицомъ склонилась молодая прекрасная Богоматерь надъ яслями, въ которыхъ лежитъ крошечный Младенецъ. И старецъ Іосифъ тутъ-же: стоитъ и любуется Божественнымъ Дитятей... А кругомъ нихъ тѣснятся ангелы, бѣлокурые и темноволосые, съ дѣтскими милыми личиками, и всѣ они поютъ хоромъ радостную и мелодичную пѣснь.

Эта пѣснь показалась до того красивой Малѣ, что руки ея сами собой коснулись струнъ золотой арфы и она заиграла чудесную мелодію, аккомпанируя маленькимъ ангелочкамъ. Потомъ, незамѣтно, стала сама вторить имъ своимъ тоненькимъ звонкимъ голосомъ. Запѣла, обратившись лицомъ къ Божественному Младенцу, лежащему въ ясляхъ.

И пѣснь ея звучала, какъ молитва,
И струны арфы вторили ей.

Маля просила маленькаго Боженьку, чтобы Онъ призрѣлъ ее, не далъ бы ей погибнуть. Она голодна и одинока, бѣдная маленькая Маля, и жизнь ея со смерти мамы такъ же одинока и грустна!

Голосокъ дѣвочки звенитъ и переливается и золотыя струны арфы звенятъ и переливаются вмѣстѣ съ нимъ.

И крупныя слезинки выкатывались изъ глазъ Мали и повисали на ея длинныхъ рѣсничкахъ.

Потомъ все исчезло какъ-то сразу...

И Виѳлеемская пещера, и ясли съ Божественнымъ Младенцемъ, и Богоматерь, и ангелочки.

*

Точно какой-то занавѣсъ задернулся передъ глазами Мали и въ залѣ стало сразу свѣтло.

Зала была полна народу, взрослыми и дѣтьми всѣхъ возрастовъ, одѣтыхъ одинаково въ сѣрые платья и пестрые передники. Дѣтей было много, много, гораздо больше нежели взрослыхъ! Но что это были за дѣти, Маля не знала.

V.

КОГДА Маля очнулась и пришла въ себя отъ охватившаго ее изумленія, она увидѣла нарядную гостиную съ пылающимъ каминомъ, красивую молодую даму и мальчика, приблизительно одного съ нею, Малею, возраста, съ сочувствіемъ и лаской глядѣвшихъ на нее.

Смутно помнитъ, какъ во снѣ, Маля, что красивая дама привела ее сюда изъ большой залы, усадила на стулъ и попросила сыграть ей что-нибудь на арфѣ. И Маля играла и пѣла, а красивая дама и мальчикъ слушали ее съ большимъ вниманіемъ и улыбались ей сочувственной, доброй улыбкой.

— Хорошо, дѣвочка, хорошо! — кивая головою, говорила ей дама,—ты прекрасно играешь и у тебя премиленькій голосокъ.

Ты останешься съ нами, будешь учиться играть и пѣть серьезно, и въ то же время проходить и другія науки. А теперь пойдемъ въ столовую. Я велю накормить тебя и переодѣть. Ты, вѣроятно, голодна?

Но, нѣтъ, Маля уже не чувствовала голода. Ей

хотѣлось еще и еще повидать маленькаго Боженьку въ ясляхъ и она робко заикнулась объ этомъ красивой дамѣ.

— Теперь живыя картины уже кончились, моя дѣвочка,—ласково отвѣчала ей та и погладила по головкѣ маленькую арфистку, — теперь пріютскія дѣтки будутъ разбирать елку и смотрѣть волшебный фонарь.

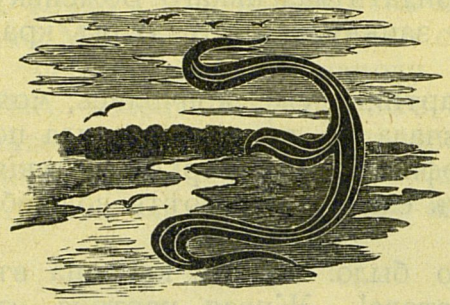
Такъ вотъ что это было! Живая картина въ честь Рождества Христова!.. Живая картина въ дѣтскомъ пріютѣ!

А она, Маля, приняла Младенца, лежащаго въ ясляхъ, за Живого Боженьку Христа!..

И все-таки она счастлива, Маля! Съ того Рождественскаго сочельника ей не надо ходить по дворамъ, какъ раньше. Ее приняли въ пріютъ (красивая дама, приласкавшая ее, оказалась главною попечительницею пріюта). Маля теперь ведетъ новую, довольную и счастливую жизнь. Работая наравнѣ съ дѣвочками, воспитанницами пріюта, она въ свободные часы, подъ руководствомъ учительницы, занимается уроками пѣнія и игры на арфѣ.

У нея большія способности къ музыкѣ, и попечительница обѣщала дѣвочкѣ заняться ея карьерой и помѣстить ее въ одну изъ лучшихъ музыкальныхъ школъ.

И звѣздочка Малина счастья разгорается съ того памятнаго сочельника все ярче и ярче съ каждымъ днемъ.



Корректорша Варкунина.

I.

ЛЕКТРИЧЕСКІЙ звонокъ гулко протрещалъ по маленькой квартирѣ. Толстая Ѳекла въ подоткнутомъ платьѣ, въ сѣромъ грязномъ передникѣ бросила въ сторону мочалку, которою сосредоточенно мыла полы и, переваливаясь съ боку на бокъ, зашлепала босыми ногами въ переднюю, крикнувъ кому-то въ темноту сосѣдней комнаты:

— Барыня, что намъ дѣлать-то, барышня вернулась, а у меня каклеты не жарены!

— Ничего, Ѳеклуша, подождетъ Вѣруня. Сегодня суббота, подъ праздникъ дѣла не мало. Небось знаетъ это Вѣруня и проститъ насъ съ тобою,— послышался въ отвѣтъ старческій голосъ изъ темной комнаты и что-то зашуршало тамъ и задвигалось въ темнотѣ.

Ѳекла со скоростью, малоожидаемой отъ такой тучной особы, быстро отвернула тяжелый крюкъ и открыла входную дверь.

— Барышня дома?—прозвучалъ звонкій дѣтскій голосокъ и маленькая фигурка, закутанная въ большой платокъ поверхъ старенькаго драповаго пальтишка, нерѣшительно шагнула впередъ.

— Нѣту барышни, ждемъ съ минуты на минуту! Зайдите въ другой разъ!— окинувъ нѣсколько подозрительнымъ взглядомъ посѣтительницу—произнесла Ѳекла.

Юное, покраснѣвшее отъ стужи, господствовав-

шей въ этотъ январьскій день на дворѣ, личико омрачилось сразу.

— Нельзя мнѣ въ другой разъ... Мнѣ сегодня надо. Непремѣнно сегодня, — произнесла дѣвочка. Вотъ если-бы можно мнѣ было бы малость подождать.

— Гдѣ ждать-то, миленькая, вишь я полы мою, суббота у насъ нынче!—грубо-ласково произнесла Ѳекла,—заходи, моя красавица, въ другой разъ. Обождать-то тебѣ нельзя нынче. Фатеру убираю.

И съ этими словами входная дверь захлопнулась передъ маленькой посѣтительницей.

— Кто тамъ звонится, Ѳеклуша?—снова послышался голосъ изъ темной комнаты. Вслѣдъ за этимъ мягко зашлепали войлочныя туфли и маленькая совсѣмъ бѣлая, какъ лунь, старушка въ тепломъ капотѣ, съ бѣлымъ вязанымъ платкомъ на плечахъ вышла въ освѣщенную комнату, имѣвшую назначеніе гостиной и столовой въ одно и тоже время.

— Да дѣвочка тамъ какая-то, барышню видѣть хочетъ и, малюсенькая сама-то, чуть изъ подъ земли видать, а тоже, туды-жъ, въ другой разъ, вишь, прійти ей не сподручно, дожидаться хотѣла. А гдѣ тутъ дожидаться: здѣся мою, въ передней только что вымыла, наслѣдитъ еще грѣхомъ. Убирай за ними, и безъ того дѣла не мало,—ворчливо закончила свою рѣчь не совсѣмъ довольнымъ голосомъ Ѳекла.

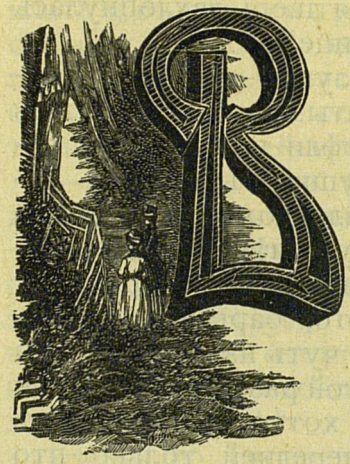
— Ахъ, какъ же ты это такъ, милая,—заволновалась старушка,—какъ же ты это дѣвочку обогрѣться-то не впустила! Вѣдь на улицѣ-то стужа какая! И Вѣруня недовольна останется. Она насчетъ этого строгая у насъ. Скажетъ: маленькую дѣвочку не сумѣли какъ слѣдуетъ принять. Ай-ай, Ѳеклуша, не хорошо это!

— Да что вы барыня,—начала было оправды-

ваться служанка, какъ неожиданно снова затрещалъ звонокъ въ крошечной квартирѣ Варкуниныхъ.

— А ужъ это, барышня, безпремѣнно она, а какъ-то, все-таки, не готовы!

И съ этимъ возгласомъ толстая Ѳеклуша, подхвативъ въ одну руку мочалку, а въ другую ведро съ грязной водою, устремилась сначала въ кухню, а потомъ въ прихожую, откуда трещалъ веселымъ призывнымъ звукомъ звонокъ.



II.

ОТЪ и мы! То есть я собственной своей персоной, а со мной гостья!—послышался веселый голосъ съ порога квартиры, и тонкая дѣвичья фигурка, запушенная снѣгомъ, весело впорхнула въ прихожую, таща за собою дѣвочку, которая за нѣсколько минутъ передъ этимъ вела переговоры съ толстой Ѳеклушей у входа въ Варкунинскую квартиру.

— Мамуличка! Ѳеклуша! Здравствуйте! Сейчасъ, мамуличка, обогрѣюсь и войду! И гостью притащу съ собою, только вы не выходите сюда ради Бога! Простудитесь... На дворѣ бррр, холодинища какая! Я изъ своей редакціи бѣгомъ прискакала. Въ трамваѣ то холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. А обѣдъ готовъ? Что у насъ сегодня?.. Котлеты? По запаху чувствую, что котлеты съ горошкомъ... Вотъ молодчинища Ѳеклуша! Она эти самыя котлеты не дѣлаетъ, а творитъ, какъ богиня .. И голодна же я ухъ, какъ сѣ-

рый волкъ, сегодня! И моя гостья не откажется пообѣдать съ нами? Не правда-ли, милочка?—внезапно обратилась она къ своей спутницѣ, нерѣшительно топтавшейся на мѣстѣ и теребившей концы перекинутаго на грудь теплаго платка.

— Милушка моя, да вы никакъ стѣсняться вздумали! Да Господь съ вами! Въ семьѣ Варкуниныхъ этакое стѣсненіе неумѣстно. Разоблачайтесь, разоблачайтесь, милушка. Зря что ли вы меня на лѣстницѣ столько времени дожидались! А? Нѣтъ, ужъ теперь воля ваша, вы моя плѣнница и, не накормивъ васъ котлетами съ горошкомъ, помимо всего остального, никуда не отпущу!

И съ этими словами дѣвушка проворными ловкими руками развертывала большой теплый платокъ, растегивала кофточку и стаскивала теплыя вязаныя перчатки съ рукъ дѣвочки. Наконецъ, послѣдняя принадлежность теплаго платья—потертая мѣховая шапочка, похожая какъ двѣ капли воды на такую же точно шапочку, сброшенную съ бѣлокурой головки молоденькой хозяйки квартиры, снята, и передъ ласковымъ, ободряющимъ взоромъ молодой дѣвушки предстала хрупкая, худенькая дѣвочка въ болѣе чѣмъ скромномъ коричневомъ платьѣ и въ черномъ передникѣ.

— Да вы гимназистка! Вотъ какъ, такая малюсенькая и уже учитесь!—съ неподдѣльнымъ изумленіемъ вырвалось изъ устъ Вѣры Варкуниной, окинувшей быстрымъ взглядомъ хрупкую фигурку стоящей передъ ней въ смущеніи дѣвочки.

— О, я не такъ молода, какъ это кажется, мнѣ уже пятнадцатый годъ!—произнесла тихимъ голосомъ дѣвочка, поднимая на Вѣрочку свои ясные, не дѣтски задумчивые каріе глаза.

— Ахъ, ты Господи, какая крошка!—произнесла

Валентина Егоровна Варкунина, мать Вѣрочки, и, ласково обвивъ плечи дѣвочки своей худенькой рукою, подвела ее къ столу.

— Откушайте съ нами, милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ,—проговорила она, усаживая за столъ дѣвочку.

Но та смущенно отказывалась отъ обѣда, говоря, что ей необходимо домой къ 6-ти часамъ.

— Я на минутку только,—словно оправдываясь, говорила она,— а то наши безпокоиться будутъ. Они не знаютъ, что я здѣсь... По дѣлу я, ужъ извините,— закончила она. И, совсѣмъ сконфузившись, потупила глазки.

— А все таки безъ обѣда не отпущу,—рѣшительно протестовала старшая Варкунина; — ишь стужа какая на дворѣ, вы продрогли совсѣмъ, а тутъ супу горячаго покушаете, вотъ и согрѣетесь. Ѳеклуша, подавай супъ!—крикнула она въ открытую дверь кухаркѣ.

— Ха, ха, ха! разсмѣялась бѣлокурая Вѣрочка,— ничего видно не остается вамъ дѣлать, дѣточка, какъ покориться — мамочка моя прирѣшительная особа, взяла въ плѣнъ и никакихъ разговоровъ больше. Сидите смирно, милочка, не то двѣ порціи вмѣсто одной заставитъ съѣсть. Ха, ха, ха, ха!—закончила она смѣхомъ свою оживленную рѣчь.

Между тѣмъ, Ѳекла внесла миску съ дымящимся супомъ; Валентина Егоровна разлила этотъ супъ по тарелкамъ.

— Батюшки! Разсольникъ! Разсольникъ мой любимый!—вскричала Вѣрочка, и, какъ маленькая, захлопала въ ладоши.

— А вы любите разсольникъ?—неожиданно обратилась она къ гостьѣ.—И вдругъ разсмѣялась, хлопнувъ себя ладонью по лбу.

Корректорша Варкунина.

— Вотъ голова-то! Да какже зовутъ васъ, милочка, я забыла спросить ваше имя.

— Женя Снигирева,—получился короткій отвѣтъ.

— Ну, кушайте же, кушайте, милая Женя.

III.

ОБѢДЪ прошелъ весело и оживленно. Веселая, живая Вѣрочка не минуты не могла посидѣть спокойно. Она, то разсказывала все присшедшее за день у нихъ сегодня въ конторѣ редакціи журнала „Трудъ", гдѣ служила въ качествѣ корректорши, то изображала въ лицахъ разговоръ съ сотрудниками, то и дѣло оглашая своимъ звонкимъ смѣхомъ столовую, то шумно восторгалась разсольникомъ, немного недошедшими котлетами и поданнымъ къ нимъ сахарнымъ горошкомъ. По внѣшнему впечатлѣнію, производимому этою молодою особой, никакъ нельзя было предположить, что она провела нынче, какъ и вчера и позавчера и два года тому назадъ, длинный трудовой день въ душной и пыльной конторѣ. Никто бы, глядя на молоденькую корректоршу, не сказалъ бы, что эта веселая, жизнерадостная хохотушка дѣвушка работаетъ съ утра до ночи, имѣя на своихъ плечахъ мать, вдову чиновника, и двухъ сестеръ, отданныхъ въ институтъ на ея же заработокъ.

Женя Снигирева впервые въ жизни видѣла Вѣрочку и сразу же отдала ей сердце съ первой минуты.

— Нѣтъ, такой не страшно разсказать про

„дѣло"!—мысленно говорила она сама себѣ, - такая не осмѣетъ, не „срѣжетъ", ей смѣло можно довѣриться и открыть тайну! И, робѣвшая вначалѣ своего посѣщенія незнакомой ей семьи, дѣвочка пріободрилась немного и смѣлѣе отвѣчала на вопросы, задаваемые ей старой и молодой Варкуниными.

Тотчасъ же послѣ скромнаго обѣда Вѣрочка подхватила свою юную гостью подъ руку и увлекла ее во вторую комнатку своей болѣе нежели скромной квартирки.

Теперь здѣсь привѣтливо горѣла лампа, освѣщая двѣ чистыя бѣлыя кровати, умывальникъ, письменный столъ у завѣшаннаго синей старой занавѣской окна и большое удобное кресло.

— Ну, садитесь, давайте дѣла дѣлать! съ ободряющей улыбкой сказала своей гостьѣ Вѣрочка и, усадивъ дѣвочку въ мягкое кресло, сама помѣстилась на стулѣ противъ нея.—Вѣдь вы по дѣлу пришли, неправда-ли?

— Да,—послышался робкій отвѣтъ.

— Да вы не конфузьтесь, милочка, дверь мы закроемъ, никто не услышитъ!—и, говоря это, она вскочила съ мѣста, плотно закрыла ведущую въ столовую дверь и, снова усѣвшись противъ Жени, устремила на нее большіе вопрошающіе глаза.

Дѣвочка вспыхнула до ушей и дрожащимъ отъ смущенія голосомъ заговорила:

— Вы меня, ради Бога, простите, Вѣра Петровна, что я незванная, нежданная, да еще совсѣмъ незнакомая вамъ, ворвалась сюда съ моимъ дѣломъ. Но я такъ много хорошаго слышала о вашей добротѣ и отзывчивости. Вѣдь вы хорошо знаете Патриковыхъ?.. Ну, вотъ Нина Патрикова, сестра Аглаи Патриковой, учится со мной въ одномъ классѣ. Она разсказывала мнѣ и еще одной дѣвочкѣ, что вы

устроили въ вашей редакціи разсказы Аглаи, два разсказа. Аглая подъ фамиліей Вѣрной написала ихъ. Аглая Вѣрная. Помните еще въ прошломъ году, послѣ Рождества? Ну, вотъ Нина и говорила о томъ, что если бы не вы, то Аглая сама-бы никогда не рискнула передать свои разсказы редактору. А вы ей устроили это и деньги заплатили. Вотъ Нина и говоритъ: тебѣ бы, Женя, говоритъ, тоже твои стихи Вѣрѣ Петровнѣ передать. Я... видите-ли, стихи пишу... Вѣра Петровна... Въ гимназіи дѣвочкамъ они очень нравятся... Меня всѣ тамъ поэтессой прозвали за нихъ... Говорятъ, что талантливая... Вотъ я и хочу просить васъ передать ихъ въ редакцію. Можетъ быть, они понравятся и ихъ напечатаютъ въ „Трудѣ“?

Всю свою рѣчь Женя произнесла такимъ сдавленнымъ голосомъ, что послѣднія слова у нея вырвались шопотомъ, чуть слышно.

Вся алая отъ смущенія сидѣла дѣвочка передъ Вѣрой Варкуниной и теребила кончикъ своего чернаго передника.

Вѣрочка молча, ласково глядѣла на нее. Въ головѣ ея проползали воспоминанія. Вспомнилась худая, блѣдная, некрасивая Аглая, по профессіи учительница русскаго языка въ одной изъ гимназій, подруга по выпуску самой Вѣрочки, вспомнились съ яркой подробностью два ея дѣйствительно талантливые разсказа, которые при содѣйствіи ея, Вѣрочки, проникли въ печать.

Но Аглая была взрослая двадцати двухъ лѣтняя дѣвушка, обладавшая безспорнымъ литературнымъ дарованіемъ, а эта маленькая четырнадцатилѣтняя Снигирева, такъ неожиданно пришедшая къ незнакомой ей особѣ, что собственно можетъ она написать, дитя по годамъ и развитію? И, какъ можно

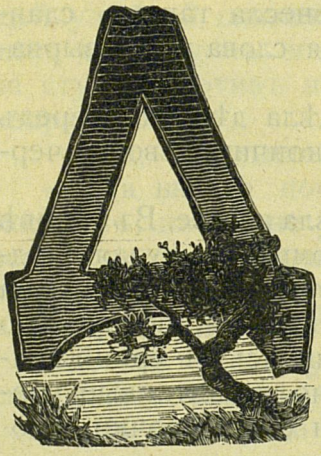
болѣе, смягчая интонаціей голоса смыслъ своей фразы, она обратилась къ ребенку:

— Мнѣ очень и очень жаль, милая моя Женя, что я не смогу вамъ быть полезной, но... наврядъ-ли наша редакція согласится напечатать на страницахъ своего журнала произведенія ребенка, въ полной независимости оттого, талантливо оно или нѣтъ.

При этихъ словахъ послѣдніе признаки румянца мгновенно сбѣжали съ лица Жени. Личико ея какъ-то сразу вытянулось и поблѣднѣло, а высохшія въ одинъ моментъ губы произнесли только два слова:

— Бѣдный папочка!

И она зарыдала навзрыдъ.



IV.

ЁТОЧКА моя! что съ вами? Что такое? О чемъ вы плачете, Женя? Милая моя?

Вѣрочка бросилась къ дѣвочкѣ, прижала ея голову къ своей груди, гладила ея гладко причесанные темные волосы, заплетенные въ тонкую косицу, и всячески старалась успокоить ее. Но ничего не помогало. Женя продолжала горько рыдать, спрятавъ залитое слезами личико на груди своей новой знакомой. Изъ столовой заглянуло встревоженное лицо старушки Варкуниной, просунулась красная засученная по локоть рука Ѳеклы со стаканомъ воды, послышались испуганные и сочувственные возгласы, а Женины слезы все еще обильно струились изъ

глазъ и рыданія надрывали маленькую грудку. Наконецъ, лаской, утѣшеніями и чисто сестринской заботой Вѣрочкѣ удалось успокоить ея юную посѣтительницу.

Слезы прекратились. Рыданія смолкли. Все еще прижимаясь къ груди Вѣрочки, Женя срывающимся отъ волненія голосомъ лепетала сквозь всхлипываніе:

— Бѣдный, бѣдный мой папочка! Ахъ, вы не знаете, Вѣра Петровна, какое у насъ несчастье въ домѣ! Папочка служилъ въ частной конторѣ... Мамы у насъ давно нѣтъ... Дѣтей четверо... Старшая Соня портниха, по домамъ шить ходитъ. Помогала папѣ. А остальные—малыши... И, вдругъ, какое горе! Папочку параличъ сразилъ. Ударъ вдругъ, неожиданно... сразу... Ни рукой, ни ногой двинуть не можетъ... Вотъ уже лежитъ двѣ недѣли... Мѣсто потеряетъ, конечно... А расходъ увеличился сразу... Доктора... лекарство... Куриный супъ надо варить... вино хорошее покупать для поддержанія силъ папочки... А Соня одна у насъ работница осталась... Вотъ мы думали съ нею, думали и рѣшили... Мои стихи попробовать отдать въ редакцію... За это вѣдь деньги получаютъ... Нина Патрикова узнала отъ Аглаи... По двадцати копѣекъ за строчку... Вотъ и надумали, чтобы я мои стишки переписала чистенько и вамъ отнесла-бы, а вы передадите редактору... И вотъ, не вышло... Не принимаютъ дѣтскія работы, вы говорите... Значитъ, денегъ не дадутъ... И папочкѣ ни лекарства, ни вина, ни куринаго супа не будетъ... Сониныхъ денегъ едва, едва на квартиру да на столъ хватаетъ... А тутъ болѣзнь, горе. Бѣдный, бѣдный папочка!

И сѣрые печальные глаза дѣвочки снова наполняются слезами.

Пока разсказывала Женя, передъ Вѣрочкой Вар-

куниной прошли цѣлыя картины тяжелыхъ переживаній этой несчастной семьи... Представился прикованный къ постели сраженный параличемъ старикъ Снигиревъ, живой трупъ, легшій бременемъ на плечи старшей дочери. И измученная работой молоденькая портниха и полуголодные ребятишки и эта Женя... Юная впечатлительная Женя, маленькая, хрупкая, страдающая отъ безсилія своего помочь старшей сестрѣ. Что-то больно сжало сердце корректорши. Горячая волна жалости хлынула въ душу. Быстро, быстро заработали мысли. Прояснились затуманенные на мгновенье глаза и Вѣрочка, наклонившись къ тихо плачущей Женѣ, проговорила:

— Не плачьте, милочка, утрите ваши глазки. Вы принесли ваши стишки съ собою? Такъ давайте ихъ поскорѣй. Завтра же отнесу ихъ въ редакцію, покажу редактору, и если они дѣйствительно хороши, то они будутъ напечатаны! А про годы ваши мы не скажемъ. Зачѣмъ же говорить про годы? И Вѣрочка лукаво прищурила даже одинъ глазъ и многозначительно подмигнула Женѣ.

Та не могла не улыбнуться на ея шутку. Огромная радость затопила дѣтскую душу и, прежде нежели Вѣрочка успѣла опомниться, двѣ худенькія ручонки обвились вокругъ ея шеи, а вздрагивающій отъ волненія голосокъ зашепталъ ей на ухо:

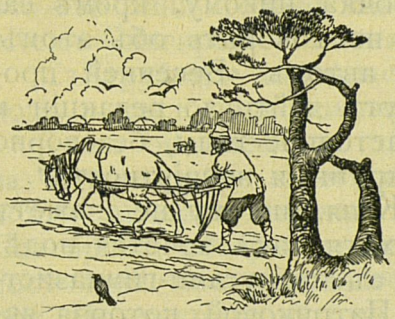
— О, какая вы добрая! Какая чудная! Благодарю васъ! Отъ души благодарю. И горячій поцѣлуй коснулся щеки молодой дѣвушки.

Женя ожила сразу. О томъ, что стихи ея могутъ не понравиться редактору, она не думала. Вѣдь и подруги и сестра Соня увѣряли ее, что она талантливая, и что все, что выходитъ изъ подъ ея пера—прекрасно. Значитъ, будущее ея обезпечено. Она будетъ

зарабатывать деньги, помогать сестрѣ Сонѣ, содержать больного параличнаго отца. Какое счастье!

Не безъ трепета, однако, вручила она вынутый изъ кармана почтовый листокъ бумаги со стихами и попросила Вѣрочку только прочесть его потомъ, когда ея, Жени, уже не будетъ здѣсь и, если можно, то завтра же передать редактору. Вѣрочка горячо пообѣщала исполнить Женину просьбу въ точности, крѣпко расцѣловалась со своей юной гостьей и проводила ее до дверей.

Потомъ вернулась въ спальню, развернула Женинъ листокъ и стала внимательно пробѣгать исписанныя тщательнымъ дѣтскимъ почеркомъ строки. Это были наивные дѣтскіе стишки о лунѣ, о морскомъ прибоѣ, цвѣтахъ и соловьѣ. Размѣръ былъ несовсѣмъ удаченъ, риѳмы хромали. Такъ могъ бы при желаніи написать каждый, и Вѣрочка сразу убѣдилась въ этомъ и, глубоко вздохнувъ, отложила стихи въ сторону и принялась писать какое-то письмо.



V.

Въ печальной, полной превратностей, жизни Жени Снигиревой случилось событіе. Нѣсколько дней послѣ посѣщенія дѣвочкою скромной квартирки Варкуниныхъ, на имя Жени пришелъ съ вечернею почтой небольшой конвертъ.

Это было письмо отъ корректорши Варкуниной. Въ письмѣ Вѣрочка увѣдомляла Женю о томъ, что стихотвореніе ея принято и будетъ напечатано, вѣ-

роятно, лѣтомъ, на столбцахъ журнала, а деньги, въ размѣрѣ девяти рублей сорока копѣекъ, она можетъ получить хоть сегодня у нихъ, Варкуниныхъ, на квартирѣ, пусть зайдетъ вечеркомъ, когда она, Вѣра, вернется изъ редакціи домой.

У Жени даже голова закружилась отъ счастья. Ея стихи приняты! Будутъ напечатаны въ теченіе лѣта! Она сегодня же можетъ получить за нихъ гонораръ въ размѣрѣ девяти рублей сорока копѣекъ!

Девять рублей сорокъ копѣекъ! Да это цѣлое состояніе для бѣдной семьи!

Женя задыхалась подъ напоромъ хлынувшихъ на нее счастливыхъ переживаній. Она боялась повѣрить собственнымъ глазамъ. Неужели правда? Неужели вѣрно то, что она, Женя Снигирева, признанная редакціей поэтесса, что ея стихи будутъ напечатаны и ей выдадутъ за нихъ гонораръ?

Она въ десятый разъ перечитывала Вѣрочкино письмо. Оно было такъ прекрасно! Оно принесло съ собою такое счастье Женѣ!

Жаль только, что въ постскриптумѣ стояло: „только прошу васъ, милая дѣвочка, никому, кромѣ вашихъ близкихъ родныхъ, не говорить объ этомъ. Иначе слухи о томъ, что авторъ «Весенней прогулки» — малолѣтокъ, могутъ дойти до редакціи и я, какъ скрывшая ваши настоящіе годы, безспорно могу нажить себѣ этимъ крупныя непріятности“.

Ну, разумѣется, она, Женя, никому не скажетъ и не подведетъ Вѣрочку, хотя такъ хочется подѣлиться радостной вѣстью съ подругами-гимназистками, особенно съ Ниной Патриковой, которая являлась, даже отчасти, виновницей всего происшедшаго. Но разъ эта милая, чудная корректорша Варкунина не желаетъ, чтобы Женя говорила, Женя будетъ молчать какъ убитая, чего-бы это не стоило ей.

Ахъ, скорѣе-бы только наступилъ вечеръ! Скорѣе-бы вырваться на Малую Мѣщанскую къ Варкунинымъ, и получить изъ рукъ Вѣры Петровны обѣщанный гонораръ!

Она сегодня-же купитъ папочкѣ вина, бисквитовъ, курицу на-завтра, потомъ чаю (какъ разъ весь вышелъ!), дѣтямъ гостинцевъ, самыхъ дешевенькихъ, конечно, что-нибудь вродѣ пастилы и леденцовъ, а Сонѣ галоши; совсѣмъ у нея галоши развалились... Ничего, что заглазно купитъ, у нихъ съ Соней ноги одинаковыя. Женя на себя примѣритъ и принесетъ. Вотъ-то обрадуется Соня! Вотъ-то прояснится ея усталое личико!

А собственное лицо Жени пылало отъ счастья, а глаза блестѣли и улыбались губы.

Въ гимназіи подруги при видѣ этого счастливаго лица освѣдомились у Жени, что такое случилось съ нею, что она не такая, какъ всегда. Но дѣвочка, помня желаніе корректорши Варкуниной, или молчала на всѣ эти разспросы, или отдѣлывалась коротенькими, ничего не значащими отвѣтами, вродѣ того, что это лишь только кажется имъ всѣмъ и что она, Женя Снигирева, такая-же какъ всегда.

Съ трудомъ дождалась дѣвочка окончанія уроковъ и какъ пуля помчалась домой.

Тамъ она помогла дѣвушкѣ-прислугѣ, которая за четыре рубля въ мѣсяцъ исполняла всѣ обязанности кухарки, прачки и сидѣлки при больномъ Снигиревѣ, состряпать немудреный обѣдъ для семьи, состоящій изъ молочнаго супа и макаронъ на второе. Подежурила у отца, накормила его бульономъ съ ложечки. Повозилась съ восьмилѣтними близнецами Раей и Маней и, когда часовая стрѣлка приблизилась къ шести часамъ, Женя проворно натянула на себя свое ветхое пальтишко, обвязала го-

лову большимъ платкомъ поверхъ старенькой шапченки и, не чувствуя ногъ подъ собою, побѣжала чуть-ли не бѣгомъ на Малую Мѣщанскую.

Въ тотъ-же вечеръ счастливая, сіяющая Женя, сидя за самоваромъ, разсказывала старшей сестрѣ о происшедшей въ ихъ жизни перемѣнѣ. Теперь нечего бояться нужды и бѣдствій. Теперь она, Женя, будетъ помогать Сонѣ содержать семью. Теперь будутъ двѣ работницы, вмѣсто одной, въ домѣ. И она подробно разсказала о томъ, что она, Женя Снигирева, сдѣлалась поэтессой.

Усталое, блѣдное личико Сони оживилось. Измученные отъ безконечнаго шитья глаза съ покраснѣвшими вѣками любовно и ласково поглядывали на сестру. А когда Женя развернула и поставила передъ Соней совсѣмъ новенькія галоши, подѣлила принесенные гостинцы между двумя младшими членами семьи и откупорила для отца свѣжую, полную до горлышка, бутылку съ цѣлебнымъ, быстро возстанавливающимъ силы, Токайскимъ, Соня всплеснула руками и со счастливыми слезами бросилась цѣловать младшую сестру.

VI.

Съ нѣкоторыхъ поръ Ѳекла замѣчаетъ, что керосину въ домѣ выходитъ вдвое больше, нежели раньше. И чутко спящая по ночамъ Валентина Егоровна часто слышитъ странный шорохъ въ столовой, въ то время, когда, по ея разсчетамъ, ея милая Вѣруня должна крѣпко спать, уставшая послѣ трудового дня.

Но „милая Вѣруня“ не спитъ.

Плотно прикрывъ смежную дверь, ведущую изъ спаленки въ столовую, чтобы не побезпокоить и не разбудить мать шорохомъ и свѣтомъ, она работаетъ до тѣхъ поръ, пока глаза не слипнутся отъ дремоты, а усталая голова не затуманится и не отяжелѣетъ совсѣмъ.

Тогда Вѣрочка Варкунина осторожно сложитъ въ портфель тщательно и чисто исписанные листы бумаги и, спрятавъ ихъ въ шкапъ, тихонько, безшумно пробравшись въ спальню, быстро раздѣнется и юркнетъ въ свою захолодѣвшую постель.

Такъ повторяется еженощно съ нѣкотораго времени. Вѣрочка Варкунина пишетъ при свѣтѣ погасающей лампы до трехъ, до четырехъ часовъ, въ столовой, съ тѣмъ, чтобы въ восемь утра быть снова разбуженной Ѳеклой и, наскоро проглотивъ чашку кофе, бѣжать въ свою контору съ покраснѣвшими отъ работы глазами и отяжелѣвшей отъ короткаго сна головою.

Но не работать по ночамъ Вѣрочка не можетъ. У нея прибавился расходъ въ довольно ощутительной мѣрѣ съ нѣкоторыхъ поръ. А брать на этотъ расходъ деньги изъ хозяйственныхъ суммъ она не смѣетъ и не хочетъ. Къ счастью, подвернулась приватная работа—переписка, и Вѣрочка просиживаетъ надъ нею цѣлыя ночи, стараясь, чтобы мать не услышала и не увидѣла ея занятій.

О снѣ она вовсе и не думаетъ даже. Сонъ—послѣднее дѣло для Вѣрочки. Она себя считаетъ вполнѣ здоровой, сильной и крѣпкой натурой. Для такихъ какъ она (это—твердое мнѣніе молодой Варкуниной) совершенно достаточно спать по четыре, по пяти часовъ въ сутки. Но, однако, щеки Вѣрочки Варкуниной замѣтно поблѣднѣли за послѣд-

нее время, а черныя тѣни окружили всегда бодрые, радостно сіяющіе глаза. И старушка Валентина Егоровна все озабоченнѣе и тревожнѣе поглядываетъ на свою любимицу-дочку, то и дѣло освѣдомляясь, здорова-ли она.

— Здорова, мамусикъ мой, и живуча, какъ кошка, а поэтому не извольте безпокоиться, милушка вы моя!

И веселая, жизнерадостная дѣвушка обыкновенно заканчиваетъ безчисленнымъ градомъ поцѣлуевъ, щедро расточаемыхъ матери, эту коротенькую тираду.

Теперь крошечную семью Варкуниныхъ часто навѣщаетъ юная посѣтительница.

Женя Снигирева обязательно приходитъ раза три, а то и четыре въ мѣсяцъ и непремѣнно приноситъ съ собою одно или два стихотворенія. Обыкновенно, это небольшіе стишки о цвѣтахъ, прогулкахъ по лѣсу или по полю. Или о солнечномъ сіяніи, иногда о таинственныхъ феяхъ или сказочныхъ принцессахъ. Иногда просто посвященія въ альбомъ подругамъ. Теперь уже Женя не стѣсняется Вѣрочки и даже самолично читаетъ ей свои произведенія.

Вѣрочка Варкунина обыкновенно изъ двухъ выбираетъ одно, болѣе удачное, и обѣщаетъ его на другой-же день показать редактору. А черезъ сутки увѣдомляетъ молоденькую поэтессу письмомъ, что стишки ея приняты и что она можетъ зайти къ нимъ, Варкунинымъ, за деньгами.

Такимъ образомъ, Женя Снигирева зарабатываетъ до двадцати рублей въ мѣсяцъ и ея трудъ (такой въ сущности легкій!) служитъ большимъ подспорьемъ нуждающейся семьѣ.

Теперь деньги, зарабатываемыя Соней, идутъ только на требованія семьи: на ней лежитъ обязанность платы за квартиру, столъ, дрова и одежда.

выстукивало сердце дѣвочки,—какъ долго пользовалась она услугами и средствами корректорши Варкуниной, наивно воображая, что зарабатываетъ хлѣбъ своимъ собственнымъ трудомъ.

А та милая, великодушная дѣвушка помогала ей цѣлые четыре мѣсяца, выплачивая гонораръ изъ своего кармана за эти ужасные стихи, забракованные редакторомъ, и которымъ никогда, никогда не суждено увидѣть свѣта! О, какая она глупая, Женя, если могла повѣрить, что эти плохіе, бездарные стихи могли быть, дѣйствительно, когда-нибудь приняты въ печать!

Жгучій стыдъ душилъ дѣвочку, слезы надрывали ей грудь, самыя мрачныя мысли толпились въ ея головкѣ.

И, вдругъ, все это покрыло одно страшное, поистинѣ трагическое сознаніе, что она, Женя, не будетъ уже больше въ состояніи помогать своей семьѣ вносить посильную лепту въ леченіе и содержаніе больного отца, не сможетъ помогать Сонѣ...

И ужасъ передъ своимъ безсиліемъ совсѣмъ завладѣлъ взволнованнымъ существомъ дѣвочки.

Въ своемъ отчаяніи, вся отдавшись тяжелому недѣтскому горю, она не слышала, какъ протрещалъ звонокъ въ передней, какъ тяжело застучали сапоги Θеклы, какъ мягко прозвучали легкіе шаги Вѣрочки и опомнилась лишь, увидя передъ собою милое сочувствующее личико корректорши Варкуниной и услышала у своего уха ея нѣжный, ласковый голосъ:

— Я вижу, что вы все узнали, милая Женя... Ну, ничего не подѣлаешь... моя бѣдная крошка!.. Ничего исправить нельзя. Но не надо такъ отчаиваться, Женюра...

И взрослымъ людямъ забраковываютъ ихъ работы... Не у каждаго, къ тому же, есть писательскій

талантъ... И ничего позорнаго въ этомъ нѣтъ... А вотъ разъ вы уже узнали все, моя дѣвочка, то я могу вамъ теперь дать большую работу и гораздо болѣе выгодную нежели эти... эти злополучные стихи. Мнѣ доставили огромную переписку, а времени у меня нѣтъ для нея совсѣмъ. Переписка не къ спѣху. Ее можно доставить частями. У васъ скоро кончатся занятія въ гимназіи, вотъ и возьмите на лѣто.

Согласны? Ну-же, отвѣчайте, Женюра!

Вѣрочка обняла свою юную пріятельницу и ласково заглядывала ей въ глаза...

Что было отвѣчать Женѣ.

Точно молотомъ ударила мысль въ разгоряченную волненіемъ голову:

— Что если эта работа дается отъ самой Вѣры Петровны? Что если сама корректорша Варкунина «придумала» эту переписку и сама же будетъ платить ей Женѣ изъ своего кармана, какъ и до сихъ поръ?..

Духъ захватило въ груди дѣвочки отъ одной этой мысли и, захлебываясь отъ волненія, она подѣлилась ею съ молодой дѣвушкой.

— Да что вы, милушка! Да Господь съ вами!— переписка самая настоящая и дѣло вы будете имѣть не со мною даже, а съ конторой. Тамъ и деньги будете получать. А меня и мою старуху не забывайте, заходите къ намъ, когда будетъ времячко, да почаще—успокоила ее Варкунина.

— Спасибо!—чуть слышно пролепетала Женя,— спасибо! Когда выросту, я отплачу вамъ, дастъ Богъ, за все, за все! И... и...

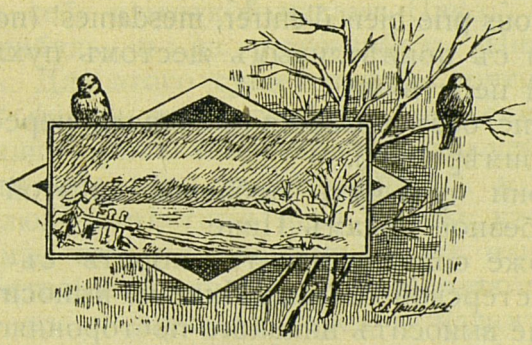
И, не договоривъ, она бросилась на шею Варкуниной и покрыла ея лицо поцѣлуями.

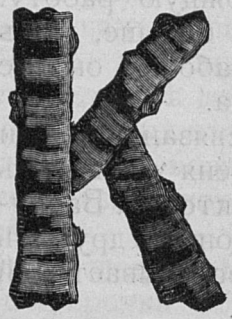
Теперь Женя имѣетъ уже настоящую работу. Перепиской она зарабатываетъ много больше, чѣмъ стихами. О предыдущемъ своемъ заработкѣ она не можетъ вспомнить безъ краски стыда.

Съ корректоршей Варкуниной онѣ связаны самыми тѣсными узами дружбы. Вѣрочкѣ Женя повѣряетъ всѣ свои радости и горести и корректорша Варкунина не менѣе откровенна съ своимъ юнымъ другомъ и очень охотно, въ свою очередь, разсказываетъ ей всѣ несложныя событія своей жизни.

Только объ одномъ умышленно умолчала корректорша Варкунина:—о томъ, изъ какихъ средствъ выплачивала она гонорары юной непризнанной поэтессѣ.

Но Женя Снигирева догадывается и объ этомъ. И все крѣпче и нѣжнѣе привязывается съ каждымъ днемъ къ своей взрослой подругѣ, къ своей любимой Вѣрочкѣ.





Мастерская мадамъ Пике.

I.

Ъ двумъ часамъ дня начинается обычный съѣздъ у большого сѣраго дома, между этажами котораго виситъ черная вывѣска съ золотыми буквами. На вывѣскѣ крупнымъ шрифтомъ значится: «Модная мастерская мадамъ Пике».

Въ модной мастерской въ два часа ежедневно, кромѣ праздниковъ, начинается обычная сутолока. Сама мадамъ Пике, очень полная, низкорослая особа, въ неизмѣнномъ черномъ шелковомъ платьѣ, съ подозрительно темными волосами и напудреннымъ лицомъ, плавно выступаетъ изъ рабочей въ примѣрочную, широко распахиваетъ смежную дверь съ гостиной и на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ привѣтливо обращается къ собравшимся тамъ дамамъ:

— Je vous prie bien d'entrer, mesdames! (пожалуйте, сударыни) съ привѣтливымъ жестомъ пухлой руки, унизанной перстнями.

Дамы не безъ волненія поочереди переступаютъ порогъ примѣрочной.

Всѣ они чуть-чуть побаиваются этой на видъ такой любезной мадамъ Пике.

Но Боже сохрани начать спорить съ хозяйкой модной мастерской! Мадамъ Пике не выноситъ противорѣчій, не выноситъ никакого посторонняго мнѣнія, кромѣ своего собственнаго, или мнѣнія своей старшей закройщицы. Она не терпитъ, чтобы ея заказчицы придумывали что-либо „отъ себя“ для своихъ нарядовъ. Онѣ должны вполнѣ полагаться на ея вкусъ, мадамъ Пике, въ дѣлѣ выбора цвѣта, фасона, гарни-

туры костюмовъ, въ противномъ же случаѣ мадамъ отказывается работать на слишкомъ самостоятельную кліентку. А этого отказа заказчицы боятся больше всего. Гораздо больше боятся, нежели неподходящаго цвѣта для своего костюма или неидущаго къ нимъ фасона, навязаннаго имъ мадамъ Пике. Ещебы! Модная мастерская мадамъ имѣетъ за собой такую почтенную репутацію! У нея шьютъ самыя выдающіяся въ столицѣ, съ громкими именами и виднымъ положеніемъ, кліентки.

Въ два часа дня въ ея примѣрочной, застланной дорогимъ ковромъ, съ двумя огромными трюмо, одно противъ другого, можно встрѣтить и титулованныхъ барынь и барышень, и женъ и дочерей консуловъ, и милліонершъ-комерсантокъ, и знаменитыхъ актрисъ.

Всѣ онѣ покорно ждутъ своей очереди и съ одинаково любезной улыбкой по адресу мадамъ переступаютъ порогъ примѣрочной. Каждая изъ этихъ важныхъ госпожъ съ особенной гордостью называетъ себя кліенткой мадамъ Пике.

Кому-нибудь и на кого-нибудь Пике шить не будетъ. Для этого существуютъ другія „обыкновенныя“ фирмы, какъ говоритъ она сама, и при этомъ кривитъ ротъ въ презрительную улыбку. А у нея всѣ ея кліентки „ни кто-нибудь“, а люди съ именами, люди извѣстныя всей Россіи, кто своимъ богатствомъ, кто положеніемъ мужа или отца, а кто и собственнымъ талантомъ. Попадаютъ онѣ съ выборомъ въ модную мастерскую мадамъ Пике и считаютъ честью для себя заказывать въ модной мастерской свои наряды. На мастерскую мадамъ Пике установлена такая же мода, какъ на оперу съ участіемъ Шаляпина, какъ на новый родъ спорта

„скетингъ-рингъ“, какъ на вычурныя, эксцентричныя прически.

И не мудрено, поэтому, что около двухъ часовъ ежедневно у подъѣзда сѣраго дома, гдѣ весь бельэтажъ отдается подъ мастерскую и прилегающую къ ней квартиру мадамъ Пике, останавливаются самые щегольскіе экипажи, кареты, автомобили и сани.

Расфранченныя, въ дорогихъ мѣхахъ и нарядныхъ шляпахъ, дамы и барышни, при помощи выѣзднаго лакея и швейцара, спѣшно выходятъ изъ экипажей, поднимаются по широкой, устланной ковромъ, лѣстницѣ и исчезаютъ въ гостепріимно раскрытой передъ ними двери модной мастерской.

Тамъ приходится ждать въ гостиной, если явишься не первою, совсѣмъ, какъ въ пріемной извѣстнаго врача-профессора, пока плотно прикрытая дверь въ примѣрочную не раскроется и не выпуститъ болѣе раннюю кліентку, а то иногда и цѣлый десятокъ таковыхъ.

Въ примѣрочной, кромѣ мадамъ Пике, которая сама ничего не примѣряетъ, а, сидя въ удобномъ креслѣ, лишь величественно отдаетъ приказанія, гдѣ подколоть, гдѣ ушить, гдѣ срѣзать, гдѣ припустить,—находится еще высокая, худая, бѣлобрысая съ изжелта-блѣднымъ некрасивымъ лицомъ главная закройщица Роза Федоровна, съ маленькими, сердито бѣгающими глазками. Эти глазки одновременно слѣдятъ и за заказчицей, и за примѣряемымъ ею нарядомъ, и за двумя мастерицами, ползающими вокругъ кліентки по полу съ булавками во рту и за дѣвочками ученицами, подающими булавки.

И успѣваетъ, о, какъ много успѣваетъ она сдѣлать въ одно и тоже время! Успѣваетъ и уколоть лишній шовъ въ лифѣ заказчицы, и выбранить за

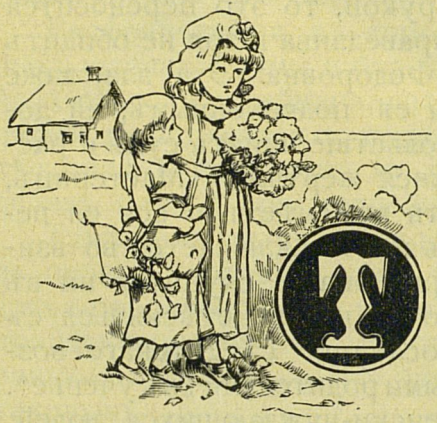
ошибку мастерицу, и ущипнуть самымъ незамѣтнымъ образомъ зазѣвавшуюся дѣвочку — ученицу, такъ, разумѣется, чтобы заказчица не замѣтила этого.

Роза Федоровна—чудовище. Это злой геній мастерской мадамъ Пике по мнѣнію мастерицъ и дѣвочекъ-ученицъ. Если „сама“ вспыльчива и накричитъ подъ злую руку, а то и ударитъ дѣвочку, не взрослую швею, конечно, своей пухлой, унизанной драгоцѣнными кольцами рукой, то это переносится какъ-то легче. „Сама“ справедлива и зря не обидитъ никого. Но за то Роза Федоровна! Эта зла, даже жестока и, какъ кажется ея подчиненнымъ, ей доставляетъ огромное удовольствіе чинить судъ и расправу надъ провинившимися жертвами. Мастерицъ, впрочемъ, она притѣснять не смѣетъ и вся ея немилость по отношенію къ нимъ заключается во взиманіи штрафовъ, на которые она не скупится ни въ какомъ случаѣ. Но за то ей нечего стѣсняться съ дѣвочками-ученицами. Послѣднія съ дѣтскаго возраста отдаются сюда бѣдными родителями „въ ученье“. Всѣ они—продукты нищенски-нуждающихся людей. Такихъ ученицъ у мадамъ Пике четыре.

Рыхлая, съ нездоровымъ желтымъ лицомъ Степа Дурнина, апатичная, болѣзненная дѣвочка; живая бойкая черноглазая Танюша Морозкина, любимица Розы Федоровны, острая на языкъ дѣвочка, но которой сторонятся ея сверстницы именно за это ея черезмѣрное умѣнье угождать „Розкѣ“, какъ называютъ за глаза въ мастерской старшую закройщицу; Анютка, отчаянная дѣвочка, продѣлывающая невѣроятныя вещи, въ смыслѣ шалостей и проказъ, и подвергающаяся неменѣе невѣроятнымъ наказаніямъ со стороны „Розки,“ и, наконецъ, Ганя, тихая двѣнадцатилѣтняя дѣвчурка съ испуганными, какъ бы разъ на всегда остановившимися отъ страха сѣрыми глазенками и съ мел-

кими какъ бисеръ веснушками на миловидномъ дѣтскомъ лицѣ.

Была тутъ еще недавно пятая дѣвочка, но она умерла три мѣсяца тому назадъ и о ея смерти среди младшихъ членовъ модной мастерской бродятъ еще и до сихъ поръ какіе-то странные, жуткіе и таинственные слухи.



II.

ЧЕТІЙ часъ на исходѣ, но ноябрьскій день коротокъ и уже ранніе сумерки окутываютъ улицы Петербурга.

Въ модной мастерской мадамъ Пике весело-весело свѣтятъ электрическіе рожки и лампы. Въ примѣрочной идетъ обычная безшумная суета. Между двумя высокими трюмо стоитъ худощавая женщина въ почти законченномъ платьѣ. Она высока и очень стройна, несмотря на слишкомъ худощавую фигуру. Нельзя опредѣлить, молода она или нѣтъ, но при первомъ же взглядѣ на это усталое лицо, съ замѣтными морщинами вокругъ глазъ и съ темными, какъ бы во внутрь себя смотрящими глазами, нельзя не сказать, что она прекрасна. И не красотой прекрасна, а тѣмъ тихимъ свѣтомъ, который сіяетъ въ ея печальныхъ глазахъ, и въ этой задумчивой улыбкѣ, которая чуть замѣтно трогаетъ ея губы.

Это Ольга Бецкая, извѣстная драматическая актриса, сумѣвшая, благодаря своему крупному таланту, завоевать симпатіи холодной и не особенно щедрой на выраженія своего восторга Петербургской публики. Она два года какъ пріѣхала сюда изъ провинціи, гдѣ играла съ огромнымъ успѣхомъ, и теперь пожинала лавры въ одномъ изъ видныхъ частныхъ предпріятій столицы. Своей декадентской фигурой, своимъ нѣжнымъ, удивительно подвижнымъ и одухотвореннымъ лицомъ, своимъ чарующимъ низкимъ голосомъ, а главное своей душой, кристально чистой, и сердцемъ отзывчивымъ на всякія людскія нужды и запросы, Ольга Бецкая представляла собою тотъ плѣнительный, полный обаянія обликъ, который не можетъ не притягивать къ себѣ людей.

И Ольга Бецкая покоряла не только зрителей, публику, товарищей и подругъ по театру, не только близкихъ людей, но и чужихъ.

Даже въ мастерской мадамъ Пике всѣ отъ величественной „самой“ до апатичной болѣзненной Степы, вѣчно страдающей отекомъ ногъ, всѣ были очарованы этой женщиной. Даже на каменномъ лицѣ никогда не улыбающейся Розы Федоровны мелькало нѣкоторое подобіе улыбки, когда Ольга Бецкая обращалась къ ней съ самой незначительной фразой, относящейся къ примѣркѣ платья.

А о „самой“ и говорить нечего. Если мадамъ Пике и считалась съ чьимъ либо мнѣніемъ изъ своихъ кліентокъ, то безусловно только съ мнѣніемъ Ольги Бецкой, обладающей огромнымъ вкусомъ ко всѣмъ отраслямъ искусствъ.

Съ Ольгой Бецкой „сама“ никогда не рѣшалась спорить ни по поводу фасона, ни цвѣта и наряда, мнѣніе артистки оставалось всегда рѣшающимъ. Еще бы! Она была единственною кліенткой, кото-

рою справедливо гордилась мадамъ Пике. Вѣдь вся столица съѣзжалась смотрѣть Бецкую, покланялась ей, ея таланту, любовалась ею, и въ это время на ней были платья, вышедшія изъ модной мастерской мадамъ Пике!

Но если кто-либо готовъ былъ отдать самымъ безкорыстнымъ образомъ жизнь за Ольгу Бецкую, такъ это была маленькая Ганя или попросту Глафира Архипова, дѣвочка-ученица модной мастерской мадамъ Пике.

Съ той минуты, когда Ганя, два года тому назадъ, приведенная сюда, въ ученье, уличной торговкой, теткою Секлетіей, замѣнившей ей покойную мать и кое-какъ воспитавшей дѣвочку на свои скудные нищенскіе гроши, увидѣла Бецкую, сердце бѣдной худенькой Гани дрогнуло отъ восторга.

Это было какъ разъ въ день ея поступленія къ мадамъ. Ганя, какъ сейчасъ, помнитъ все, до мельчайшихъ подробностей. Нѣкоторыя изъ швей насмѣшливо поглядывали на нее, Ганю, „неотесанную“ дѣвочку съ улицы, посмѣиваясь надъ ея неумѣніемъ держать себя, надъ пугливостью, дикостью и нескладной рѣчью.

Бойкія Анютка и Танюша приняли ее съ откровенными насмѣшками и недоброжелательствомъ. Первая откровенно заявила, что „не терпитъ тихонь, потому-де въ тихомъ омутѣ черти водятся“, а вторая, ни слова не говоря, прибольно ущипнула Ганю, когда сидѣла за обѣдомъ рядомъ съ нею на кухнѣ и хихикнула ей въ спину, мигая плутоватыми глазами.

— Это по обычаю. Обычай у насъ такой!—съ невиннымъ видомъ объявила она, избѣгая укоризненнаго взгляда Гани.

„Сама“ съ мѣста въ карьеръ въ первый же день

накричала на новенькую, не успѣвшую ей подать чего-то, а Роза Федоровна пребольно выдрала за ухо Ганю, не смогшую распороть какого-то безконечно длиннаго рубца.

И только Бецкая, примѣрявшая между двумя и тремя часами въ этотъ день какое-то сложное платье для сцены, замѣтя новое, не виданное еще ею здѣсь личико ребенка съ испуганными заплаканными глазенками, удивленно остановила на ней свои прекрасные глаза и спросила по французски хозяйку:

— Что это, у васъ новенькая, мадамъ Пике?

Все лицо француженки расплылось въ улыбкѣ. Всѣ ея черные локоны, обильно снабжавшія вычурную прическу, казалось пришли въ движеніе при этомъ вопросѣ.

— Oui, oui, madame! *) Новенькая! Новенькая, но ужасно безтолковая къ сожалѣнію.

— Но она еще такъ мала... Совсѣмъ крошка.

И Бецкая (и это помнитъ до мельчайшихъ подробностей Ганя) приподняла за подбородокъ ея худенькое заплаканное лицо своими тонкими душистыми (ахъ, какими душистыми!) пальцами и наградила ее ласковымъ взглядомъ своихъ большихъ черныхъ глазъ, такихъ печальныхъ и прекрасныхъ. Съ минуту этотъ взглядъ покоился на лицѣ Гани, какъ бы изучая ея дѣтскую рожицу со вздернутымъ носикомъ и, покрытыми мелкимъ бисеромъ веснушекъ, щеками.

И потомъ Бецкая проговорила, заставляя каждымъ звукомъ своего голоса таять ту ледяную глыбу отчаянія, ужаса и тоски, которая навалилась на маленькую душу дѣвочки съ минуты ея водворенія въ модной мастерской:

*) Да, да, сударыня.

— Не надо плакать, дѣвочка, слезами горю не поможешь. Ты не отчаявайся: первое время трудно бываетъ работать среди чужихъ, на чужомъ мѣстѣ... И мнѣ было трудно,—добавила она съ очаровательной улыбкой, которая мгновенно преображала ея усталое, нервное и какъ будто не молодое лицо, дѣлая его молодымъ и прекраснымъ,—а вотъ привыкла, и ты привыкнешь, увѣряю тебя, крошка!

А уѣзжая съ примѣрки, уже одѣтая въ черное котиковое манто, отороченное соболями, Бецкая вынула изъ своей собольей же гигантскихъ размѣровъ муфты плитку шоколада съ изображеніемъ на ней летящаго ангелочка и передала ее смущенной Ганѣ.

— На, дѣвочка, скушай за мое здоровье, авось послаще будетъ на душѣ! И, потрепавъ по заалѣвшей отъ конфуза щечкѣ Ганю, исчезла изъ мастерской, нарядная, благоухающая и прекрасная какъ мечта или сказка.

Плитку у Гани въ тотъ же часъ отняли Танюша съ Анюткой и съѣли, хихикая и гримасничая у нея за спиною, но картинку съ ангелочкомъ дѣвочкѣ удалось спасти отъ нихъ какимъ то чудомъ, она спрятала ее подальше какъ какую-нибудь драгоцѣнность и только иногда, когда никого не было подлѣ, со всякими предосторожностями доставала свое сокровище, любовалась имъ и цѣловала картинку.

Разумѣется, этотъ дѣтскій восторгъ, эти нѣжныя ласки бѣдной дѣвочки и ея порывы предназначались самой Бецкой, которая съумѣла зажечь горячее чувство къ себѣ въ сердцѣ одинокаго ребенка, отдавшагося ей съ первой же встрѣчи разъ навсегда.

Съ тѣхъ поръ прошло почти два года, а Ганино сердце вздрагиваетъ всякій разъ отъ счастья, когда

въ примѣрочную входитъ Бецкая. А когда артистка обращается съ какой-либо незначительной фразой къ дѣвочкѣ, Ганя считаетъ этотъ день счастливѣйшимъ днемъ...

Сегодня особенно удачно сложились обстоятельства для маленькой Гани. Ольга Бецкая должна пробыть у нихъ въ мастерской не менѣе часа, по крайней мѣрѣ. Ей шьютъ четыре платья сразу и каждое требуетъ особой тщательной примѣрки.

Говорятъ, эти платья шьются къ новой пьесѣ, въ которой Бецкая будетъ играть главную роль.

Маленькая „ученица“ знаетъ заранѣе, что ея кумиръ сыграетъ отлично, и что платья выйдутъ удачно, и что Бецкая будетъ въ нихъ „ангеломъ“ и „прелестью“, какимъ никто не можетъ и не смѣетъ быть кромѣ нея одной.

О театрѣ Ганя имѣетъ смутное понятіе. Какъ то разъ, въ далекомъ дѣтствѣ, тетка Секлетея водила дѣвочку въ циркъ „на верхи“, но Ганя ровно ничего не вынесла отъ цирковаго представленія, потому что барьеръ дешевыхъ мѣстъ доходилъ ей какъ разъ по самыя брови, и она не могла видѣть ничего происходившаго на аренѣ. Шумъ же, крики и пощечины клоуновъ, равно какъ и ихъ шутки скорѣе пугали, нежели потѣшали ее. И если-бы не яблоко, предупредительно сунутое ей въ рученку теткой Секлетеей, она расхныкалась, навѣрное, среди ихъ самаго оживленнаго юмора.

Но театръ, по мнѣнію Гани, совсѣмъ другое дѣло. Ихъ мастерицы разсказывали не разъ о театрѣ, гдѣ бывали изрѣдка въ дешевыхъ мѣстахъ, а иногда и въ даровыхъ, когда участвовала Бецкая, предлагавшая иногда билеты-контромарки молодымъ дѣвушкамъ.

Ганя съ завистью смотрѣла на счастливицъ. Какъ ей было не завидовать имъ! Онѣ видѣли Бецкую, ея добрую волшебницу, ея „ангелочка-душоночка“ на сценѣ! А когда на слѣдующіе дни, послѣ такихъ посѣщеній театра, мастерицы оживленно разсказывали про спектакль, Ганя жадно ловила каждое слово, относящееся къ ея кумиру. Сердце ея дрожало отъ восторга, когда дѣвушки хвалили Бецкую, восхищались ея игрою, красотой, голосомъ и разсказывали объ овацiяхъ, сдѣланныхъ ей публикой.

И когда Ольга Бецкая пріѣзжала въ мастерскую, Ганѣ она казалась какимъ-то неземнымъ существомъ, какимъ-то свѣтлымъ волшебнымъ видѣніемъ, какія бываютъ развѣ только въ сказкахъ. Да, только въ однѣхъ сказкахъ бываютъ такія! И Ольга Бецкая являлась чарующей дивной сказкой для маленькой Гани.

III.

— У, милочки, работы вамъ всѣмъ не мало надъ моими платьями! Небось, по ночамъ сидѣли, признайтесь?— своимъ милымъ задушевнымъ голоскомъ обратилась Бецкая къ окружающимъ ее мастерицамъ и дѣвочкамъ.

Она стояла теперь въ почти законченномъ платьѣ изъ серебристаго газа, покрывавшаго нѣжно-голубой чехолъ. Воздушный легкій нарядъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ ея высокой хрупкой фигуркѣ и блѣдному, тонкому, одухотворенному лицу.

Мастерицы улыбнулись радостно и смущенно отъ этого обращенія къ нимъ общей любимицы, а дѣвочки Ганя и Анютка вспыхнули до ушей.

— Полно, Ольга Леонидовна, какая тамъ работа! Работать должны. Нѣтъ работы и ѣсть будетъ нечего!—пробурчала Роза Федоровна, которая была сегодня не въ духѣ, благодаря флюсу, натянувшему щеку.

— Ну, нѣтъ, не скажите. Работы много и сидятъ онѣ, вѣрно, по ночамъ надъ моими платьями, такъ какъ надо сшить ихъ наспѣхъ, не правда-ли?—снова прозвучалъ нѣжный, въ самую душу вливающійся голосъ Бецкой.

Мастерицы молчали, боясь высказаться при „самой", а главное при „страшилищѣ Розкѣ", что, дѣйствительно, надъ платьями Бецкой онѣ сидятъ поздно за полночь, благодаря необходимости сдать работу въ срокъ. Но и сама хозяйка, и Роза Федоровна строго-на-строго запретили своимъ работницамъ говорить кліентамъ о томъ, что онѣ частенько работаютъ ночью. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы укрѣпить за хозяйкой модной мастерской мнѣніе какъ о гуманной и заботливой представительницѣ фирмы, не мучающей безсонными ночами своихъ помощницъ.

Пока Ольга Бецкая своимъ милымъ голосомъ обращалась къ мастерицамъ и дѣвочкамъ, Роза Федоровна, придерживая рукою завязанную черной шелковой косынкой раздутую флюсомъ щеку, метала на нихъ безпокойный, угрожающій и предостерегающій въ одно и тоже время взглядъ.

— Попробуйте! Попробуйте пожаловаться у меня только!—говорили этимъ краснорѣчивымъ взглядомъ ея безцвѣтные маленькіе, но злобно свѣтящіеся глазки.

А мадамъ въ это время разсыпалась въ комплиментахъ передъ Бецкой.

— О, для нея, для очаровательной мадамъ Бецкой, для такой великолѣпной артистки, онѣ готовы, всѣ безъ исключенія, работать, забывъ остальныхъ заказчицъ, съ утра до ночи, и съ ночи до утра. Только бы угодить мадамъ Бецкой! Только бы угодить!

— Значитъ онѣ все таки работали по ночамъ? Неужели никто не скажетъ мнѣ правду?—вырвалось такимъ печальнымъ возгласомъ изъ груди Бецкой и такое грустное выраженіе затуманило на мигъ ея прекрасные глаза, что Ганино сердце замерло отъ боли.

Сама не сознавая, что дѣлается съ нею, дѣвочка метнулась впередъ съ широко раскрытыми глазами и, роняя хрустальное блюдечко съ булавками, которое держала во время всей примѣрки въ своей крошечной рукѣ, произнесла, захлебываясь помимо собственной воли:

— Работали! Правда, работали, Ольга Леонидовна! Только до 12-ти часовъ... Недолго!

Ганя хотѣла еще что-то прибавить, но гримаса боли исказила ея лицо. А крикъ замеръ на дѣтскихъ губкахъ. Въ ту же минуту Роза Федоровна отдернула руку отъ локтя дѣвочки, тогда какъ каменное, безстрастное лицо ея съ нѣкоторымъ подобіемъ улыбки обратилось къ Бецкой:

— Чепуху она поретъ... Не слушайте ее, Ольга Леонидовна. Такая несуразная дѣвченка! И она смущенно смолкла, потому что милые глаза Бецкой внимательно поглядѣли на нее.

— Нѣтъ, Роза Федоровна, дѣвочка говоритъ правду!—спокойно произнесла артистка. — И напрасно вы обидѣли ее.

Роза Федоровна побагровѣла. Она никакъ не дума-

ла, что Бецкая замѣтила тотъ щипокъ, которымъ она наградила „несуразную дѣвченку“. Къ тому же, не суразная дѣвченка разливалась сейчасъ въ три ручья, ползая у ногъ заказчицы и подбирая разсыпанныя булавки.

— Перестань ревѣть, слышишь, а не то...—прошипѣла закройщица, незамѣтно наклоняясь къ плачущей Ганѣ. Та испуганно вскинула на нее своими затуманенными глазами и съ трудомъ удержала льющіеся изъ нихъ слезы. Въ тотъ же мигъ легкая, воздушная фигура Бецкой склонилась надъ нею, а двѣ пахучія нѣжныя руки обвили ея плечи и поставили передъ собой.

— Спасибо, что ты сказала мнѣ правду, дѣвочка, надо всегда и всѣмъ говорить правду,—своимъ глубокимъ голосомъ произнесла Бецкая и, прежде чѣмъ Ганя успѣла опомниться, мягкія нѣжныя губы ея кумира прижались къ ея лбу.

Все какъ-то разомъ порозовѣло въ глазахъ дѣвочки отъ этого неожиданнаго счастья; обида, щипокъ и угрозы страшной Розки были забыты сразу подъ впечатлѣніемъ этого поцѣлуя. Сама Бецкая! Самъ „ангелъ“ и „добрая волшебница“ поцѣловала ее, коснулась ея лица, приласкала ее, бѣдную маленькую Ганю!

Она едва сознавала, что происходило кругомъ, что говорила Бецкая въ эту минуту, обращаясь къ хозяйкѣ мастерской.

— Пожалуйста, мадамъ Пике, умышленно на русскомъ языкѣ, между тѣмъ, говорила хозяйкѣ Бецкая,—вы ужъ не заставляйте сидѣть до полуночи молодежь. Сонъ—это главное для юности... Это ея законная потребность. А вы, друзья мои, получите всѣ отъ меня немного лакомствъ за ваше черезмѣрное усердіе. Пришлю сегодня же,—обратилась она къ все еще

ползавшимъ вокругъ ея трена мастерицамъ. Потомъ снова остановила свой ласковый взглядъ на Ганѣ:

— Напомни мнѣ, дѣвочка, передать тебѣ кое-что, когда выйдешь провожать меня въ переднюю.

Этого уже Ганя совсѣмъ не ожидала. Уже давно присвоила она себѣ право надѣвать высокіе теплые ботинки на точеныя, щегольски обутыя ножки артистки и подавать ей ея нарядное котиковое манто. Дрожа отъ радости, Ганя бѣжала исполнить эту пріятную для нея обязанность каждое посѣщеніе Бецкой. Но она никакъ не думала, что артистка замѣчала, кто подаетъ ей шубу и надѣваетъ на ея ноги теплую обувь. А между тѣмъ, Ольга Леонидовна, очевидно, запомнила Ганю и это наполняло горячимъ восторгомъ любящее сердце одинокой дѣвочки.

Она плохо сознавала, какъ продолжалась примѣрка, какъ, наконецъ, было покончено закалываніе послѣдняго лифа, какъ переодѣлась въ свое суконное платье Бецкая и вышла изъ примѣрочной.

Не помня себя отъ предчувствія чего-то радостнаго и свѣтлаго, что должно было неминуемо случиться сейчасъ, сію минуту, Ганя робко послѣдовала за ней въ переднюю.

— Я знаю, какъ ты любишь меня, дѣвочка,— произнесъ надъ нею знакомый, милый голосъ, пока Ганя застегивала сложную застежку на высокихъ мѣховыхъ ботикахъ артистки,—и думаю, что ты будешь довольна получить отъ меня вотъ эти билеты, — не правда-ли, тебѣ пріятно будетъ видѣть твою Ольгу Леонидовну на сценѣ, пріятно посмотрѣть какъ она играетъ? И тонкая, надушенная ручка, затянутая въ длинную, до локтя, лайковую перчатку протянула Ганѣ два свѣтлые театральные билетика.

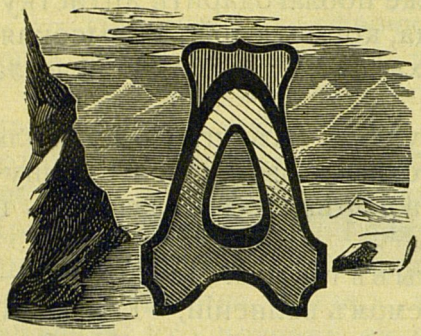
Ганя, ожидавшая всего, кромѣ этого, такъ растерялась, что не могла даже поблагодарить артистку. Опомнилась она лишь тогда, когда стройная, высокая, закутанная въ дорогіе мѣха фигура Бецкой исчезла за дверью.

Въ ту-же минуту откуда-то изъ угла выскочила Анютка. Ея подвижная острая рожица вся вытянулась отъ любопытства. Разгорѣвшіеся глаза такъ и впились въ лицо Гани.

— Билеты дала? Билеты въ театръ? Два билета?— зашептала она въ неописуемомъ волненіи,—Ганюшка, миленькая, золотенькая, возьми ты меня съ собою, ради Господа, возьми! Никому не давай другому билетика-то. Мнѣ подари, Ганюша! Танькѣ не стоитъ, Танька все Розкѣ переноситъ, фискалка она, заносчица, а Степѣ все едино идти или не идти. Больная она, сырая, Ганечка. А ужъ я то тебѣ сослужу за это! Миленькая, пригоженькая, вотъ увидишь, сослужу.

Говоря это, Анютка одной рукой обнимала опѣшѣвшую, растерявшуюся Ганю, другою старалась выхватить одинъ изъ билетовъ у нея изъ рукъ. Впрочемъ, особыхъ усилій ей въ данномъ случаѣ и не пришлось прикладывать. Все еще находившаяся въ своемъ восторженномъ оцѣпенѣніи, Ганя безпрекословно исполнила просьбу подруги.

Одинъ изъ билетовъ она передала дѣвочкѣ, другой спрятала у себя на груди, какъ когда-то спрятала и завѣтную карточку съ плитки шоколада, подаренной ей Бецкой.



IV.

ДѢВОЧКИ сговорились итти послѣ ужина просить Розу Федоровну отпустить ихъ на завтра въ театръ.

Завтрашній день былъ воскресный, а работы въ мастерской мадамъ Пике не бывало по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ.

Составъ взрослыхъ работницъ былъ приходящій. Мастерицы и ихъ помощницы жили у себя на квартирахъ съ родными; дѣвочки же, ученицы, брались мадамъ Пике въ мастерскую на постоянное житье.

Кромѣ обязанности помогать взрослымъ работницамъ въ шитьѣ и въ примѣркѣ, бѣгать по магазинамъ для закупки менѣе сложнаго матеріала и разноски заказовъ по кліентамъ, на обязанности дѣвочекъ лежало еще—помогать кухаркѣ мыть посуду, убирать комнаты и мастерскую, бѣгать въ лавочку по утрамъ, по порученію кухарки, и чистить одежду и сапоги самой мадамъ и Розы Федоровны, которая жила тутъ же при мастерской.

Кормили дѣвочекъ не важно, одѣвали ихъ плохо; спали ученицы, за неимѣніемъ другого мѣста, въ широкомъ темномъ корридорѣ, гдѣ стлали себѣ убогія постели на имѣвшихся здѣсь въ изобиліи „мадаминыхъ“ сундукахъ.

Дѣвочки-ученицы освобождались только къ одинадцати вечера, прибравъ послѣ хозяйскаго ужина посуду, вычистивъ „мадамины“ и Розы Федоровны сапоги и платья, съ тѣмъ, чтобы въ шесть часовъ

быть уже снова на ногахъ, успѣть поставить самоваръ, сбѣгать въ лавочку, двоимъ изъ четверыхъ дѣвочекъ, и всѣмъ уже сообща, вмѣстѣ убрать большую мастерскую и прилегавшую къ ней квартиру.

Такъ было установлено у мадамъ Пике разъ и навсегда и ничто и никто не могъ измѣнять этихъ, разъ установившихся порядковъ. Дѣвочки-ученицы, большей частью, были сироты или дѣти совершенно бѣдныхъ родителей, которые не могли брать ихъ къ себѣ по праздничнымъ днямъ. Такъ что и праздничные дни проводились дѣтьми въ той же обычной будничной обстановкѣ и, если онѣ не шили и не бѣгали по гостинному двору за покупками приклада, то имъ, все же, выпадало не мало работы и въ праздникъ, такъ какъ по воскресеньямъ у „мадамы“ обыкновенно собирались гости, обѣдали знакомые и до поздней ночи играли въ лото. Приходилось, такимъ образомъ, бодрствовать и дѣвочкамъ-ученицамъ. Гости расходились подъ утро и маленькія труженицы ложились около четырехъ часовъ въ такія ночи, чтобы подняться въ обычное раннее время и снова начать свой будничный трудовой день.

Но если у дѣвочекъ выпадало когда свободное время, такъ это были субботніе вечера. По субботамъ мадамъ Пике, въ сообществѣ Розы Федоровны, неизмѣнно отправлялась въ французскій театръ и возвращалась только къ 12-ти часамъ, взявъ предварительно ключъ отъ квартиры съ собою.

Въ эти вечера дѣвочки какъ можно скоро убирали послѣобѣденную посуду и, поужинавъ наспѣхъ, отправлялись въ свой корридоръ. Здѣсь, собравшись на одномъ изъ сундуковъ, замѣнявшихъ имъ кровати, онѣ вели долгія и оживленныя бесѣды. Кухарка Софья громко храпѣла у себя въ коморкѣ за кухней,

а кромѣ нея и ученицъ не было въ домѣ никого и дѣвочки могли спокойно проводить въ бесѣдѣ эти ихъ излюбленные вечера.

Говорилось здѣсь безъ умолку. Бѣдныя, запуганныя дѣти могли безъ страха повѣрять свои огорченія и печали другъ другу. Даже любимица Розы Федоровны Таня, которая, по мнѣнію дѣвочекъ, частенько доносила на своихъ подругъ, и эта въ такіе вечера цѣликомъ отдавалась дѣтской потребности облегчить свою долю дружеской бесѣдой съ такими же обездоленными сиротами-дѣтьми.

Здѣсь, подъ неумолкаемый храпъ Софьи, говорилось о полученныхъ отъ „самой“ и Розы Федоровны обидахъ, о «собачьей» жизни, о печальномъ житьѣ-бытьѣ. Строились безчисленные планы на болѣе счастливое будущее, когда всѣ онѣ сдѣлаются мастерицами и когда будутъ жить самостоятельно у себя „на квартирѣ.“ Вспоминались и разные случаи ихъ недавняго прошлаго. Особенно часто говорилось о Зинѣ.

Зина была пятою дѣвочкой у мадамъ и слыла какою-то неудачницею съ перваго дня своего поступленія въ мастерскую. Все, что попадало въ руки Зины, имѣло печальную судьбу. «Косолапая Зина», какъ ее называли въ мастерской, ломала все, что подлежало ломкѣ, била бьющееся, рвала и портила нечаянно, конечно, все то, что могло только портиться и рваться. Она раскалывала вдребезги посуду, когда мыла или перетирала тарелки, разрѣзала «живое мѣсто» на матеріи, когда распарывала швы, словомъ, непроизвольно портила все, что ни попадало ей въ руки. За это Зинѣ попадало немилосердно. Ее жестоко наказывали, она не выходила изъ синяковъ, ее били безо всякаго сожалѣнія. Роза Федоровна, собственноручно расправлявшаяся съ про-

винившимися дѣвочками, не жалѣла рукъ, наказывая злосчастную Зину. Но это не помогало нисколько. Однажды, убирая комнаты, Зина умудрилась разбить огромное трюмо въ примѣрочной. На этотъ разъ ни одна Роза Федоровна, но и сама мадамъ Пике пришла въ ярость. Это несчастіе произошло какъ разъ въ воскресенье. У мадамъ собрались родные и знакомые и наказанье провинившейся дѣвочки рѣшили отложить до утра. Пока же сидѣли гости, Роза Федоровна наградила подъ шумокъ Зину нѣсколькими увѣсистыми пощечинами и щипками и заперла ее въ холодный чуланъ, гдѣ былъ сложенъ коксъ для топки камина, и гдѣ было холодно какъ на улицѣ.

Вышло такъ, что игра въ лото и пріятные разговоры съ гостями отвлекли мысли Розы Федоровны отъ Зины, томившейся въ чуланѣ. Забыла о ней и Софья, захлопотавшаяся съ ужиномъ. А когда подъ утро старшая закройщица заглянула въ чуланъ, Зина лежала вся синяя, свернувшись въ клубокъ на голомъ полу и что-то болтала несуразное закоченѣвшимъ отъ холода языкомъ.

Само собою, о наказаніи не было и рѣчи, и испуганная не на шутку. Роза Федоровна, кликнувъ Софью, перенесла при ея помоши безчувственную дѣвочку въ комнату кухарки, гдѣ бѣдная Зина, пролежавъ три дня, умерла, такъ и не придя въ себя, отъ жесточайшей простуды.

Эта смерть поразила не только дѣвочекъ, но и самое хозяйку и ея помощницу. Нѣкоторое время онѣ ходили какъ потерянныя. И сама мадамъ, и Роза Федоровна, то и дѣло, ѣздили куда-то и хлопотали. Пріѣзжали въ мастерскую какіе-то военные, разспрашивали дѣвочекъ и Софью о причинѣ смерти Зины. Очевидно, дошли слухи о дурномъ обращеніи съ

дѣтьми въ мастерской мадамъ Пике. Но дѣвочкамъ было строго-на-строго заказано говорить всѣмъ и каждому о томъ, что Зина давно перемогалась отъ простуды, но не позволяла везти себя въ больницу. О холодномъ же чуланѣ никто не смѣлъ заикнуться.

У мадамъ Пике были вліятельныя кліентки, которыя и поспѣшили, по усиленнымъ просьбамъ мадамъ, замять всю эту неблагопріятную для нея исторію.

Нѣкоторое время послѣ ужаснаго событія Роза Федоровна особенно снисходительно и мягко обращалась съ ученицами, не била, не наказывала ихъ, смотря сквозь пальцы на ихъ маленькія погрѣшности. Но прошелъ мѣсяцъ, другой и дѣвочки снова стали ходить съ заплаканными глазами и со слѣдами щипковъ на рукахъ и плечахъ.

Исторія съ бѣдной Зиной, казалось, забылась хозяйкой и ея помощницей. И только четыре дѣвочки, да добрая ворчунья Софья не могли забыть Зину. И страшный чуланъ являлся теперь мѣстомъ всякихъ ужасовъ для дѣвочекъ-ученицъ.

Среди нихъ жила наивная увѣренность въ томъ, что въ холодномъ чуланѣ по ночамъ мается душа покойной Зины и, что рано или поздно, она потребуетъ къ отвѣту своихъ мучительницъ.

Это и была любимая и животрепещущая тема для разговоровъ въ субботніе вечера.

Но въ нынѣшнюю субботу говорили совсѣмъ о другомъ.

Всѣмъ въ мастерской сталъ сразу извѣстенъ поступокъ Бецкой.

О театральныхъ билетахъ, подаренныхъ ею Ганѣ, въ одинъ мигъ узнали и мастерицы, и работницы, и дѣвочки. И когда сіяющія отъ радости Ганя и

Анютка вернулись отъ Розы Федоровны въ корридоръ, шопотомъ сообщая ожидавшимъ ихъ Степѣ и Танѣ о томъ, что ихъ отпустили на завтра въ театръ, обѣ дѣвочки съ захватывающимъ волненіемъ приняли это извѣстіе.

Театръ являлся цѣлымъ событіемъ въ сѣрой, будничной и лишенной мало-мальскихъ развлеченій жизни бѣдныхъ маленькихъ труженицъ.

И вотъ онѣ съ жаромъ принялись обсуждать предстоящее двумъ счастливицамъ завтрашнее развлеченіе. Даже болѣзненная, апатичная Степа вышла на этотъ разъ изъ своего обычнаго, флегматичнаго состоянія. Ея пухлыя желтыя щеки окрасились румянцемъ, а глаза потеряли ихъ тусклое выраженіе.

Таня, та съ нескрываемой завистью поглядывала на счастливыхъ обладательницъ билетовъ.

О театрѣ говорилось какъ о чемъ-то сверхъестественно-прекрасномъ. Анютка, бывшая когда-то въ балаганахъ, захлебываясь, разсказывала теперь о томъ, что видѣла тамъ:

„— И вотъ, дѣвоньки, пришелъ къ старому богачу дьяволъ въ его смертный часъ, — шопотомъ, съ расширенными зрачками, повѣствовала дѣвочка,— весь въ красномъ, словно въ огнѣ, а рожа у него, дѣвоньки, страшнѣющая, а на головѣ рога... И говоритъ богачу дьяволъ: „Ты, говоритъ, старикъ, жилъ всю свою жизнь скопидомомъ, никому не помогалъ, ни съ кѣмъ не дѣлился, приготовляйся, говоритъ, за это, пойдешь ты со мною въ адъ, на всяческія муки и терзанія“. Да какъ схватитъ старика за руку, да какъ потащитъ. А тотъ-то ну плакать, ну молить: отпусти, молъ, чортушка, дай грѣхи замолить! Куды тутъ! Тащитъ да тащитъ, и слушать ничего не хочетъ. И вдругъ, дѣвоньки, это является добрая волшебница. Волосы по колѣна распущены,

*

въ волосахъ звѣзда золотая, въ рукахъ посохъ такъ и сверкаетъ, а сама такая-то красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Какъ увидалъ ее дьяволъ, такъ весь и затрясся.

— Уходи, говоритъ, по добру по здорову, нѣтъ, говоритъ, тебѣ здѣсь мѣста,—ты. говоритъ, фея добра, значитъ, а здѣсь, говоритъ, одно зло всегда было, потому какъ, говоритъ, старикъ этотъ больно ко злу приверженъ и добраго ничегошеньки не сдѣлалъ во всю свою жизнь.

А волшебница-красавица какъ зачала спорить, какъ зачала:

— Помилуй, говоритъ, этотъ старикъ ребенка съ улицы взялъ и сталъ воспитывать, человѣкомъ, говоритъ, сдѣлалъ, а ты его въ адъ тащить хочешь.

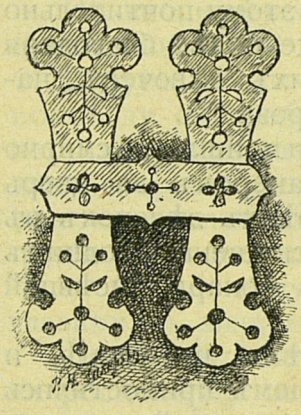
Да какъ взмахнетъ своей золотой палочкой. Тутъ искры огненныя посыпались и дьявола опалили. Завизжалъ онъ не своимъ голосомъ и сквозь землю провалился.

А на его мѣсто добрая волшебница встала, наклонилась надъ умирающимъ и палочкой его своей тронула. Онъ сразу выздоровѣлъ и на колѣни упалъ, сталъ благодарить волшебницу и обѣщать ей зачалъ все свое богатство отдать бѣднымъ. Тутъ это хлопнула она въ ладоши и отколь ни возьмись выскочили дѣти, бабочками одѣтыя, и стали подъ музыку кружиться и плясать...“

Словно во снѣ слышится этотъ Анюткинъ разсказъ Ганѣ... Сердце ея то стучитъ въ груди, то сладко замираетъ... Цѣлый рой мыслей... Все о Бецкой, которую она, Ганя, увидитъ завтра, непремѣнно такою-же доброй волшебницей со звѣздой въ волосахъ, съ золотымъ посохомъ.

И снова замираетъ отъ счастья сердце въ груди дѣвочки.

— Милая, милая! Волшебница добрая! Ангелъ Божій! — мысленно обращается къ Бецкой Ганя,— завтра увижу васъ, золотце ненаглядное, красавинька моя; лишь-бы только дожить до завтра! Лишь-бы дожить!



V.

ЕЧЕГО о томъ и говорить, что Ганя дожила до завтра и обѣ онѣ съ Анюткой торопливыми шагами ровно въ семь подходили къ зданію N—скаго театра.

Около театра, гдѣ не было еще зажжено электрическаго шара у подъѣзда, ихъ встрѣтили довольно негостепріимно.

— Куда вы въ рань такую? А? Лучше-бы ужъ съ утра пришли, — обратился къ нимъ сторожъ на подъѣздѣ, — у насъ въ половинѣ девятаго начало только. А вы, вонъ, въ какую рань, проказницы собрались. Раньше восьми у насъ и электричества не зажигаютъ! Ступайте прогуляйтесь съ часокъ да назадъ возвращайтесь къ 8-ми, не раньше...

Ишь ты, театралки какія, тоже! И онъ шутя выпроводилъ за дверь оторопѣвшихъ дѣвочекъ.

Перспектива провести цѣлый часъ на улицѣ въ порядочный морозъ, одѣтыми въ ветхія, холодныя пальтишки, далеко не улыбалась дѣвочкамъ. Онѣ краснорѣчиво переглянулись другъ съ другомъ и Анютка, какъ болѣе рѣшительная и смѣлая, вступила со сторожемъ въ переговоры:

— Дяденька, миленькій, пустите насъ хошь въ

переднюю погрѣться. Страсть холодно по улицамъ гулять, а до дому далеко. А мы тихонько да смирненько сидѣть будемъ, никто насъ и не увидитъ; покамѣсть время не придетъ и съ мѣста не сдвинемся. Пустите, дяденька, — молила она умильнымъ тоненькимъ голоскомъ.

Сторожъ смягчился благодаря этому почтительно молящему голосу Анютки, но еще болѣе благодаря покраснѣвшимъ носишкамъ обѣихъ дѣвочекъ, наглядным жертвамъ крѣпкаго мороза.

— Ну, ужъ, ладно, входите, коли пришли, да смирно у меня сидѣть, не то живымъ манеромъ за дверь выставлю!—и онъ подтолкнулъ обѣихъ дѣвочекъ въ просторный вестибюль театра, освѣщенный однимъ лишь огаркомъ, вставленнымъ въ фонарь, висѣвшій на стѣнѣ.

Здѣсь было много теплѣе, чѣмъ на улицѣ, и озябшія дѣвочки съ удовольствіемъ примостились на деревянной скамейкѣ въ углу огромной комнаты съ безчисленными отдѣленіями для вѣшалокъ.

Все ихъ занимало здѣсь. И самыя вѣшалки съ висящими на нихъ нумерками, и большія зеркала, и каминъ съ рѣзными украшеніями, только что кончившій топиться, и вспыхивающіе предсмертнымъ пламенемъ догорающіе въ немъ угольки.

Не смѣя разговаривать громко, онѣ шопотомъ дѣлились впечатлѣніями.

Между тѣмъ, время шло и въ вестибюлѣ театра стала понемногу проявляться жизнь.

Медленно собирались сюда сторожа и капельдинеры со всѣхъ сторонъ большого города. Зажгли электричество и сразу видоизмѣнилась огромная комната, въ ней стало уютно и свѣтло.

Понемногу начали приходить и артисты. Мимо притаившихся дѣвочекъ прошло нѣсколько шикарно

одѣтыхъ господъ и барынь въ дорогихъ шубахъ и шляпахъ. Пробѣжали и менѣе богато одѣтые люди въ старенькихъ пальто, пожимающіеся отъ холода.

Съ замираніемъ сердца смотрѣла Ганя, не отрываясь, на входную дверь. Ей все казалось, что вотъ-вотъ она увидитъ Бецкую.

Но входили все незнакомые, чужіе люди, а Ольга Леонидовна и не думала пріѣзжать.

Вдругъ послышался шумъ подкатившагося къ подъѣзду автомобиля и два капельдинера со всѣхъ ногъ кинулись за порогъ вестибюля, въ то время, какъ сторожъ, тотъ самый, что впустилъ дѣвочекъ, широко распахнулъ входную дверь и низко поклонился входящей дамѣ.

— Она! — екнуло сердце Гани, и она впилась глазами въ знакомую милую фигуру.

Да это была она, Ольга Леонидовна, одѣтая въ ея роскошную изъ котиковаго мѣха шубу, съ собольемъ воротникомъ, которую такъ часто можно было видѣть въ передней модной мастерской мадамъ Пике. Но вмѣсто красивой шляпы со страусовыми плерезами, на маленькой головкѣ артистки былъ надѣтъ не менѣе красивый бѣлый капоръ, обшитый темнымъ мѣхомъ.

— Это она... она... Ольга Леонидовна наша!—волнуясь зашептала и Анютка, хватая за руку Ганю.

— Пройдетъ мимо, насъ не замѣтитъ! — выстукивало въ это время встревоженно сердечко Гани.— Ахъ, если-бы она замѣтила насъ...

И, какъ-будто, сама судьба подслушала это горячее желаніе замирающей въ волненіи дѣвочки. Проходя мимо скамейки, Бецкая машинально скользнула по ней глазами и увидѣла дѣтей. Увидѣла и узнала тотчасъ.

— А, пришли, дѣвочки!— произнесла она своимъ

мелодичнымъ голосомъ, — очень рада, очень рада васъ видѣть. Веселитесь хорошенько! И, говоря это, она потрепала по щечкѣ вспыхнувшую отъ восторга Ганю, улыбнулась своей очаровательной улыбкой Анюткѣ и спѣшными, легкими шагами прошла въ свою уборную, въ сопровожденіи двухъ капельдинеровъ, несшихъ сундукъ съ ея гардеробомъ и молоденькой вертлявой горничной Катюши, хорошо знакомой дѣвочкамъ, со шляпною картонкой въ рукахъ.

VI.

Не чуя ногъ подъ собою отъ радостной встрѣчи съ ея куміромъ, десятью минутами позже Ганя поднималась слѣдомъ за Анюткой по широкой лѣстницѣ театра на балконъ, гдѣ у нихъ были мѣста.

Театръ уже былъ освѣщенъ. Публика собиралась понемногу. Дѣвочки прошмыгнули слѣдомъ за капельдинеромъ въ форменномъ фракѣ на переднюю скамейку и заняли указанныя имъ мѣста. Передъ ними висѣлъ тяжелый занавѣсъ, подъ ними внизу зіяла большая площадь партера, уставленная креслами и стульями, раздѣленными проходами между собой. Направо, налѣво, внизу и вверху разбѣгались ложи съ обитыми алымъ бархатомъ верхами барьеровъ, съ мягкими стульями, съ лѣпными украшеніями по стѣнамъ. Съ потолка театра опускалась роскошная люстра съ хрустальными подвѣсками.

Около самой сцены, по бокамъ ея, находились нарядныя ложи для членовъ Императорской фамиліи и для дирекціи театра. Потолокъ былъ украшенъ красивыми изображеніями музъ древняго классическаго міра, совершенно непонятными ни Анюткѣ, ни Ганѣ, но тѣмъ не менѣе возбуждавшихъ ихъ искренній восторгъ.

Дѣвочки были, казалось, совсѣмъ подавлены роскошной, никогда не виданной ими обстановкой театра, который представлялся имъ какимъ-то волшебнымъ дворцомъ.

— Да, театръ волшебный дворецъ, а Ольга Леонидовна, его хозяйка, добрая волшебница, фея!— мысленно рѣшила Ганя, которой выходъ Бецкой представлялся не иначе, какъ въ видѣ той доброй волшебницы съ распущенными до колѣнъ волосами, со звѣздой на головѣ и съ золотымъ посохомъ въ рукѣ, о которой разсказывала имъ всѣмъ наканунѣ Анютка.

Да, иною Бецкую Ганя и представить себѣ не могла!

Между тѣмъ, театръ совсѣмъ наполнился нарядною и веселой публикой. Въ ложахъ замелькали нарядныя декольтированныя свѣтлыя платья дамъ, изящные фраки и блестящіе мундиры военныхъ. Въ партерѣ запестрѣли тѣ-же изысканные наряды и костюмы. Смутный гулъ тысячи голосовъ, точно пчелиное жужжаніе вокругъ ульевъ, наполнялъ театръ.

Но, вотъ, неожиданно грянулъ оркестръ, и говоръ и шумъ прекратились сразу. Ганя какъ во снѣ видѣла музыкантовъ, тамъ внизу, около самой сцены и высокаго тонкаго человѣка, размахивающаго руками въ тактъ музыкѣ...

Слышала и не слышала полную блеска и красоты мелодію, выводимую скрипками, флейтами, віолон-

челью и арфой, и вся ея маленькая душа, смятая, раздавленная массою новыхъ впечатлѣній, ждала, волнуясь и замирая, одного: выхода Бецкой...

Наконецъ, замерли послѣдніе звуки оркестра. Соскочилъ со своего возвышенія дирижеръ. И занавѣсъ взвился . . . . . .

. . . . . .

Съ первой же минуты, съ самого начала представленія, Ганя, не ожидавшая ничего подобнаго, замерла отъ изумленія и даже какъ будто разочарованья.

Вмѣсто предполагаемой ею въ мечтахъ сказочно-волшебной обстановки, она увидѣла совершенно обыкновенную комнату, не богаче и не бѣднѣе квартиры ихъ мадамъ. Въ этой комнатѣ разговаривали между собой самые обыкновенные люди. Здѣсь не было ни доброй волшебницы, ни чертей, ни пляшущихъ живыхъ мотыльковъ, о которыхъ разсказывала Анютка. Какой-то господинъ доказывалъ какой-то дамѣ о необходимости взять себѣ въ домъ богатую сироту, которую онъ долженъ опекать до ея совершеннолѣтія. Появилась и богатая сирота, барышня лѣтъ семнадцати съ розовымъ личикомъ и добрыми невинными глазками, говорящая совсѣмъ дѣтскимъ, нѣжнымъ-нѣжнымъ и тоненькимъ голоскомъ.

Первое дѣйствіе кончилось, а Ольга Бецкая все еще не появлялась на сценѣ. Ганя испуганными, растерянными глазами поглядывала на Анюту, боясь разговаривать даже въ антрактахъ въ этомъ роскошномъ театрѣ, гдѣ такъ чудесно играетъ музыка и гдѣ такіе нарядные господа и дамы.

Отыгралъ оркестръ и снова взвился занавѣсъ.

Дѣйствіе пьесы развертывалось понемногу и захватывало публику. Это было замѣтно потому,

какъ внимательно слѣдила она изъ ложъ, партера и верхнихъ мѣстъ за игрой артистовъ.

Захватило оно и Анютку съ Ганей. Затаивъ дыханіе, боясь пропустить хоть единое слово, произнесенное на сценѣ, обѣ дѣвочки обратились въ зрѣніе и слухъ. Теперь печальная повѣсть бѣдной сироты, попавшей въ руки безсердечныхъ и жадныхъ людей, не казалась уже больше Ганѣ обыкновенной.

Горе молоденькой одинокой дѣвушки, деньги которой безсовѣстно тратились семьею ея опекуна, и дурное, грубое обращеніе съ нею, до слезъ трогали Ганю. Когда-же молоденькая дѣвушка, горячо любившая своего друга дѣтства, хочетъ выйти за него замужъ и опекунъ съ его женою, ввиду собственныхъ интересовъ, боясь выпустить свою жертву изъ рукъ, отказываютъ ей въ этомъ, Ганя готова была броситься туда, на сцену, и обличить передъ всѣми этого дурного, гадкаго человѣка, такъ ужасно вредящаго бѣдной одинокой сиротѣ...

И вотъ, въ самый разгаръ интриги, въ то время, когда дѣйствіе доходитъ до самаго захватывающаго интереса, на сценѣ появляется молодая тетка героини пьесы, сестра ея родного отца.

Ганя тихо, беззвучно вскрикиваетъ и конвульсивно сжимаетъ пальцы своей сосѣдки Анютки.

— Чего ты? — несовсѣмъ привѣтливымъ тономъ спрашиваетъ та.

— Гляди! Гляди! Ольга Леонидовна!—задыхаясь, лепечетъ Ганя, не отрывая глазъ отъ сцены.

На сценѣ, дѣйствительно, стоитъ Бецкая... Изъ тысячи другихъ узнаетъ ее Ганя! Ничего, что она не въ волшебномъ нарядѣ феи, а въ обыкновенномъ платьѣ, сшитомъ въ модной мастерской мадамъ Пике... И волосы ея не распущены вдоль спины, какъ у доб-

рой феи изъ Анюткинаго разсказа, и безо всякихъ украшеній уложены въ видѣ коронки на головѣ.

Ганя чувствуетъ и знаетъ отлично, что она, Бецкая, все-таки, добрая волшебница-фея, которая пришла въ этотъ міръ невидимо и тихо творить добро. И когда губы Бецкой раскрылись и горячая обличительная рѣчь понеслась красивыми, мощными перекатами по всему театру, а огромные черные глаза загорѣлись огнемъ негодованія и гнѣва, Ганино сердечко затрепетало, какъ подстрѣленная птица, въ груди...

Но, вотъ, стихъ гнѣвъ, замолкла обличительная рѣчь Бецкой. Теперь голосъ ея нѣженъ и мелодиченъ, а глаза теплятся лаской и любовью. У нея сцена съ племянницей. Она обѣщаетъ молодой дѣвушкѣ свою защиту и покровительство. Занавѣсъ тихо опускается съ послѣдними звуками этого чарующаго голоса, вливающагося прямо въ души восхищенныхъ зрителей.

Публика апплодируетъ неистово. Бецкую вызываютъ дружно, всѣмъ театромъ. Ея имя переходитъ изъ устъ въ уста. Ею шумно восторгаются, ее хвалятъ.

Ганя притаилась какъ мышка на своемъ мѣстѣ. Говорить она не въ силахъ, не можетъ. Ея душа полна. Если она найдетъ въ себѣ возможность произнести слово, подѣлиться впечатлѣніемъ со своей сосѣдкой, слезы польются въ два ручья изъ ея широко раскрытыхъ, восторженныхъ глазъ. Нѣтъ, нѣтъ, ей все равно не произнести ни звука! Надо молчать и думать о Бецкой, о милой, дорогой, желанненькой Ольгѣ Леонидовнѣ, къ которой тянется вся душа Гани, все ея маленькое существо!

Снова заигралъ оркестръ. Снова взвился занавѣсъ.

И опять передъ глазами Гани знакомая, хрупкая, высокая фигура и чудное, выразительное, полное затаенной грусти дорогое лицо.

Жизнь такъ странно складывается у этой молодой женщины, которую играетъ Бецкая. Ирина, какъ зовутъ ее по пьесѣ, всего четырьмя, пятью годами старше племянницы и любитъ она того же друга дѣтства своего и Любы, такъ зовутъ молоденькую сироту, котораго любитъ ея племянница.

Но она рѣшила отказаться въ пользу Любы отъ своего счастья. Она расхваливаетъ молодому человѣку душевныя достоинства Любы, восторгается ея умомъ и добротою, и берется устроить его бракъ съ нею, вопреки желанію злого опекуна.

Въ четвертомъ и послѣднемъ дѣйствіи Люба, измученная придирками, угрозами и чуть-ли не побоями опекуна и его жены, бѣжитъ къ теткѣ, которая даетъ ей пріютъ и защиту, а затѣмъ устраиваетъ и ея свадьбу съ человѣкомъ, котораго беззавѣтно любитъ съ давнихъ поръ.

Этимъ и заканчивается пьеса. Занавѣсъ опускается послѣ блестящаго монолога Бецкой о томъ, что она счастлива чужимъ счастьемъ и что благополучіе ея Любы ей дороже своего собственнаго.

Подъ оглушительный громъ апплодисментовъ и восторженные крики публики Бецкая выходитъ раскланиваться на сцену. Ганя и Анютка, забывшись, апплодируютъ до изступленія, увлеченныя однимъ общимъ порывомъ со всею публикой.

Словно во снѣ выходятъ дѣвочки съ балкона, протискиваются къ вѣшалкѣ, надѣваютъ свои ветхія пальтишки, обвязываютъ платками головы и проскальзываютъ на подъѣздъ.

Морозъ покрѣпчалъ къ ночи. Усилился рѣзкій вѣтеръ. Но онѣ не чувствуютъ ни мороза, ни вѣтра.

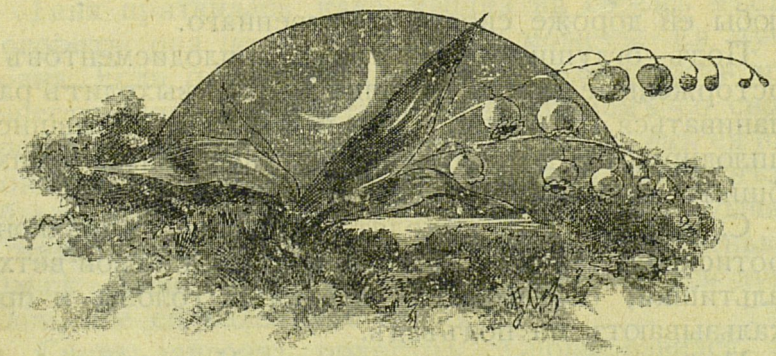
Въ душахъ обѣихъ точно садъ благоухаетъ, цѣлый садъ роскошныхъ, пестрыхъ цвѣтовъ. Въ немъ жаркое свѣтитъ солнце и поютъ птицы на разные мелодичные голоса.

Особенно звонко и мелодично голоса эти звучатъ въ душѣ Гани.

Анютка, какъ менѣе впечатлительная, приходитъ въ себя скорѣе подруги. Похлопывая зазябшими руками и приплясывая отъ стужи на панели, она изрекаетъ многозначительно и вѣско, первая прерывая молчаніе:

— Нда, это тебѣ не балаганъ, а почище будетъ. То-то! А наша-то, наша Ольга Леонидовна! Получше той волшебницы во сто кратъ! А, Ганька? Слышь, тебѣ говорю!

Но Ганя говорить не можетъ. Въ душѣ Гани все еще благоухаетъ чудный садъ и поетъ незримый, чудесный хоръ райскихъ птичекъ. И когда она къ двѣнадцати ночи попадаетъ, наконецъ, на свое убогое ложе въ корридорѣ, сладкія грезы сплетаютъ надъ ея головкой свой плѣнительно-яркій вѣнецъ.



VII.

СЪ слѣдующіе дни Ганя бродитъ какъ во снѣ, ничего не понимая. Вечеръ, проведенный въ театрѣ, не выходитъ у нея изъ головы. Она переживаетъ безчисленное число разъ каждую сцену, каждый моментъ пьесы, каждую фразу Бецкой.

И Ольга Леонидовна, несмотря на обычный видъ свой, на далеко не фантастически театральную внѣшность, въ которой предполагала ее сначала увидѣть Ганя, произвела именно этой своей реальностью образа и простотою огромное впечатлѣніе на чуткую, воспріимчивую душу Гани.

Сидя за большимъ рабочимъ столомъ въ мастерской, или быстрой походкой перебѣгая Невскій по направленію Гостинаго двора, куда ее посылали за прикладомъ, или же, разбирая его на прилавкѣ магазина, Ганя неотступно думаетъ о спектаклѣ вообще и о Бецкой въ частности.

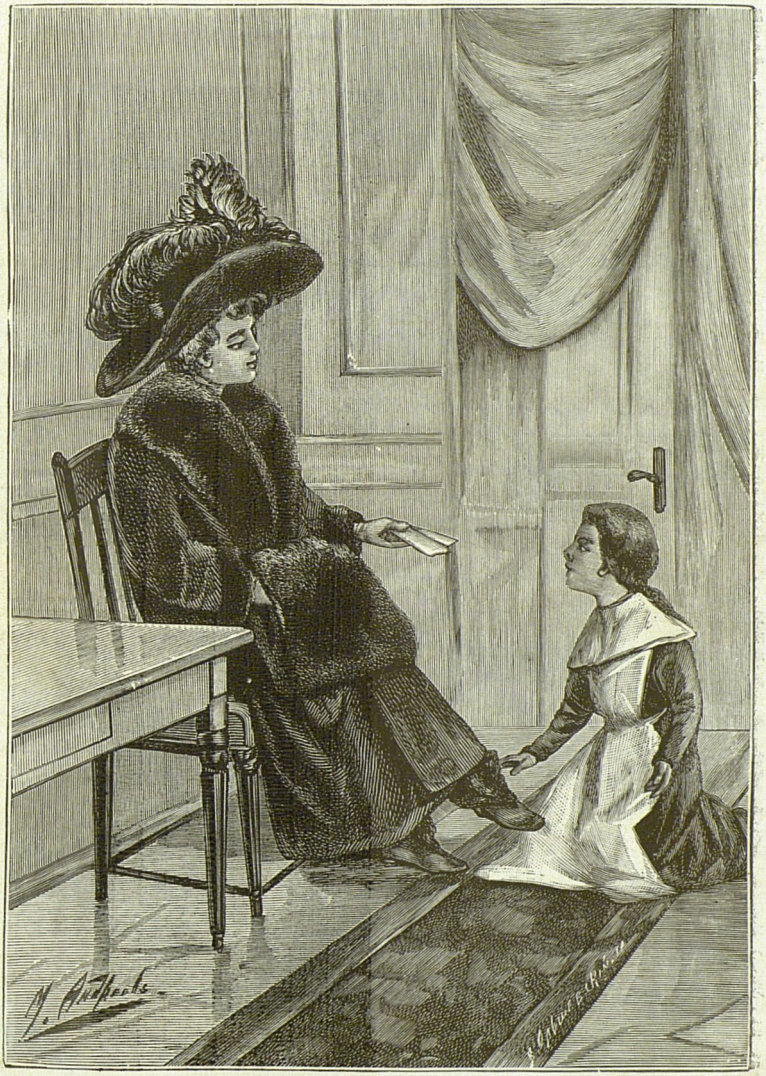
Одухотворенный образъ артистки съ ея нѣжнымъ, вдохновеннымъ лицомъ и въ самую душу проникающимъ голосомъ, стоитъ какъ живой передъ нею.

А въ мастерской идетъ предрождественская обычная спѣшка. Не разгибая спины шьютъ мастерицы и ихъ помощницы, сметываютъ, подрубаютъ, сшиваютъ, накалываютъ кружева, ленты, гарнитуръ.

Цѣлыя волны шелка, газа, шиффона и тюля разбросаны на длинномъ столѣ. Снуютъ между ними дѣвочки, помогая то одной, то другой швеѣ снимать наметку, распарывать неудачно стаченные машиной швы, нашивать пуговицы или крючки съ петлями. Роза Федоровна нынче, какъ нѣкій злой геній, носится между работающими, покрикивая на нерадивыхъ, шипя и придираясь каждую минуту то къ той, то къ другой изъ швей. Щедро, мимоходомъ снабжая щипками и колотушками зазѣвавшуюся или неповоротливую дѣвочку-ученицу, она проносится дальше, зоркими глазами впиваясь въ работающихъ мастерицъ. Даже миловидная любимица старшей закройщицы Танюша, угождавшая ей въ иное время своими доносами на ту или другую работницу, ходитъ все это время съ заплаканными глазами и вспухшими вѣками, то и дѣло потирая плечо, на которомъ подъ бѣлой коленкоровой пелеринкой красуются огромные синяки.

Плакала даже на этотъ разъ отъ «лютости» Розки и Танюша. А о другихъ дѣвочкахъ нечего уже и говорить. Попадало имъ нынче безъ разбора правымъ и виноватымъ, въ эти сумасшедшіе, по спѣшкѣ, дни.

Еще въ прошломъ мѣсяцѣ толстая, вся увѣшанная драгоцѣнностями, купчиха Мыткина, настоящая «милліонщица», какъ о ней съ подобострастнымъ восторгомъ и завистью говорили въ мастерской, пріѣхала заказывать приданое своей пучеглазой, розовой и глуповато-наивной дочкѣ, выходившей замужъ за какого-то очень богатаго финансиста. До рождественскаго поста оставалось немного времени, а свадьбу рѣшено было сыграть въ началѣ ноября. И мастерицы, и ихъ помощницы, и сама мадамъ Пике,—всѣ онѣ съ ногъ сбились, стараясь закончить заказъ къ назначенному сроку.



Мастерская мадамъ Пике.

Всѣ легкія платья барышни Мыткиной были уже готовы съ подвѣнечнымъ включительно. Оставалось дошить только три каждодневныя, и визитное. Это визитное было скроено изъ какой-то заграничной матеріи, которую крестный невѣсты привезъ откуда-то издалека, чуть-ли не изъ Индіи, и которое являлось чудомъ дороговизны и красоты. Сама по себѣ матерія представляла цѣлое сокровище своею цѣнностью и почти не требовала никакихъ отдѣлокъ. Но за то, мадамъ Пике и Роза Федоровна больше чѣмъ со всѣмъ остальнымъ гардеробомъ невѣсты, вмѣстѣ взятымъ, носились съ этимъ сокровищемъ—платьемъ.

— Вы мнѣ его такъ сдѣлайте, штобы, какъ вылитое сидѣло!—картавила «сама», наклоняясь надъ роскошнымъ матеріаломъ и приводя этой фразой своею въ трепетъ весь составъ работницъ и мастерицъ. У старшей мастерицы Нюши, молодой особы съ вычурной прической въ видѣ вороньяго гнѣзда, уже рябило въ глазахъ и мутилось въ головѣ и отъ долгаго сидѣнія надъ работой, и отъ безсонныхъ ночей, и отъ трепета за «индійское» платье, какъ его называли въ мастерской.

Расходились теперь позднѣе и дѣвочки-ученицы уставали больше прежняго. Отъ систематическаго недосыпанія и недоѣданія болѣе слабыя чуть двигались и ходили, какъ сонныя, едва понимая, что имъ говорятъ.

Устала, переутомилась и Ганя. Болѣе хрупкая, нежели ея подруги, она поддалась бы еще сильнѣе усталости, нежели онѣ, но восторженно-приподнятое настроеніе, вынесенное ею изъ спектакля, поддерживало дѣвочку. Она жила образами пережитаго впечатлѣнія и тяжелый трудъ не казался ей прежнимъ тяжелымъ непосильнымъ трудомъ.

VIII.

СЕГОДНЯ пріѣдетъ моя голубонька! Ольга Леонидовна пріѣдетъ къ примѣркѣ нынче!—съ радостнымъ сознаніемъ предстоящаго счастья мысленно говорила сама себѣ Ганя, снимая бѣлую ровную наметку на какомъ-то нѣжномъ газовомъ платьѣ, черезъ недѣлю послѣ вечера проведеннаго въ театрѣ.

Все складывалось особенно благопріятно въ сегодняшній день. Она, Ганя, нынче дежурная въ передней; на ея обязанности, какъ дежурной, впускать и выпускать кліентокъ—заказчицъ мадамъ Пике. Стало-быть, она впуститъ и „душеньку Ольгу Леонидовну“, какъ она мысленно называла Бецкую, сниметъ съ нея шубу и теплые сѣрые ботики и, снимая, услышитъ, можетъ быть, отъ своего куміра нѣсколько ласково обращенныхъ къ ней словъ.

Сердце Гани прыгаетъ отъ одного этого предположенія. Она не видитъ и не слышитъ окружающихъ. Ей нѣтъ дѣла до того, что «страшная Розка» ушла куда-то и что въ мастерской поднялся обычный, въ такія кратковременныя отлучки старшей закройщицы, веселый говоръ, споры, шутки и смѣхъ. Распрямились усталыя спины, замученныя въ работѣ руки на минуту расправились, отбросивъ въ сторону шитье, оживились молодые затуманенные усталостью глаза и тихій, сдержанный, осторожный говорокъ наполнилъ мастерскую.

Больше всѣхъ тараторила рябая Саша «помощница» мастерицъ. Она отвозила наканунѣ половину

заказа Мыткиной и восторженнымъ голосомъ передавала теперь о видѣнныхъ ею чудесахъ въ квартирѣ милліонерши.

— Какъ вошла я это, дѣвицы, такъ и ротъ разинула! Не квартира, а дворецъ царскій! Истинно, какъ передъ Богомъ, говорю — дворецъ! На полу-то ковры повсюду во всю комнату, а на стѣнахъ не то золото, не то бронза... А картинъ-то, картинъ, видимо-невидимо. А мебель, дѣвицы, лазоревая, вотъ вамъ провалиться сейчасъ— лазоревая, какъ небо... И такъ и блеститъ, отливаетъ серебромъ. А посреди зала люстра, какъ въ соборѣ... И собаченочки такія махонькія-махонькія бѣгаютъ, а при нихъ собачья гувернантка.

— Ну и завралась! Гдѣ это видно, чтобъ гувернантка у собакъ! — презрительно усмѣхнулась Нюша—мастерица.

— Поди француженка?—сощурилась на разказчицу бойкая нѣмочка Августа.

Саша вспыхнула до ушей и ожесточенно заспорила:

— Вотъ-то глупыя! Не вѣрятъ тоже! Да у милліонщиковъ не только у собакъ гувернантки, да... и, не зная, что ей подобрать для отвѣта, она неожиданно обрушилась на попавшуюся ей подъ локоть Танюшу:

— Таня, нитку вдѣнь! Чего безъ дѣла тычешься... Нѣтъ того, чтобы старшимъ потрафить!—и легонько смазала рукой по головѣ дѣвочки.

Та захныкала.

— Чтой-то за мода такая, Лександра Иванна, чтобы за каждую малость драться! И безвинно даже... Я ужо Розѣ Федоровнѣ скажу.

— Не хорошо жаловаться, Таня, любить не станутъ!—съ укоромъ глянувъ на дѣвочку, повысила слабый голосъ вторая мастерица—не молодая, сохнувшая въ чахоткѣ Марья Петровна, вдова съ тремя

*

малолѣтними дѣтьми, которыхъ она оставляла на попеченіи глухой старухи матери, уходя на работу.

— Ужъ дождешься ты когда-нибудь, Танька, что я тебѣ за твое фискальство, дѣйствительно, уши нарву!—строго произнесла Нюша, награждая Розкину любимицу уничтожающимъ взглядомъ.

Таня снова было, захныкала, съ обиженнымъ видомъ, но Саша громко цыкнула на нее и снова завела разговоръ о неисчерпаемыхъ богатствахъ купчихи Мыткиной.

— А свадьба-то, свадьба у нихъ будетъ, дѣвицы, говорятъ, царская,—затянула снова она. Еще-бы, и сами милліонщики, и у жениха свои заводы въ Москвѣ. Говорила мнѣ камеръюнфера невѣстина, на двѣсти человѣкъ обѣдъ готовятъ. Свои два повара, да еще пригласятъ изъ аресторана.

— Ресторана! — поправила разказчицу бѣлокуренькая Августа.

— Ну, изъ ресторана, вы ужъ Авочка всегда такъ. Безъ замѣчаніевъ не можете. Я въ пансіонѣ не обучалась, какъ нѣкоторыя, а за мѣру картошки въ деревнѣ учена!—язвила Саша хорошенькую нѣмочку, которая, дѣйствительно, была отдана въ прогимназію и исключена оттуда въ очень непродолжительномъ времени за нерадѣніе и явную лѣнь. Но Авочка любила «отличаться» своими знаніями передъ подругами и ни къ селу ни къ городу выставлять свою ученость.

Впрочемъ, на этотъ разъ они недолго пререкались съ Сашей. Желаніе узнать поближе о житьѣ-бытьѣ важной купчихи милліонщицы такъ захватило работницъ мастерской, что спорить не было времени.

Одна только Ганя казалась ничуть незаинтересованной общей бесѣдой. Худенькія руки дѣвочки быстро и ловко спарывали наметку, а въ головѣ

радостно трепетала, какъ сказочная птица радужными крыльями, празднично-счастливая мысль:

„Скоро два пробьетъ... Примѣрка назначена къ тремъ, она завсегда пріѣзжаетъ въ два, голубонька, душечка, ясочка моя, ласковая, добрая!“

IX.

ПЕЧАТЛИТЕЛЬНАЯ, наголодавшаяся, безъ любви и участія душа бѣдной, одинокой дѣвочки отъ малѣйшей, выраженной ей ласки, запылала самоотверженной любовью къ Бецкой. За одно ласковое слово, захолодѣвшая безъ ласки, но смутно жаждавшая ее постоянно, Ганя готова была отдать всю свою душу артисткѣ. И объ этомъ хотѣлось выразить нынче дѣвочкѣ, если не словами, то одними своими краснорѣчиво-любящими глазами, однимъ взглядомъ, полнымъ обожанія къ ней, къ Бецкой.

— Два часа! Два часа! Когда-то еще два часа будетъ! — нетерпѣливо копошились въ русой головенкѣ безпокойныя мысли, въ то время какъ рука проворно выполняетъ привычную ей работу.

— Розка идетъ!—пронесся испуганный шопотъ по мастерской и въ одинъ мигъ распрямившіяся, было, надъ столомъ фигуры швеекъ снова согнулись за шитьемъ.

Вошла Роза Федоровна съ покраснѣвшимъ отъ мороза лицомъ и пунцовымъ кончикомъ носа.

— Матреша!—обратилась она къ одной изъ помощницъ мастерицъ, низенькой, съ маленькими сѣрыми глазками дѣвушкѣ,—вы возьмете сейчасъ кружевную блузку Бецкой и отвезете ее ей на домъ... Сейчасъ у подъѣзда встрѣтила ея горничную. Больна Ольга Леонидовна, сегодня не можетъ быть на примѣркѣ.

Что-то словно со всего размаха ударило въ грудь Ганю... Сначала въ грудь, потомъ въ голову. Больно заныла грудь и сильно закружилась голова отъ этого удара.

— Больна Ольга Леонидовна, сегодня не можетъ быть на примѣркѣ!—на десятокъ ладовъ зазвенѣла въ ушахъ дѣвочки ужасная, полная для нея страшнаго значенія и трагизма фраза.

„Голубонька Ольга Леонидовна больна! Она ее не увидитъ сегодня! Можетъ быть, долго не увидитъ ее! О, Господи! Господи! За что ты наказываешь Ганю?“

И за минуту до этого розовый, весь сплетенный изъ кружевныхъ грезъ туманъ замѣнился непроницаемой, полной мрака и безысходной тоски, пеленою страданій въ душѣ бѣдной дѣвочки.

Нѣсколько разъ пришлось потрясти за руку Ганю ея сосѣдкѣ Анюткѣ, прежде чѣмъ та пришла въ себя.

— Ганя, а Ганя,—шептала разбитная дѣвочка,—уступи мнѣ твое дежурство въ передней, — нынче графиня Нольденъ пріѣдетъ. Всякій разъ, сама знаешь, какъ калоши ей надѣвать, полтинникъ отваливаетъ. Полтинникомъ подѣлюсь... Тебѣ же все равно, Ганя, ежели не пріѣдетъ Ольга Леонидовна, больна ежели!

Конечно, Ганѣ было теперь безразлично—дежурить-ли въ передней или прислуживать въ примѣрочной во время примѣрки. Тамъ, пожалуй, будетъ легче справиться со своимъ горемъ. Придется пода-

вать булавки, застегивать платья на заказчицахъ. Въ суетѣ, въ сутолкѣ, подъ страхомъ навлечь на себя недовольство Розы Федоровны и „самой“ какъ-то легче будетъ прожить до вечера... А вечеромъ, когда уйдутъ мастерицы и ихъ помощницы и кончится рабочій, трудовой день, она, Ганя, сможетъ вполнѣ отдаться своему горю, поплакать и потосковать всласть въ корридорѣ на своемъ жесткомъ сундукѣ.

И, такъ какъ ожидавшая ея отвѣта Анютка умильно и настойчиво смотрѣла ей въ глаза, Ганя грустнымъ, подавленнымъ голосомъ отвѣтила подругѣ:

— Ладно... Дежурь ты... а денегъ мнѣ не надо... Оставь у себя полтинникъ. Чего ужъ тутъ!

Дѣйствительно, чего ужъ тутъ, когда больна Ольга Леонидовна!

. . . . . .

Пробило два часа на большихъ часахъ въ мастерской. Зажгли электричество въ примѣрочной. Затрещали звонки въ прихожей. Зашелестѣли шелковыя юбки заказчицъ, и мастерская мадамъ Пике снова оживилась оживленными, веселыми голосами ея кліентокъ. Пріѣхала высокая, сухая, долгоносая графиня Нольденъ, мужъ которой занималъ важный постъ въ голландскомъ посольствѣ; пріѣхала маленькая, кудрявая жена русскаго сановника. Появилась почтенная сенаторша съ тремя дочерьми дѣвицами и наконецъ милліонерша Мыткина съ дочерью-невѣстой.

На Люсиньку Мыткину примѣряли нынче ея послѣднее платье, то самое визитное изъ индійской ткани, надъ которымъ такъ старались и сама мадамъ Пике съ Розой Федоровной, и четыре мастерицы, и ихъ шесть помощницъ.

Но, или толстенькая, какъ булка румяная Лю-

синька пополнѣла въ послѣдніе дни, или платье не было пригнано по таліи, но прелестный шелковый лифъ ей не сходился на добрые три пальца.

Мадамъ Пике сердито взглянула на Розу Федоровну, Роза Федоровна на Нюшу и Марью Петровну, добросовѣстно ползавшихъ на колѣняхъ вокругъ молодой Мыткиной.

Потомъ перевела взглядъ на стоящую тутъ же съ блюдечкомъ булавокъ Ганю.

— Дѣвочка,—голосомъ не терпящимъ возраженій, произнесла она по адресу ученицы, — ты возьмешь сейчасъ же этотъ лифъ, когда кончится примѣрка, и осторожно, слышишь? Какъ можно осторожнѣе, распорешь старый шовъ. Вы не безпокойтесь, m-lle, завтра платье будетъ вполнѣ готово и мы вамъ пришлемъ его,—успокаивающимъ голосомъ продолжала она, обращаясь къ пухлой Люсинькѣ Мыткиной.

Слѣдомъ за „индійскимъ“ платьемъ мадамъ Пике пришлось примѣрять цѣлую массу нарядовъ другимъ кліенткамъ.

Но вотъ на большихъ стѣнныхъ часахъ пробило шесть. И двери мастерской захлопнулись за послѣдней заказчицей и дѣвочки поспѣшили на кухню за горячими блюдами для ужина мастерицъ и швей. Въ полутемной теперь, впрочемъ, освѣщенной электричествомъ, холодной и сыроватой столовой, всѣ работницы одновременно ужинали за длиннымъ столомъ. Роза Федоровна кушала у „самой“ въ ея небольшой и уютной столовой. Подавала имъ Ганя сегодня.

Въ ту минуту, когда дѣвочка ставила передъ старшей закройщицей тарелку съ аппетитнымъ кускомъ ростбифа, послѣдняя внимательнымъ взглядомъ посмотрѣла на Ганю и произнесла предостерегающе:

— Ты, смотри, дѣвочка, распарывай швъ осторожно на платьѣ Мыткиной. Помни, случится что, не приведи Господь, со свѣта сживу. Одного этого платья вы всѣ вмѣстѣ взятыя не стоите. Такъ старайся, помни!

— Буду помнить, Роза Федоровна! — дрогнувшимъ голоскомъ отвѣчала Ганя, боявшаяся больше остальныхъ ученицъ старшую закройщицу.

Убравъ посуду и наскоро похватавъ простывшаго картофеля съ селедкой на кухнѣ у Софьи, Ганя прошла въ мастерскую. Тамъ уже вновь собравшіяся послѣ ужина швеи оживленно бесѣдовали между собою, пользуясь отсутствіемъ Розы Федоровны изъ мастерской.

Блѣдная, худенькая Марья Петровна поманила къ себѣ Ганю.

— Вотъ, Ганюшка, лифъ Мыткиной, садись и распарывай, да, гляди, осторожнѣе, дѣвонька, не нажить бы бѣды какой!

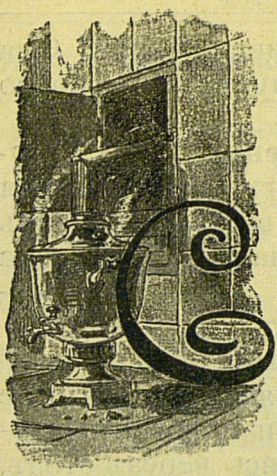
И слабая улыбка ободренія и ласки тронула тонкія губы мастерицы, когда она передавала Ганѣ роскошный „индійскій“ лифъ.

Ганя больше всѣхъ въ мастерской любила эту всегда печальную, озабоченную и худенькую Марью Петровиу. Въ то время какъ другія мастерицы и ихъ помощницы покрикивали на безотвѣтныхъ дѣвочекъ-ученицъ, а иной разъ подъ сердитую руку награждали ихъ, по примѣру Розы Федоровны, щипками да тукманками, болѣзненная и всегда озабоченно грустная Марья Петровна никогда не обидѣла ни одной изъ нихъ. Ласково и добро относилась она къ дѣвочкамъ. Горькая судьба этой больной, преждевременно увядшей женщины, отягощенной сиротами-дѣтьми, единственной работницы и

кормилицы въ семьѣ, дѣлала ее чуткой къ чужому горю.

Марья Петровна и сама когда-то была дѣвочкой-ученицей и отлично понимала всю тяжесть жизни этихъ маленькихъ труженицъ. Что-то материнское проскальзывало въ ея отношеніи къ младшимъ работницамъ модной мастерской мадамъ Пике.

И дѣти платили ей тѣмъ же. Не говоря уже о тихой и чуткой Ганѣ, которая особенно крѣпко привязалась къ мастерицѣ, даже апатичная, ко всему міру равнодушная Стёпа, даже не въ мѣру шустрыя, бойкія проказницы Танюша и Анютка и тѣ невольно оказывали предпочтеніе Марьѣ Петровнѣ передъ прочими швеями и мастерицами. Ей старались онѣ при раскладкѣ кушаній положить лучшій кусокъ на тарелку, ей озабоченно совѣтовали одѣться потеплѣе, когда она подъ вечеръ уходила изъ мастерской и неумѣло обвязывали ея голову большимъ вязанымъ, много разъ чиненымъ, платкомъ. Для нея же съ особеннымъ рвеніемъ сметывали, распарывали или разглаживали работу; словомъ, оказывали ей множество тѣхъ мелкихъ услугъ, которыя едва замѣтны для непосвященнаго въ дѣло глаза посторонняго и, въ тоже время, глубоко цѣнятся тѣмъ, для кого онѣ предназначаются. И нынче, получивъ изъ рукъ второй мастерицы лифъ для распорки шва, Ганя съ особеннымъ рвеніемъ принялась за работу.



X.

СКУЧНО что-то нынче, дѣвицы. А оттого, что красное солнышко наша—Ольга Леонидовна на примѣркѣ не была!—произнесла, позѣвывая во весь ротъ, помощница Саша.

При этихъ словахъ вся кровь бросилась въ голову Гани и блѣдное личико ея, склоненное надъ работой, залило горячимъ румянцемъ.

— Дѣйствительно, только на ней и глазъ отведешь,—вставила свое слово Августа—какъ стоитъ она передъ трюмо, словно королева какая, такъ даже пріятно глядѣть, дѣвицы, не то что Мыткина толстуха или эта посланница—жердь барочная! Смотрѣть противно!

— Посмотрите и на жердь, Авочка...—съехидничала Саша,—больна наша Бецкая. Еще неизвѣстно, повидаемъ-ли мы ее когда!

— То есть какъ это не повидаемъ?—испуганно вырвалось у Нюши, старшей мастерицы.

— Не померла-бы, дѣвицы, любимица наша?

— А-а-а!—пронеслось не то стономъ, не то крикомъ по комнатѣ и, конвульсивно зажавъ въ пальцахъ ножницы, Ганя поднялась со своего мѣста, блѣдная какъ смерть.

— Ганюшка! Что ты? Рехнулась совсѣмъ дѣвчурка! — заговорили и засуетились вокругъ нея швеи.—Ганя, Ганька, да что это на ней лица нѣтъ, дѣвицы! Водой ее спрыснуть, что-ли, волновались онѣ.

Но Ганю не пришлось спрыскивать водою. Она опомнилась въ ту-же минуту и опустилась, словно обезсиленная, на свое мѣсто.

— За свой предметъ, за душеньку свою испугалась дѣвченка!—усмѣхнулась Августа, поправляя свою пышную, модную прическу и, внезапно бросивъ внимательный взглядъ на Ганю и на ея работу, сама поблѣднѣла и, замѣтно мѣняясь въ лицѣ, прошептала чуть слышнымъ шопотомъ:

— Да, что-жъ это такое, дѣвицы? Господи Боже! Лифъ то индійскій! Глядите, глядите, несчастье какое. И не будучи въ состояніи прибавить что-либо отъ волненія, она, перегнувшись черезъ столъ, вырвала изъ рукъ Гани шелковый изъ заграничной ткани лифъ Мыткиной и растянула его между руками.

Отъ распоротаго на половину бокового шва на лифѣ шелъ огромный прорѣзъ сдѣланный ножницами на самомъ видномъ мѣстѣ.

Дружное, исполненное безсловеснаго ужаса „ахъ“ вырвалось изъ грудей присутствующихъ въ мастерской работницъ.

Отъ испуга-ли при извѣстіи объ опасности, грозившей жизни Бецкой, отъ волненія-ли, сопряженнаго съ этой вѣстью, дрогнула, вооруженная ножницами, рука Гани, но фактъ порчи лифа говорилъ самъ за себя. Ужасное несчастье было на лицо: огромный прорѣзъ „по живому мѣсту“ (означающему крѣпкую матерію на языкѣ швей) шелъ на самой груди лифа.

Случай являлся на столько чудовищнымъ, что пораженныя и уничтоженныя имъ вконецъ работницы, въ первую минуту, не нашли въ себѣ возможности произнести ни одного слова.

Жуткое молчаніе воцарилось въ мастерской. Оно длилось съ минуту, по крайней мѣрѣ, потомъ

заговорила первая Нюша быстрымъ и тихимъ шопотомъ, чтобы не быть услышанной въ сосѣдней комнатѣ страшной Розкой:

— Ганюшка! Бѣдная! И какъ же это угораздило тебя! Безталанная ты дѣвонька! Ну, что „онѣ“ теперь сдѣлаютъ съ тобою! Лучше-бы тебѣ и на свѣтъ Божій не родиться! Ахъ, ты Господи, экъ ты бѣду на себя накликала, дѣвочка!

— Да ужъ попадетъ ей здорово бѣдняжкѣ! и бѣлокурая Августа покачала сочувственно своей хорошенькой головкой.

— Что и говорить! — вмѣшалась Саша, — коли Зину помните, изъ-за трюмо собственнаго на тотъ свѣтъ отправила, такъ изъ-за индійскаго лифа милліонщицына забьетъ она до смерти, навѣрняка, нашу Ганьку.

— Ужъ это безпримѣнно, какъ пить дать, забьетъ!—сокрушенно вторила подругамъ черненькая какъ мушка Катя Семенова.

— Господи! Господи! И что-то будетъ теперь!— вздыхала рыженькая Матреша.

Всѣ глаза обратились на Ганю. Та стояла, какъ къ смерти приговоренная, безъ кровинки въ лицѣ, съ испуганными, установившимися въ одну точку глазами и, казалось, мало сознавала, что говорилось и дѣлалось вокругъ нея.

Неожиданно чья-то желтоватая, худенькая рука съ указательнымъ пальцемъ, истыканнымъ иглою, легла ей на плечо, а надтреснутый слабый голосъ проговорилъ подъ самымъ ухомъ дѣвочки:

— Да, полно вамъ запугивать-то раньше времени бѣднягу, видите сами, и такъ сама не въ себѣ съ перепугу дѣвчурка. Полно вамъ. Лучше давайте-ка лифъ мнѣ этотъ злосчастный. Попробую зачинить прорѣзъ. Авочка, шелкъ мнѣ передайте лиловый

скорѣе! А ты, Ганя, не бойся! Богъ не безъ милости и поможетъ намъ.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай!—процѣдила сквозь зубы хорошенькая Августа, но, не осмѣлясь противорѣчить всѣми уважаемой мастерицѣ, протянула ей требуемую катушку съ шелкомъ.

— А ты, Таня, — строго произнесла послѣдняя, окинувъ строгимъ взглядомъ юлившую подлѣ нея Танюшу,—берегись передавать про несчастье наше Розѣ Федоровнѣ. Смотри! Не бери грѣха на душу! Подведешь подъ наказаніе Ганюшку — вѣкъ тебѣ этого не прощу!

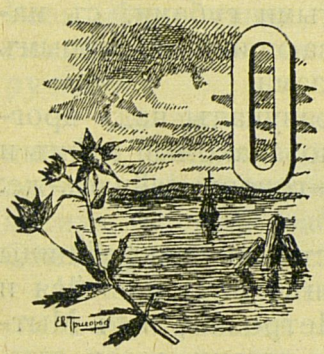
— А я такъ и за ушенки оттреплю, такъ что искры посыпятся, сфискаль мнѣ только!—пригрозила и Нюша, и строго свела свои темныя брови, сверкнувъ сердитымъ взглядомъ въ сторону Тани.

— Да что вы, Анна Михайловна и вы, Марья Петровна, за что обижаете зря, — захныкала Танюша, — да нешто я доносчица далась вамъ какая!

— Цыцъ ты! — прикрикнула на нее Матреша,— еще Роза Федоровна услышитъ, не хнычь! Чините скорѣе прорѣзъ, Марья Петровна... Лишь бы страшилище наше не увидала. А тамъ можно и повиниться самой заказчицѣ... Попросить ее не выдавать... Все чистосердечно разсказать Мыткиной, невѣстѣ самой. Небось, смилостивится. Съ ея-то деньгами, небось, сто такихъ платьевъ можно справить. Вѣдь милліонщица! Чего ужъ тутъ! Чините вы только поискуснѣе, Марья Петровна, чтобы Роза Федоровна не увидала до времени, — спѣша и волнуясь говорила дѣвушка, и вдругъ замерла отъ неожиданности и испуга съ раскрытымъ ртомъ.

Замерли и всѣ остальныя швеи, всѣ до единой. На порогѣ мастерской стояла сама Роза Федоровна

и обводила сидящихъ за столомъ работницъ подозрительнымъ, зоркимъ и тревожно-нащупывающимъ взглядомъ.



XI.

ЧЕМЪ это, чтобы не узнала Роза Федоровна? — совершенно, повидимому, спокойнымъ голосомъ произнесла старшая закройщица, въ то время какъ маленькіе глазки ея останавливались то на томъ, то на другомъ лицѣ.—Что надо скрыть отъ Розы Федоровны, дѣвицы?—задала она вопросъ и мгновенно замерла на мѣстѣ, какъ каменное изваяніе.

Ея глаза увидѣли то, что такъ старательно прятали отъ нея работницы-дѣвушки; увидѣли кусокъ пестраго индійскаго лифа тамъ, гдѣ ему вовсе не полагалось быть.

Индійскій лифъ въ рукахъ Марьи Петровны... О, это что-нибудь да значитъ!

Смутная догадка мелькнула тотчасъ-же въ головѣ старшей закройщицы. Она прищурила и безъ того маленькіе глазки, еще разъ обѣжала взглядомъ растерянныя лица швей и сразу поняла все.

— Ты прорѣзала, кажется, лифъ, Глафира?—не повышая голоса, но съ мгновенно измѣнившимся лицомъ бросила она Ганѣ.

Если до этой минуты Ганя мало думала о происшедшемъ по ея винѣ несчастьѣ съ „индійскимъ“ лифомъ и всѣ мысли ея находились подлѣ больной

Ольги Леонидовны, то сейчасъ первые же звуки, произнесенные страшной Розкой, вернули ее къ ужасной дѣйствительности.

Передъ нею, въ двухъ шагахъ отъ нея, находилось блѣдное, повидимому, спокойное лицо старшей закройщицы съ плотно сомкнутыми губами, съ маленькими, нестерпимо пронизывающими ее острымъ пронзительнымъ взглядомъ, глазами.

— Глафира! — еще разъ прозвучалъ надъ дрогнувшей Ганей слишкомъ хорошо знакомый всѣмъ и каждой въ мастерской голосъ,—говори сейчасъ-же: ты прорѣзала лифъ?

И быстрые, цѣпкіе пальцы старшей закройщицы почти вырвали изъ рукъ не менѣе потерявшейся и блѣдной, нежели Ганя, Марьи Петровны, лифъ Мыткиной, а ея бѣгающіе, маленькіе глазки сразу отыскали злополучный прорѣзъ.

— Ага!—пропустила она не то испуганно, не то съ угрозой сквозь зубы и, неожиданно схвативъ за руку не чувствовавшую ногъ подъ собою отъ страха Ганю, протянула раздѣльно, отчеканивая каждое слово:

— А знаешь-ли ты, что такой матеріи не найдешь здѣсь ни за какія деньги?

И такъ какъ испуганная дѣвочка молчала и, тяжело дыша, стояла потупивъ глаза въ землю, старшая закройщица больно дернула ее за руку и задыхающимся голосомъ крикнула ей въ лицо:

— Знаешь-ли ты, миленькая, что нѣтъ такой матеріи во всемъ Петербургѣ и купить невозможно, а стало-быть и лифъ и все платье Мыткиной пропало изъ-за тебя! Отвѣчай, знаешь?

Снова жуткая, мучительная тишина воцарилась въ рабочей комнатѣ. Даже на лицахъ хорошенькой вѣтряной Августы и равнодушно-флегматичной фи-

зіономіи Степы теперь отразилось сильное волненіе. Что-же касается до другихъ работницъ, то онѣ съ явнымъ сочувствіемъ и страхомъ смотрѣли на стоявшую съ опущенной головой Ганю.

Красныя пятна выступили на блѣдныхъ щекахъ Розы Федоровны. Ея худая, цѣпкая рука сильнѣе сжала тонкую кисть безсильной дѣтской Ганиной рученки.

— Да знаешь-ли ты, негодная дѣвченка, — прошипѣла, наклоняясь къ самому лицу ея, Роза Федоровна,—что такого убытка никогда еще не приносила ни одна работница въ нашей мастерской? Отвѣчай: понимаешь ты это?

И такъ какъ Ганя все молчала, боясь поднять глаза въ яростное лицо разгнѣванной женщины, и только трепетала отъ страха всѣмъ своимъ хрупкимъ, маленькимъ тѣломъ, Роза Федоровна пришла въ неописуемое бѣшенство.

— Вонъ пошла отсюда, гадина,—зашипѣла она, еще больнѣе стискивая безпомощную рученку дѣвочки,—я тебя выучу, какъ дорогія вещи портить и отъ хозяйки заказчицъ хорошихъ отваживать изъ-за твоей глупости!

И она сильно толкнула дѣвочку по направленію дверей.

— Роза Федоровна,—прозвучалъ слабый, ломкій голосъ чахоточной мастерицы и Марья Петровна неожиданно поднялась со своего мѣста съ взволнованнымъ, блѣднымъ лицомъ.—Роза Федоровна... Не наказывайте Ганю... Она не виновата, она нечаянно... Всѣ мы видали, что нечаянно она разрѣзала платье... Да скажите-же вы, наконецъ, что нечаянно, вѣдь вы видали? — неожиданно до крика повысила голосъ мастерица, призывнымъ взглядомъ окидывая сидѣвшихъ за столомъ работницъ, какъ-бы прося у

нихъ поддержки и помощи.—Да, скажите вы ей, что я правду говорю, что не виновата Глафира!—закончила она визгливымъ, сорвавшимся на высокой нотѣ голосомъ, и сильно закашлялась отъ волненія, схватившись рукою за впалую грудь.

— Не виновата... Не виновата Ганя!—загудѣли какъ шмели мастерицы и ихъ помощницы,—нечаянно она, Роза Федоровна... Нельзя спрашивать съ нее! Извѣстное дѣло—ребенокъ.

На минуту лицо старшей закройщицы вспыхнуло гнѣвомъ. Маленькіе глазки запрыгали отъ злости... Ротъ скосился злой, негодующей усмѣшкой... Но она живо поборола въ себѣ этотъ приливъ ярости, зная по опыту, что ей далеко не выгодно враждовать съ работницами въ такое горячее время, когда нужна каждая пара рукъ въ мастерской и весьма возможно, что, если раздражить дѣвушекъ, тѣ побросаютъ работу и уйдутъ. А этого нельзя было допускать ни въ какомъ случаѣ. Особенно дорожили онѣ съ хозяйкой Марьей Петровной, считавшейся самой трудолюбивой и цѣнной изъ мастерицъ, и ссориться съ которой и подавно не входило въ разсчеты Розы Федоровны.

Поэтому старшая закройщица поборола приливъ хлынувшаго ей въ душу гнѣва и, сдерживая бѣшенство, проговорила спокойнымъ, почти ласковымъ голосомъ, дѣлая невѣроятное усиліе надъ собой:

— Да что вы, дѣвицы, напали на меня бѣдную! Будто я извергъ или палачъ какой, будто хочу я мучить Глафиру! Я къ мадамъ ее свела бы только для отвѣта. Должна же она отвѣтъ дать хозяйкѣ въ своей винѣ. Какъ по вашему? Должна или нѣтъ?

— Не виновата Ганя... Съ каждой могло случиться!—произнесла снова, съ трудомъ поборовъ приступъ кашля, Марья Петровна.

— Не виновата!—вторили за ней и остальныя.

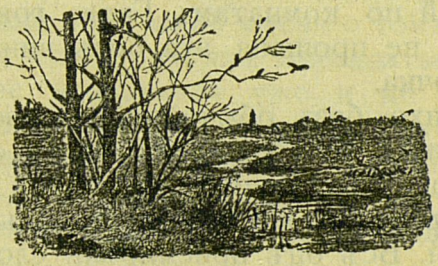
— Ну, конечно, не виновата,—согласилась и Роза Федоровна и вызвала даже нѣкоторое подобіе улыбки на свои тонкія, недобро сложившіяся губы,—но передъ madame-то повиниться должна она или нѣтъ.

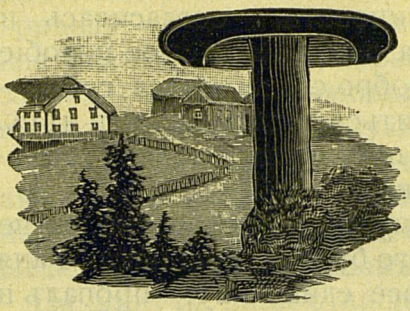
Хорошенькая Августа при этихъ словахъ тряхнула своей завитой головкой:

— Да что-жъ по вашему, Роза Федоровна, легче вамъ съ хозяйкой отъ этого будетъ, повинится Ганя или нѣтъ. Вѣдь лифъ-то все едино—ау,—пропалъ и поминай его, какъ звали. Лучше завтра къ Мыткинымъ ее пошлите извиниться пораньше. Авось онѣ добрѣе будутъ, простятъ порчу лифа бѣднягѣ Ганѣ.

— И то правда, Авочка, все по вашему будетъ!—какъ то ужъ очень быстро согласилась съ хорошенькой нѣмочкой Роза Федоровна и, бросивъ на Ганю не поддающійся описанію взглядъ, процѣдила съ дѣланнымъ спокойствіемъ по ея адресу:

— Садись и работай. А я, такъ и быть, пойду за тебя отвѣтъ держать передъ хозяйкой! И своей неслышной, крадущейся походкой скрылась за дверью мастерской.





XII.

ИХО, безъ обычныхъ шутокъ и разговоровъ разошлись около девяти часовъ мастерицы и ихъ помощницы. Мастерская опустѣла. Дѣвочки-ученицы безмолвно убирали посуду на кухнѣ, помогая выбившейся изъ силъ стряпухѣ Софьѣ, смертельно уставшей за день. Точно черная туча повисла надъ маленькими труженицами. Правда, Роза Федоровна пообѣщалась не взыскивать съ Гани и оправдать ее передъ „самою“, но этимъ далеко еще не исчерпывался инцидентъ съ прорѣзаннымъ лифомъ. Что еще скажутъ завтра у Мыткиныхъ, каковъ-то будетъ приговоръ милліонщицъ. Да и сама „страшная Розка“, какъ-то странно-сдержанная и притихшая, не внушала особаго довѣрія всѣмъ своимъ необычайнымъ поведеніемъ взволнованнымъ дѣвочкамъ.

И краснорѣчивые взгляды, бросаемые старшею закройщицей на безмолвно двигающуюся съ поникшей головой по комнатамъ Ганю, говорили за то, что далеко не прощена эта безъ вины виноватая, бѣдная дѣвочка.

Также тихо, безъ обычныхъ разговоровъ и сборищъ собрались на убогой постели у одной изъ товарокъ, по окончаніи своего трудового дня, дѣвочки, изрѣдка перекидываясь незначительными фразами между собой. Всѣ онѣ присмирѣли словно въ ожиданіи надвигающейся грозы. И самая снисходительность Розы Федоровны внушала невольныя подозрѣнія. Положимъ, до завтрашняго утра, пока не вы-

яснится вопросъ съ испорченнымъ лифомъ самою Мыткиной и ея дочерью, нечего было опасаться за Ганю, а все же сердца дѣвочекъ какъ-то тревожно бились, и, укладываясь въ этотъ злополучный вечеръ, онѣ. то и дѣло, подбадривали Ганю словами и шутками, желая успокоить дѣвочку.

Скоро улеглись въ этотъ вечеръ въ корридорѣ маленькія работницы.

Щелкнулъ выключатель и электричество потухло. Только тонкая полоса свѣта выбѣгала изъ подъ двери хозяйкиной спальни и узкой желтой дорожкой тянулась по корридору.

Ганѣ не спалось. Уже громко похрапывала на своемъ сундукѣ Стёпа и ровно дышала свернувшаяся клубочкомъ Танюша. Широко разметавъ руки, спала Анютка. За двѣ комнаты мѣрно тикали стѣнные часы въ пріемной... Ночь медленно подкрадывалась съ ея тихими шорохами къ изголовьямъ заснувшихъ маленькихъ труженицъ.

Мысли Гани какъ-то странно путались и мѣшались... То передъ внутреннимъ взоромъ дѣвочки представалъ нѣжный и милый образъ Бецкой... Видѣлось, какъ на яву, усталое, выразительное. грустное лицо артистки и жгуче-тоскливое чувство охватывало Ганю при одной мысли о томъ, что предположенія мастерицы могутъ оправдаться и Ольга Леонидовна не поправится уже и не увидитъ ее никогда больше во всю свою жизнь Ганя...

Что-то сжимало судорожно, до боли горло дѣвочки, что-то давило его... Какой-то клубокъ выросталъ въ груди и своей чудовищною силой грозилъ задушить Ганю...

Снова путались мысли и въ наступившемъ хаосѣ ихъ выступали иные образы и картины: испорченный лифъ... прорѣзанная матерія... исковерканное

яростью лицо страшной Розки и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ ея дѣланно-спокойный видъ, но еще болѣе страшный въ силу этого своего дѣланнаго спокойствія.

И опять приходили новыя впечатлѣнія на смѣну старымъ. Какъ-то неожиданно и странно вспомнилось раннее дѣтство. Маленькая, покривившаяся отъ старости избушка... Хмурый, надсадившійся въ непосильной работѣ болѣзненный отецъ... Цѣлая куча голодныхъ ребятъ въ грязныхъ рубашенкахъ и она, Ганя, вѣчно тихая и неслышная, забивавшаяся въ уголокъ съ самодѣльной куклой въ рукахъ.

Матери она не помнила; мать у нея умерла давно... Тетка Секлетея домовничала въ избѣ до самой смерти отца. Умеръ онъ, это хорошо помнитъ Ганя, о Крещеньи, шибко простудившись въ стужу...

Тетка Секлетея раздала ребятъ по чужимъ людямъ, а Ганю, свою любимицу, оставила у себя. Уѣхали онѣ въ тотъ же годъ изъ деревни въ Питеръ. Съ теткой стали ходить торговать гостинцами по улицамъ (тетка и Ганю брала съ собой), а черезъ нѣкоторое время отдала въ школу дѣвочку.

Не долгое, однако, время, пришлось учиться въ ней Ганѣ. Уличная теткина торговля пошла нешибко и рѣшила она: чѣмъ держать впроголодь племянницу, отвести ее, въ одно прекрасное утро, въ модную мастерскую къ мадамѣ и умолить Христомъ-Богомъ хозяйку не оставить сироту, принять ее въ ученье.

Такимъ образомъ попала въ дѣвочки-ученицы модной мастерской маленькая сиротка Ганя.

Объ этомъ своемъ поступленіи въ мастерскую почему-то сегодня особенно ясно и подробно вспоминается ей. Пинки, щипки, колотушки, грубая брань „страшной Розки“, равнодушно-надменное обращеніе „самой“, покрикиванія мастерицъ, жизнь въ

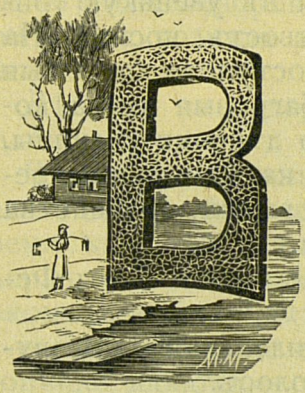
вѣчномъ страхѣ передъ наказаньемъ, заслуженнымъ и незаслуженнымъ, все едино, и вдругъ свѣтлый образъ Бецкой, такой праздничный и прекрасный на сѣромъ фонѣ безотрадной и лишенной радости жизни. Неужели-ли же исчезнетъ и онъ?

Глаза дѣвочки широко-раскрытымъ взоромъ пронизываютъ темноту, какъ-бы требуя отъ нея отвѣта.

— Неужели опасно больна Ольга Леонидовна? Неужели не суждено поправиться ей и она... она...

Мысль закружилась, заметалась съ бѣшеной быстротою. Потъ выступаетъ на лбу у Гани... Сердце заколотилось такъ шибко, что груди становится больно отъ его неудержимаго біенія.

И Ганя съ отчаяніемъ, затопившимъ ей душу, погружается въ какую-то темноту.



XIII.

СТАНЬ и иди за мною!

Кто сказалъ это повелительнымъ голосомъ, не допускающимъ возраженій?

Широко раскрылись глаза Гани и крикъ испуга замеръ у нея на губахъ. Передъ нею стояла высокая тонкая фигура въ чемъ-то бѣломъ. Смутно бѣлѣлось во мракѣ лицо. Цѣпкіе пальцы протягиваются къ Ганѣ и крѣпко захватываетъ руку дѣвочки.

— Встань сейчасъ, одѣвайся скорѣе и ступай въ кухню. Я тебя буду ждать.

Теперь Ганя узнаетъ голосъ. Это Роза Федо-

ровна. Это ея тяжелыя, скрипучія нотки, такъ хорошо знакомыя всей мастерской.

Бѣлая фигура медленно удаляется въ дальній конецъ корридора... Вотъ пріоткрываетъ дверь... Вотъ блеснула на мгновенье яркая полоса свѣта изъ кухни и старшая закройщица скрылась за ея порогомъ. Дрожа какъ въ лихорадкѣ, Ганя поднялась съ постели... Трясущимися руками накинула на себя юбченку, платье... Натянула бѣлые нитяные чулки и стоптанные дешевые сапоженки и тихо на цыпочкахъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, направилась въ кухню.

Роза Федоровна уже ждала ее тамъ. Старшая закройщица сидѣла у стола на табуретѣ въ нижней пестрой юбкѣ и бѣлой ночной кофточкѣ и куталась въ байковый платокъ.

Ея жидкіе, безъ обычной фальшивой накладки волосы были кое-какъ заплетены въ узенькую тонкую, напоминающую крысиный хвостъ, косицу. На всегда блѣдномъ лицѣ теперь проступили багровыя пятна румянца раздраженія, тѣ багровыя пятна, которыхъ такъ боялись не только дѣвочки-ученицы, но и взрослыя работницы, такъ какъ онѣ предшествовали обыкновенно, сильному взрыву бѣшенства со стороны старшей закройщицы.

При появленіи Гани, маленькіе глазки Розы Федоровны такъ и впились въ нее:

— Подойди сюда, поближе, миленькая!—прозвучалъ ея хриплый отъ волненія голосъ.

И этотъ голосъ и это обращеніе „миленькая“ тоже не предвѣщали ничего добраго. По опыту знала Ганя, что чѣмъ сильнѣе бывала ярость старшей закройщицы, тѣмъ тише и обходительнѣе становилась она на первыхъ порахъ въ отношеніи своей жертвы.

Едва переступая подкашивающимися на ходу ногами, Ганя подошла къ ней.

— Что-же, по твоему, миленькая,—начала пониженнымъ срывающимся отъ затаенной ярости на каждомъ словѣ шопотомъ ея мучительница,—что-же, по твоему, прорѣзала матерію, которой цѣны нѣтъ, испортила вещь до негодности и увѣрена, что все это вздоръ и пустяки и что все это тебѣ простится и съ рукъ сойдетъ? А? Что ты на это скажешь, миленькая?

Что могла сказать Ганя? Ея зубы стучали, какъ въ ознобѣ, ея худенькое тѣло трепетало и каждая черточка выражала ужасъ и отчаяніе въ ея побѣлѣвшемъ, какъ известь, лицѣ. Это молчаніе, это беззащитное состояніе дѣвочки, а болѣе всего ея широко раскрытые страхомъ, невинные, полные мольбы и ужаса, глазенки, казалось, еще сильнѣе подняли ярость въ душѣ старшей закройщицы. Маленькіе глазки Розы Федоровны сверкнули недобрымъ огонькомъ. Она подняла руку и изо всей силы ущипнула Ганю за шею.

Дѣвочка не выдержала и громко вскрикнула отъ боли.

Въ этотъ же мигъ костлявые пальцы ея мучительницы до боли сильно зажали ей ротъ, въ то время какъ другая рука подтолкнула дѣвочку по направленію маленькой дверцы, находившейся въ узкомъ корридорчикѣ подлѣ кухни.

— Ага! Ты еще кричать!—зашипѣлъ ей въ ухо зловѣщій шопотъ,—скажите на милость,—недотрога какая! Матерію драгоцѣнную искромсала да еще хочетъ, чтобы ее по головкѣ за это гладили. Какъ-бы ни такъ!

При этихъ словахъ она втолкнула Ганю въ небольшую каморку въ родѣ кладовой, гдѣ по стѣ-

намъ шли полки для провизіи, а на полу лежали большіе мѣшки съ коксомъ для топки камина.

— Здѣсь заболѣла Зина! Въ этой каморкѣ началось то „страшное", которое кончилось смертью!— вихремъ промелькнула полусознательная мысль въ головѣ Гани и она съ ужасомъ вскинула глаза на приблизившуюся къ ней закройщицу.

— Ну, миленькая, здѣсь ори сколько вздумается,— ехидно замѣтила послѣдняя,—здѣсь тебя ни только въ корридорѣ, но и Софья въ своей комнатѣ не услышитъ!

И съ этими словами она изо всей силы толкнула Ганю на одинъ изъ близь лежащихъ мѣшковъ. Въ ту же минуту, Богъ вѣсть откуда появившійся, кожаный ремень съ пряжкой взмахнулъ въ воздухѣ и больно ударилъ по спинѣ дѣвочку.

Ганя не успѣла не крикнуть, не защититься. Теперь удары сыпались на нее одинъ за другимъ, одинъ за другимъ безъ числа и счета. Съ бѣшеной злобой, съ выкатившимися отъ ярости глазами, ея мучительница приговаривала вслѣдъ за каждымъ ударомъ своимъ жуткимъ шипящимъ голосомъ:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ... Будешь знать какъ дорогія платья портить! Будешь помнить какъ надо добро чужое беречь!

Костлявая рука, вооруженная ремнемъ, то поднималась, то опускалась съ лихорадочной поспѣшностью. Удары ложились на трепещущее отъ боли, извивающееся тѣло дѣвочки. Громкіе стоны Гани наполнили каморку и сѣни. Наконецъ, прекратились и они... Тогда старшая закройщица швырнула въ уголъ ремень и, грубо схвативъ за плечи свою жертву, поставила ее передъ собой:

— Знай,—шипѣла она передъ самымъ лицомъ дѣвочки,—знай, не простятъ тебѣ Мыткины испор-

ченнаго лифа, каждый день тебя такая же трепка ожидаетъ... Я васъ выучу, недотепы скверныя, какъ съ дорогими вещами обходиться! Я васъ выучу, будете помнить меня!

И она шагнула къ двери, тяжело дыша и потирая свои костлявыя руки, уставшія отъ наносимыхъ ими побоевъ.

Ганя осталась одна передъ открытой въ коридоръ дверью съ мучительно ноющей болью во всемъ тѣлѣ.

Избитая, измученная, обиженная и уничтоженная, стояла дѣвочка посреди холодной каморки, между мѣшками съ коксомъ, въ той самой каморкѣ, гдѣ четыре мѣсяца тому назадъ погибла другая, такая же маленькая, никому ненужная дѣвочка, благодаря жестокости той же „страшной Розки".

Въ отуманенной головѣ Гани было только сознаніе горечи отъ перенесенной обиды.

— За что? За что такъ поступили со мною?— выстукивала мысль въ затуманенной дѣтской головкѣ. Да развѣ нарочно я разрѣзала лифъ? Развѣ съ умысломъ? Господи! Господи! Такъ испугалась я, когда услышала о возможной смерти моей безцѣнной Ольги Леонидовны... Рука дрогнула отъ волненія и ножницы прорѣзали матерію на живомъ мѣстѣ. Развѣ я виновата въ этомъ. А Роза Федоровна? Зачѣмъ она такъ жестоко обошлась со мной, когда обѣщала мастерицамъ простить меня и испросить даже прощеніе у „самой". Зачѣмъ же она согласилась? Развѣ можно жить послѣ всего этого на бѣломъ свѣтѣ, когда столько неправды, несправедливости и лжи на землѣ! И хорошо сдѣлала, что умерла Зина! Бѣдная Зина! Что она пережила здѣсь прежде чѣмъ умереть?

Ганя широко раскрытыми глазами оглядѣла узкія

стѣны каморки... Ничего страшнаго... А ихъ глупыя дѣвочки боятся ходить сюда. Увѣряютъ, что здѣсь плачетъ и стонетъ по ночамъ душа Зины, не находящая себѣ покоя.

А что если и она, Ганя, простудится здѣсь и умретъ? Вотъ славно было-бы! Умретъ какъ Зина, и не будетъ слышать уже брани „страшной Розки", ни чувствовать ея щипковъ и колотушекъ, ни ударовъ ея кожанаго ремня. Что если она останется здѣсь добровольно, до самаго утра пробудетъ въ этомъ холодномъ чуланѣ, пока не закоченѣетъ отъ холода, какъ Зина?

Вѣдь тогда не придется ей итти униженно просить прощенія за испорченное платье у купчихи Мыткиной и ея дочери. Да и простятъ-ли онѣ?

Ганя мысленно воспроизвела передъ своими глазами образъ толстой, сытой милліонерши. Передъ ней встало какъ живое ея лоснящееся самодовольное лицо и жесткая складка у губъ... Нечего и говорить, что у такой-то трудно ожидать снисхожденія. А ея дочь?

Румяная, тщеславная, себялюбивая Люсинька, презрительно поглядывавшая на всѣхъ, кто былъ ниже ея по положенію, едва-ли найдетъ снисхожденіе въ своемъ сердцѣ!

А если онѣ не простятъ ее, Ганю, то снова побои, щипки, крики и брань ожидали ее. Нѣтъ, нѣтъ лучше смерть въ такомъ случаѣ!

И дѣвочка, твердо рѣшивъ повторить своимъ поступкомъ участь покойной Зины, повалилась какъ снопъ на жесткіе мѣшки съ углемъ.

XIV.

ТО еще что такое? Нечего здѣсь прохлаждаться зря, ступай въ корридоръ и сейчасъ ложиться спать у меня. Слышишь?

Бѣлая фигура снова предстала на мигъ передъ Ганей и костлявыя, но сильныя и цѣпкія руки Розы Федоровны вытолкали ее изъ чулана.

— Сейчасъ же спать ложиться! Маршъ!—еще разъ приказала она, толкая Ганю по направленію ея убогой постели въ корридорѣ.

Нечего было дѣлать, и дѣвочка подчинилась поневолѣ. Укладываясь на своемъ жесткомъ ложѣ, она слышала, какъ закрывала на ключъ дверь, ведущую въ сѣни, ея мучительница, очевидно догадавшаяся о наивныхъ замыслахъ Гани.

Слышала еще Ганя, какъ Роза Федоровна разбудила Софью, отличавшуюся исключительной способностью спать какъ убитая во всякое время, и передала ей ключъ.

Послѣдняя надежда на скорое избавленіе отъ тяжелой безысходной доли исчезала съ этимъ поступкомъ закройщицы изъ сердца дѣвочки и она тяжело вздохнула. Впереди предстояли безконечные дни страданій и горя. И эти ужасныя наказанія въ чуланѣ, отъ которыхъ все тѣло ноетъ и болитъ...

Какъ избавиться отъ нихъ, гдѣ найти спасеніе?

Слезы хлынули изъ сухихъ до этой минуты глазъ дѣвочки и закапали на подушку.

Что дѣлать ей теперь? Что дѣлать? Она рѣшительно не можетъ продолжать свое жалкое существованіе въ этой страшной для нея сейчасъ мастерской. И умереть-то нѣтъ возможости, да и жить такъ больше нельзя.

Рыданія, скопившіяся въ груди Гани, рвались теперь наружу, надрывая ея худенькую, истерзанную непосильнымъ страданіемъ, грудь. Не будучи въ состояніи больше сдерживать слезы, она глубоко уткнулась головой въ подушку и тихо, беззвучно плакала тяжелыми, ненасытными слезами, надрывавшими все ея существо. . . . . .

. . . . . .

— Ганя! Ганюшка! Чего ты? Ревешь, говорю, чего? Аль приснилось что? А? Тебѣ говорятъ, слышь, Ганюшка?

И щелкая отъ холода зубами, въ одной рубашенкѣ, босая, только что проснувшаяся Анютка стояла, переминаясь съ ноги на ногу передъ плачущей Ганей.

И такъ какъ дѣвочка все еще рыдала въ подушку, Анютка энергично прыгнула къ ней на сундукъ, залѣзла подъ убогое одѣялишко и энергично принялась за плачущую Ганю.

Она съ трудомъ оторвала отъ подушки ея залитое слезами лицо и, обнявъ одной рукой худенькія плечи плачущей дѣвочки, силой повернула ее къ себѣ и зашептала ей на-ухо быстрымъ, прерывистымъ шопотомъ:

— Ну, чего, ты? Ну скажи, ради Господа! чего рѣкой разливаешься? Да не реви ты, дай срокъ, толкомъ говори! Хошь воды принесу изъ кухни, Ганька? Выпьешь, можетъ, малость? А?

Голосъ Анютки звучалъ участливо. И трудно было сейчасъ признать въ этой озабоченной чужимъ горемъ дѣвочкѣ четырнадцатилѣтнюю „пройду“ Анютку, какъ ее называли въ мастерской, таскавшую обрѣзки шелковыхъ матерій у мастерицъ, а то и куски сахара изъ буфета и постоянно до слезъ дразнившую апатичную Стёпу и насмѣшничавшую надъ ней.

Теперь, въ самомъ шопотѣ Анютки, Ганя уже почуяла сочувствіе къ ея горькой долѣ. Это сочувствіе и неожиданная ласка такъ мягко отозвались въ сердцѣ избитой дѣвочки, что она тутъ-же, плача и всхлипывая, прижалась къ плечу Анютки и разсказала ей все.

— Ахъ, она дрянь этакая! — возмутилась Анютка,—да какъ-же это она бить тебя рѣшилась, когда нашимъ мастерицамъ обѣщалась простить. Ахъ, негодная! Да я бы ее!..

Тутъ Анютка неожиданно обвила своими тонкими руками голову Гани, прижала ее къ своей дѣтской груди и зашептала измѣнившимся голосомъ:

— Ганюшка, ты моя Ганюшка! Безталанная ты моя! Нѣтъ тебѣ здѣсь доли, Ганюшка! Да будь я-бы на твоемъ мѣстѣ, да я-бы отсюда давнымъ-давно ушла!

— Куда бы ты ушла, Анюта? Некуда намъ уйти съ тобою!—вырвалось тихимъ, полнымъ отчаянія шопотомъ у Гани.

— Какъ некуда? А къ Ольгѣ Леонидовнѣ-то! Неужто, думаешь, я-бы сама къ ней не убѣгла, ежели-бы она меня такъ же отличала, какъ тебя?

— Что ты! Что ты выдумала, Анюта? Да нѣшто отличаетъ меня Ольга Леонидовна чѣмъ! — протестовала Ганя, въ то время какъ въ измученное сердечко ея скользнулъ слабый лучъ надежды, совсѣмъ маленькій, слабый лучъ.

— А то нѣтъ, скажешь? А билеты тебѣ не давала она? А конфеты не привозила? А какъ глядитъ-то всегда ласково на тебя! Словно мать родная!

— Правда? Ты говоришь правду, Анюточка!— сильнѣе взволновалась Ганя.

— А то вру? Завтра же ступай къ Бецкой на квартиру, проси, моли ее, въ ножки кланяйся въ прислугахъ оставить у себя... Хошь въ подгорнич-

ныхъ, што-ли! Только бы при ней! Чтобы не прогнала никуды отъ себя!

— Господи! Да вѣдь это-жъ такое счастье, такое, что и подумать-то жутко становится!—зашептала Ганя проникновеннымъ, счастливымъ шопотомъ. И вдругъ сразу оборвался этотъ шопотъ.

— А-а ню-та! — протянула она упавшимъ голосомъ,—да вѣдь больна Ольга Леонидовна-то... Присмерти, вонъ Саша сказывала, больна!

— Ну ужъ и при смерти! Сашка совретъ—не дорого возьметъ! — снова возмутилась Анютка,—а коли больна, такъ ты, стало быть, и еще нужнѣе тамъ будешь... При больномъ-то каждая лишняя рука — кладъ: и тебѣ за докторомъ, и тебѣ въ аптеку сбѣгать. Да я-бы на твоемъ мѣстѣ, Ганька!..

Дѣвочки замолкли на минуту. Обѣ обдумывали что-то. Вдругъ Ганя заговорила снова:

— Я убѣгу... И то... къ Ольгѣ Леонидовнѣ утромъ... Какъ Софья встанетъ, дверь откроетъ въ сѣни, такъ и убѣгу. Ты—только молчи, не сказывай никому! — возбужденно роняла дѣвочка.

— А то скажу?..—разсердилась было Анютка,— и глупа же ты, Ганька, какъ колода дубовая, ежели думаешь такое про меня! Что я тебѣ Танюшка далась, что-ли? Одной Марьѣ Петровнѣ скажу... Побожиться велю, чтобы не скандалила изъ-за тебя съ Розкой, а все разскажу какъ есть, и какъ была она у тебя, и куда ты побѣгла... Марья Петровна добрая! Она для насъ во—расшибется—не выдастъ ни за что!

— Не выдастъ! — убѣжденно отозвалась Ганя и погрузилась въ новыя, теперь уже сладкія и такія несбыточныя, какъ ей теперь казалось, мечты.

XV.

Было около половины седьмого утра, когда маленькая, тщедушная фигурка выскользнула изъ двери чернаго входа модной мастерской мадамъ Пике и, спустившись по лѣстницѣ, прошмыгнула во дворъ.

Пробѣжать до воротъ и выйти на улицу было для Гани дѣломъ одной минуты.

На улицѣ горѣли фонари и было холодно колючимъ утреннимъ холодомъ, который бываетъ въ началѣ зимы. Ганя крѣпче закуталась въ свой байковый платокъ, который замѣнялъ ей ея подбитую вѣтромъ драповую кофточку, оставленную у мадамъ. Никто, кромѣ Анютки, не зналъ объ ея уходѣ. Выбѣжала она сразу послѣ того какъ ея сообщница Анютка побѣжала въ булочную, такъ что никто ее не замѣтилъ. Съ этой стороны все было благополучно. Ганя боялась другого... Ну, какъ она нежданно-негаданно придетъ въ чужой домъ и станетъ просить пріютить себя Ольгу Леонидовну? И что если Ольга Леонидовна больна настолько, что къ ней не пустятъ Ганю?

Ганя нѣсколько разъ была въ уютной и нарядно-обставленной квартирѣ артистки. Она бѣгала туда съ заказами по порученію мадамъ Пике или Розы Федоровны. Хорошо знала она и молоденькую франтоватую горничную Ольги Леонидовны Катюшу и степенную, важную кухарку «за повара» Анисью Васильевну. Онѣ обѣ частенько угощали Ганю чаемъ, когда та прибѣгала съ порученіями изъ мастерской. И дорогу туда Ганя знала прекрасно. Не позднѣе какъ черезъ полчаса она уже поднималась по черной лѣстницѣ, ведущей къ задней половинѣ квартиры, занимаемой Бецкой, и остановилась передъ закрытой дверью чернаго входа.

— Спятъ, поди, еще, всѣ и прислуга тоже. Анисья Васильевна къ восьми только поднимается и идетъ на рынокъ,—вспомнила дѣвочка,—а Катюша-то и до девяти часовъ иной разъ прохлаждается въ постели. Торопиться ей некуда, Ольга Леонидовна раньше одиннадцати никогда не встаетъ. Надо подождать на лѣстницѣ, пока они сами дверь откроютъ,—рѣшила она и тутъ же, присѣвъ на приступку, стала подробно обдумывать все то, что она рѣшила говорить Ольгѣ Леонидовнѣ, какъ просить и молить о милости добрую артистку.

— Буду Христомъ-Богомъ заклинать ее взять меня хоть на самую. что ни на есть черную работу, полы мыть, на посылкахъ бѣгать, грязь убирать на кухнѣ. Все едино, что ни придется работать буду, только-бы она, голубушка, не погнала меня отъ себя! Только-бы при себѣ держала! — рѣшила дѣвочка. Уже самая мысль о томъ, что, можетъ быть, ей, Ганѣ, предстоитъ отъ нынѣшняго дня ежедневно видѣть ея «голубоньку Ольгу Леонидовну», жить подъ одной кровлей съ нею, такъ воодушевила дѣвочку, такую радость влила ей въ сердце, что мигомъ были забыты и перенесенные ею наканунѣ жестокіе побои и обиды, и угрозы «страшной Розки». Милый образъ Бецкой заслонилъ собою все и Ганя сладко замечталась теперь о предстоящемъ ей райскомъ житьѣ вблизи Бецкой и эти мечты закружили въ сладкомъ вихрѣ горячую головку ребенка. . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Никакъ Ганюшка? Что-жъ это ты тутъ примостилась, дѣвочка, и на кухню не идешь?

И небольшая дородная фигурка кухарки Анисьи Васильевны предстала передъ Ганей.

— Ты отъ мадамы, что-ли?—спросила ее женщина.

Вся кровь бросилась въ лицо Гани. Она замялась и, смущенно теребя пальцами бахрому платка, прошептала робко:

— Да... нѣтъ... я, Анисья Васильевна, къ Ольгѣ Леонидовнѣ... по своему дѣлу я...—и умолкла, жестоко краснѣя въ тотъ же мигъ.

— Эвона! Когда хватилась!—громко воскликнула кухарка, ударяя себя полными руками по бедрамъ.—Да Ольга Леонидовна еще вчера, утромъ, въ заграницу укатила. На всю зиму, на все лѣто, осенью, сказывала, вернется только. На годъ, почитай. Такъ это ее болѣзть скрутила сразу, сердешную, что доктора сейчасъ это ее и погнали изъ здѣшней сляκоти въ теплые края. Потому, что здѣсь она безпремѣнно пуще расхворалась-бы, ежели-бы хоть недѣлю осталась, а тамъ-то и погода и страна другая... Солнце, говорятъ, море теплое и всякихъ такихъ удовольствій вдоволь. Ну вотъ она живымъ манеромъ собралась и покатила. Въ два дня, никакъ. Съ театромъ своимъ контрактъ нарушила, неустойку въ нѣсколько тыщъ заплатила... Что ей? Она богатая... Такъ-то, милая, не увидишь ты до самой до будущей, значитъ, осени, вашей заказчицы! А мы съ Катей, такъ и вовсе не увидимъ, пожалуй. Потому на другія мѣста поступимъ. И квартиру передаемъ. И билетики у воротъ ужъ наклеены. Какъ сдадимъ, такъ, значитъ, мебель въ складъ, а сами на другое мѣсто. Вотъ какія дѣла у насъ нынче пошли, дѣвонька! — заключила тяжелымъ вздохомъ свою рѣчь словоохотливая стряпуха.

Растворилась дверь и изъ нея выглянула заспанная физіономія Катюши.

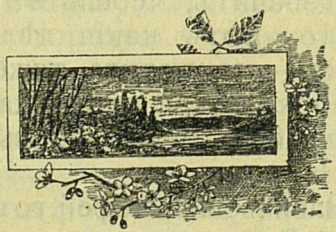
— Анисья Васильевна, кофей готовъ... Пить ступайте... А, Ганя! Вотъ кстати-то... Ступай и ты, съ нами побалуешься горячимъ кофейкомъ! Да что это,

ровно лица на тебѣ нѣтъ, дѣвочка? Больна ты, или обидѣлъ кто?—тревожно присовокупила она, взглянувъ на бѣлое, какъ снѣгъ, личико Гани.

Съ первыхъ же словъ Анисьи Васильевны объ отъѣздѣ Бецкой, какой-то темный туманъ поднялся передъ глазами дѣвочки и понемногу окуталъ и говорившую съ ней словоохотливую стряпуху, и дверь, и лѣстницу. Все гуще и гуще дѣлался этотъ туманъ съ каждой секундой, въ то время, какъ все тѣло Гани стало вдругъ странно тяжелѣть, словно наливаться свинцомъ. Шумъ, звонъ, какіе-то несуществующіе крики зазвучали въ ея ушахъ и внезапно поплыло передъ ней и добродушное лицо дородной кухарки, и лѣстница, и дверь, и выглянувшее въ послѣднюю минуту сознанія лицо Катюши...

Какъ-то странно взмахнула обѣими руками, точно птица крыльями, Ганя и, зашатавшись, упала на руки подоспѣвшихъ къ ней Анисьи Васильевны и Катюши.

Пережитыя за истекшія сутки волненія, перенесенное жестокое наказанье и послѣдній, самый сильный ударъ—неожиданный отъѣздъ Бецкой возымѣли свое дѣйствіе. Не выдержалъ потрясеній хрупкій организмъ ребенка и дѣвочка лишилась чувствъ.



XVI.

ЖЕ третій день лежитъ безъ признаковъ сознанія Ганя въ чистенькой скромной по убранству комнатѣ горничной Катюши. И Катюша и Анисья Васильевна приняли горячее участіе въ заболѣвшей дѣвочкѣ.

Изъ своихъ скудныхъ средствъ обѣ онѣ лечили ребенка. Былъ позванъ докторъ, куплено лекарство. Поили всякими микстурами и кормили порошками не приходившую въ сознаніе Ганю, но ничего не помогало. Состояніе больной ухудшалось съ каждымъ часомъ Дѣвочка бредила и металась въ жару по постели. Изъ отрывистыхъ фразъ ея обнаружилась пережитая маленькой сиротой тяжелая драма. Разрѣзанный ненарокомъ дорогой лифъ... Жестокое наказаніе... Угрозы страшной Розки... И опять предстоящія наказанія въ случаѣ если не проститъ, ее Ганю, Мыткина,— все это срывалось въ одномъ общемъ хаосѣ криковъ и стоновъ съ запекшихся губокъ дѣвочки.

— Изверги! Злодѣи! Мучители! До чего довели ребенка! — утирая передникомъ слезы, говорила сердобольная Анисья Васильевна, прислушиваясь къ этимъ отчаяннымъ крикамъ.

— Въ больницу бы ее надо сердешную, не померла бы у насъ!—первая заикнулась Катюша,—да и мадамѣ хозяйкѣ ейной дать знать надо! Еще скажетъ укрыли мы бѣглую дѣвочку у себя.

— Какъ же бы не такъ! Смѣетъ она сказать это! — разразилась негодующая стряпуха, — да ее самое, подлую, съ живодеркой ея Розкой этой, въ полицію предоставить надо за истязанія ребенка... Да я ее! тутъ негодующая рѣчь обрывалась и добродушная толстуха неслась, насколько ей только позволяло ея дородство, къ мечущейся въ жару Ганѣ.

— Болѣзная ты моя! Бѣдняжка ты моя! И нѣтъ у тебя родителевъ, которые бы поплакали надъ тобою!—причитывала она, склоняясь надъ пышущей жаромъ Ганей.

Приглашенный во второй разъ врачъ посовѣтовалъ Ганинымъ случайнымъ благодѣтельницамъ отправить дѣвочку въ больницу.

— Тамъ и уходъ лучше, и доктора и лекарства подъ рукою, а слѣдовательно и больше причинъ ожидать выздоровленія,—убѣждалъ онъ запротестовавшихъ было женщинъ.

Въ тотъ же день, закутанную въ теплую шубку Катюши Ганю, Анисья Васильевна вмѣстѣ съ горничной отвезла въ ближайшую больницу. А вечеромъ обѣ онѣ были уже въ мастерской мадамъ Пике.

О чемъ говорили съ хозяйкой и съ ея помощницей обѣ женщины, не слышалъ никто изъ мастерицъ. Но по возбужденнымъ краснымъ и взволнованнымъ лицамъ всѣхъ четверыхъ, когда онѣ вышли изъ комнаты, было видно, что объясненіе это носило далеко не мирный характеръ. Уходя, Анисья Васильевна суровымъ голосомъ упрекала въ чемъ-то „саму“ и старшую закройщицу, упоминала покойную Зину и какъ будто грозила даже. А «сама» и Роза Федоровна отвѣчали ей дрожащими голосами, въ чемъ-то убѣждали, въ чемъ то оправдывались. Такъ, по крайней мѣрѣ, шопотомъ переда-

вали другъ другу находившіяся въ мастерской работницы.

Едва только закрылась входная дверь за неожиданными и далеко непріятными для хозяйки мастерской посѣтительницами, какъ со своего обычнаго мѣста за рабочимъ столомъ поднялась мастерица Марья Петровна и торопливой походкой прошла въ помѣщеніе хозяйки. А черезъ минутъ пять до насторожившихся дѣвушекъ долетѣлъ повышенный голосъ «самой», скрипучія ноты Розки и ломкій, прерываемый кашлемъ, высокій говоръ Марьи Петровны.

Разумѣется, о работѣ нечего было и думать. И мастерицы и ихъ помощницы и даже дѣвочки побросали работу и жадно прислушивались къ тому, что происходило за дверью.

Но, вотъ, внезапно стихли голоса и на порогѣ мастерской появилась блѣдная, съ горящими глазами, съ рѣзкими пятнами чахоточнаго румянца, выступившими на лицѣ, Марья Петровна.

— Прощайте, дѣвицы,—заговорила она своимъ слабымъ, высокимъ голосомъ—не поминайте лихомъ, ухожу я отсюда, къ другой хозяйкѣ поступаю. И сама ухожу и Ганю къ себѣ возьму, если суждено ей выздоровѣть только. Авось, тамъ гдѣ пятеро человѣкъ сыты, и шестая прокормится, Богъ поможетъ сиротѣ! и, горячо, распростившись со всѣми работницами, Марья Петровна, не дожидаясь часа окончанія работъ, быстро покинула мастерскую.

. . . . . .

Богъ, дѣйствительно, помогъ сиротѣ и Ганя выздоровѣла. Тотъ день, когда она, впервые почувствовавъ замѣтное облегченіе, открыла сознательные глаза —первое лицо, замѣченное ею у постели, была—Марья Петровна. Дѣвочка сердечно обрадовалась приходу мастерицы, а когда та объявила ей

радостную вѣсть о томъ, что беретъ ее къ себѣ на помощь старухѣ матери для надзора за ея дѣтьми и веденія несложнаго хозяйства, Ганя бросилась на шею къ доброй женщинѣ и разрыдалась счастливыми, облегчившими ея настрадавшуюся душу слезами.

Съ этой минуты замѣтно пошло на улучшеніе здоровье дѣвочки. Черезъ недѣлю она уже разгуливала по больничной палатѣ въ сѣромъ халатикѣ выздоравливающей, а еще черезъ мѣсяцъ уже хлопотала въ крошечной квартиркѣ Марьи Петровны среди ея четверыхъ дѣтишекъ и старухи матери, очень ласково относившихся къ новому члену семьи.

Должно быть, доброе дѣло, совершенное Марьей Петровной, не прошло втунѣ. Съ той минуты, какъ поселила добрая мастерица у себя Ганю, пріятная новость ввидѣ прекраснаго, полученнаго Марьей Петровной, хорошо оплачиваемаго мѣста заставила облегченно вздохнуть бѣдную труженицу.

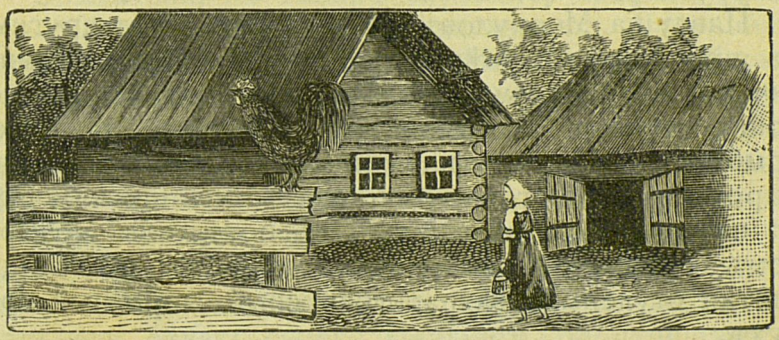
Прибавился доходъ—облегчилась жизнь. Теперь увеличившаяся семья мастерицы могла себѣ позволить нѣкоторую роскошь даже, ввидѣ поѣздки на дачу, въ деревню. Сняли недорогую избу и поселились въ ней. Даже Марья Петровна взяла отпускъ на мѣсяцъ у своей новой хозяйки, особенно дорожившей знающей и трудолюбивой мастерицей и занялась самымъ энергичнымъ образомъ своимъ леченьемъ.

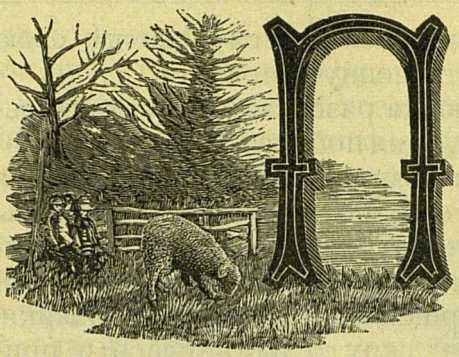
Ганя вполнѣ оправилась и поздоровѣла на чудномъ деревенскомъ воздухѣ. Послѣ тяжелой жизни у мадамъ Пике, ея пребываніе въ семьѣ Марьи Петровны среди двухъ ласковыхъ, добрыхъ женщинъ и обожавшихъ ее ребятишекъ, казалось ей настоящимъ раемъ. И когда осенью она снова вернулась въ городъ, забѣжавшая какъ-то къ ней мимоходомъ по дорогѣ въ Гостинный дворъ Анютка едва узнала въ

загорѣвшей и на диво-поправившейся дѣвочкѣ свою прежнюю слабую и болѣзненную подругу.

Между прочимъ, Анютка разсказывала удивительныя вещи Ганѣ. Съ самаго дня побѣга Гани изъ мастерской, какъ-то странно и рѣзко измѣнились отношенія «самой» и «Розки» къ ея работницамъ и ученицамъ. Прежніе крики и брань затихли. О побояхъ и щипкахъ и говорить уже нечего—они совершенно исчезли изъ обихода старшей закройщицы и хозяйки. Сама «страшная Розка» круто измѣнилась и притихла. Говорятъ, имъ отъ полиціи вышло какое-то предостереженіе, чтобы, значитъ, не мучить нашу сестру, а не то прикроютъ мастерскую ейную,— захлебываясь горячимъ кофе, гостепріимно предложеннымъ ей бабушкой, матерью Марьи Петровны, разсказывала Анютка.

И разсказывала, кстати сказать, совершенную правду. Испугалась-ли хозяйка со своей помощницей могущихъ снова возникнуть недоразумѣній со дня побѣга и болѣзни Гани, или же, дѣйствительно, получила предостереженіе отъ администраціи, но только съ этого дня замѣтно улучшилась жизнь бѣдныхъ маленькихъ труженицъ модной мастерской мадамъ Пике.





Репетиторъ.

I.

ОСЛѢДНІЙ урокъ въ гимназіи только что кончился. Старенькій, прихрамывающій на одну ногу, учитель математики, поспѣшно ковыляя, вышелъ изъ пятаго класса.

И слѣдомъ за нимъ выскочили оттуда веселой гурьбой гимназисты, переговариваясь между собой.

— Ты куда, на катокъ, Лимонинъ?

— Да, съ Козыревымъ. Ухорскія тамъ, братецъ, горы устроили!

— А ты, Петровъ, со мною, намъ по дорогѣ.

— Ладно, шагаемъ. Мнѣ только книгу перемѣнить въ библіотекѣ надо.

— Тореодоръ... Смѣлѣе въ бой! Тореодоръ! Забасилъ на весь корридоръ пятиклассникъ Курицынъ, обладающій титаническимъ басомъ и тотчасъ же смолкъ, осѣкся и нырнулъ за колонну, замѣтя невдалекѣ всѣмъ хорошо знакомую сухую и длинную фигуру директора.

Павлуша Меркуловъ вышелъ вмѣстѣ съ другими въ просторную, увѣшанную безчисленными гимназическими шинелями, раздѣвальню. Надѣвъ при помощи сторожа Артамона свое ветхое, подбитое «рыбьимъ мѣхомъ», пальтишко, изъ котораго онъ выросъ еще два года тому назадъ, онъ нахлобучилъ по самыя брови старенькую съ потертымъ козырькомъ фуражку и энергично зашагалъ по улицѣ, глотая студеный двадцатиградусный морозный воздухъ.

Прижимая рукою къ боку находившійся у него подъ мышкой свертокъ съ книгами и тетрадями и глубоко засунувъ въ карманы начинавшія уже зябнуть руки, Павлуша бодро зашагалъ по завѣянному снѣжкомъ тротуару. Идти было далеко. Съ одной изъ центральныхъ городскихъ улицъ, примыкавшихъ къ Невскому проспекту, на семнадцатую линію Васильевскаго острова, гдѣ у Павлуши Меркулова, ученика пятаго класса N-ской гимназіи, былъ урокъ.

Этотъ урокъ Павлуша, худенькій, высокій, шестнадцатилѣтній подростокъ - юноша, выхлопоталъ себѣ съ большими трудностями при помощи объявленій и рекомендаціи самого инспектора. Приносилъ онъ Павлушѣ ровно десять рублей въ мѣсяцъ— подспорье не малое для отца труженика, день и ночь не разгибающаго спины надъ станкомъ пильщика по дереву.

Ремесло Петра Михайловича Меркулова, отца Павлуши, являлось, такъ сказать, исключительнымъ. Немного находилось любителей заказывать рамочки и ящички, выпиленные изъ дерева хотя бы и съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, какимъ обладалъ пильщикъ Меркуловъ.

Обыватели, въ такихъ случаяхъ, предпочитаютъ купить готовую вещь въ магазинахъ Гостиннаго двора. Вотъ почему Петръ Михайловичъ Меркуловъ жилъ болѣе нежели бѣдно съ семьею, состоящей изъ больной, страдающей суставнымъ ревматизмомъ, жены, двухъ малолѣтнихъ дочекъ Оли и Насти и любимца своего сына Павлуши.

Еще недавно держалъ Петръ Михайловичъ токарную мастерскую, имѣлъ мастеровъ и подручныхъ. Дѣла шли настолько хорошо и гладко, что могъ онъ отдать своего Павлушу, окончившаго въ

ту пору трехклассное городское училище и отличавшагося большими способностями и желаніемъ продолжать учиться, въ гимназію, какъ господскаго сына. Но болѣзнь жены, постоянныя траты на ея леченье, потеря главнаго токаря-мастера, перешедшаго изъза личныхъ выгодъ въ другое токарное заведеніе, все это вмѣстѣ взятое пошатнуло дѣла Меркулова, заставило его распустить работниковъ, закрыть, ликвидировать мастерскую и заняться одинъ-на-одинъ выпиливаніемъ мелкихъ вещей и починкой зонтиковъ.

Къ счастью освободили къ этому времени отъ платы за ученье его Павлушу, ввиду исключительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ, да подвернулся тому же Павлушѣ десятирублевый урокъ у лавочника въ семнадцатой линіи, и такимъ образомъ юноша могъ нѣсколько помогать отцу въ содержаніи семьи.

Правда, не легко приходилось порою юношѣ. Помимо приготовленія собственныхъ уроковъ, задаваемыхъ гимназистамъ къ слѣдующему дню, помимо хлопотъ съ больной матерью, прикованной день и ночь къ постели, и бѣготни въ аптеку и лавочку, Павлушѣ надо было урывать по полтора часа ежедневно для репетированія тупого, мало смышленаго, лишеннаго всякихъ способностей, да еще, вдобавокъ ко всему этому, лѣниваго лавочникова внука.

Нечего и говорить, что далеко не съ радостнымъ сердцемъ ходилъ на эти уроки юноша. Нынче же онъ съ особеннымъ непріязненнымъ чувствомъ шагалъ по знакомой дорожкѣ къ Васильевскому острову.

И морозно было сегодня, и продрогъ онъ въ своемъ легкомъ пальтишкѣ, служившемъ ему и зиму, и лѣто, да и уроковъ было задано не мало на завтра. А сегодня еще надо было помочь отцу сдать заказъ, то-есть попросту поработать надъ станкомъ до тѣхъ

поръ, пока не позоветъ къ ужину сестренка Настя, прекрасно, несмотря на свои десять лѣтъ, управлявшаяся со стряпней.

А тутъ, какъ нарочно, то и дѣло обгоняли Павлушу краснобокіе, быстрые трамваи и веселымъ своимъ грохотомъ заманивали его къ себѣ.

Но за удовольствіе проѣхаться въ электричкѣ надо было раскошелиться на цѣлый пятакъ, а этой роскоши Павлуша Меркуловъ себѣ уже никакъ не могъ позволить. Ужъ и то съ завтраками своими онъ нагналъ экономію. Попросту обходился безъ завтрака, то-есть трехкопѣечной булки, которую въ былыя, лучшія времена, покупалъ у гимназическаго булочника, заглядывавшаго къ нимъ самымъ аккуратнымъ образомъ ежедневно въ большую перемѣну. Съ тѣхъ поръ какъ нужда и лишенія стали постоянными сожительницами семьи пильщика Меркулова, Павлуша съумѣлъ увѣрить родителей, что денегъ на завтраки ему не нужно, что завтраки пустое дѣло въ сущности, и что они только зря отнимаютъ время у занятаго повтореніемъ уроковъ гимназиста. А что вмѣсто завтраковъ онъ лучше будетъ досыта пить съ хлѣбомъ по утрамъ чай и поститься до обѣда.

— Да какъ же ты, болѣзный мой, такъ долго голодать-то будешь? — сокрушенно тянула своимъ слабымъ голосомъ Капитолина Власьевна, больная мать Павлуши.

— Полно, мамаша. Сытъ я... До вечера терпѣть могу... Вонъ спросите Настюшку, сколько я при ней хлѣба уписалъ нынче. Съ запасомъ на случай голода! Что ужъ тутъ, потолстѣлъ даже! — шутилъ Павлуша и, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ сѣтованій матери, спѣшилъ собрать свои книжки и тетради, и бѣжалъ въ гимназію.

Разумѣется, изъ желанія успокоить мать, говорилъ это юноша. На самомъ же дѣлѣ, какъ бы ни былъ онъ сытъ утромъ отъ ломтя чернаго хлѣба и двухъ кружекъ чая, къ шести часамъ вечера послѣ сдѣланнаго имъ немалаго моціона изъ гимназіи до семнадцатой линіи и въ Спасскій переулокъ оттуда, Павлуша чувствовалъ не только явный голодъ, но и чрезвычайную усталость и какую-то разбитость во всемъ тѣлѣ.

II.

— Ну, вотъ, слава тебѣ Господи, пришелъ-таки батюшка... А мы ужъ думали не придешь нынче. Инъ, холодина-то какая! Добрый хозяинъ собаки не выпуститъ на улицу. Ты-бы чайкомъ побаловался малость! А? я тебѣ налью стакашку, батюшка! Такъ говорила рыхлая сѣдая старушка въ бумазейномъ платьѣ съ разводами, въ черной наколкѣ на головѣ, сама лавочница Анфиса Харлампіевна, крестная мать и бабушка Павлушинаго ученика.

Самъ ученикъ, двѣнадцатилѣтній Кокочка, умудрившійся застрять на третій годъ въ первомъ классѣ ближайшей къ ихъ дому мужской гимназіи и не исключенный только ради усиленныхъ просьбъ его дѣдушки Кузьмы Матвѣича Лодыгина, усиленно занимался въ эту минуту соскабливаніемъ съ замерзшихъ оконъ тоненькихъ льдинокъ и сосалъ ихъ, какъ леденцы.

— Благодарю васъ, Анфиса Харлампіевна, чаю я не хочу. Да и не холодно нынче вовсе!—поторопился отказаться Павлуша.

— Ну, какъ знаешь, батюшка! — несовсѣмъ довольнымъ голосомъ произнесла старуха и, уходя изъ комнаты, ворчливо заговорила себѣ подъ-носъ:

— Ишь, гордый какой! Всякій разъ хлѣбомъ-солью нашимъ гнушается... Подумаешь, емназистъ такъ и баринъ. А у самого то носъ, что твоя клюква подснѣжная отъ стужи-то, да и пальтишко-то не сегодня-завтра расползется по швамъ... А тоже, фордыбачится, генералъ какой!

Если-бъ знала только старуха причины, побуждавшія Павлушу отказываться всякій разъ отъ ея угощеній! Бѣдный юноша, дѣйствительно застывшій отъ холода, не прочь былъ напиться и горячаго чая, и отвѣдать иной разъ и вкуснаго пирога, оставляемаго ему иной разъ отъ обѣда хлѣбосольной по натурѣ Лодыгиной, но Павлуша никогда бы не рѣшился лакомиться всѣми этими вкусными вещами, въ то время какъ его семья питалась однимъ хлѣбомъ да картофелемъ, а въ лучшемъ случаѣ пустыми кислыми щами.

Нынче же особенно потянуло мальчика проглотить стаканъ горячаго чая съ вкусной домашней булочкой (иначе, онъ это зналъ прекрасно, чай не подавался въ зажиточной семьѣ лавочника), но онъ превозмогъ себя и отказался.

— Ну, Кока, приступимте!—бодрымъ, почти веселымъ тономъ обратился онъ къ прилипшему къ окну мальчику и, потирая иззябшія руки, усѣлся къ столу.

Кока нехотя оторвался отъ окна и, переваливаясь съ боку на бокъ своей толстой, упитанной особой, лѣниво занялъ свое обычное мѣсто противъ репетитора.

— Ну, что у васъ на завтра? Покажите-ка класный дневникъ!

Кока такъ-же нехотя, съ тѣми-же лѣнивыми движеніями протянулъ Павлушѣ синюю, украшенную нѣсколькими кляксами, тетрадку.

Павлуша узналъ изъ тетрадки, что было задано, пожурилъ мимоходомъ Коку за небрежное отношеніе къ класснымъ вещамъ вообще и къ безчисленнымъ кляксамъ, усѣявшимъ тетрадь, въ частности, и перешелъ къ объясненію математической задачи.

„У одного садовника въ саду было тридцать семь яблонь...“—такъ гласило начало задачи, заключающей въ себѣ всѣ четыре дѣйствія сразу, но далеко не трудныя для самаго малоспособнаго ученика.

Кокочка, внимательно слушавшій было задачу, вдругъ широко улыбнулся и, неистово болтая подъ столомъ ногами, выпалилъ:

— А у насъ, Павелъ Петровичъ, у бабушки въ деревнѣ тоже яблоня есть. Огромадная!

И онъ даже языкомъ прищелкнулъ отъ удовольствія, припомнивъ, какая большая растетъ въ ихъ деревенскомъ саду яблоня.

— Вы, Кока, лучше задачу повторите, нежели глупости говорить!—серьезнымъ тономъ, не поднимая глазъ отъ книги, остановилъ его Павлуша.

Кока покорно замолчалъ и притихъ на минуту. Но на минуту только не болѣе.

— Павелъ Петровичъ, — неожиданно произнесъ онъ, лукаво прищуривъ сѣрые заплывшіе глазки,— а у васъ въ гимназіи въ младшихъ классахъ переплевываются за урокомъ?

— То-есть, какъ это переплевываются?—не понялъ Павлуша.

— А очень просто. На перышки. Я, напримѣръ, перышко ставлю на томъ, что на чужую парту въ чернильницу попаду... И ежели попаду—мое перышко, не попаду — сосѣда. Я такимъ манеромъ за этотъ мѣсяцъ двѣ дюжины перышекъ выигралъ, вотъ какъ мы!—съ явнымъ хвастовствомъ присовокупилъ мальчикъ.

Репетиторъ.

— Перестаньте, пожалуйста! — вспыхивая, снова остановилъ его Павлуша.—рѣшайте задачу, не время теперь говорить. Завтра опять единицу получите. И дѣдъ вашъ опять будетъ недоволенъ.

Этотъ аргументъ немного подѣйствовалъ на Кокочку и онъ снова затихъ на нѣкоторое время.

Съ трудомъ одолѣлъ онъ задачу и въ присутствіи Павлуши, подъ его руководствомъ, выдолбилъ какъ попугай, повторяя за нимъ каждое слово, главныя рѣки Европы и уже приступилъ къ диктовкѣ, которую они ежедневно дѣлали съ репетиторомъ, такъ какъ орѳографія у бѣднаго Кокочки хромала больше всего и на нее особенно налегалъ ретивый Павлуша.

Писалъ Кокочка возмутительно. Не говоря уже о буквѣ ѣ и знакахъ препинанія, къ которымъ мальчикъ питалъ явную, непримиримую, ничѣмъ не объяснимую вражду, дѣлалъ Кокочка и въ самыхъ простыхъ словахъ самыя непозволительныя, грубыя ошибки.

Написать въ два пріема слово «курица», поставить твердый знакъ послѣ буквы ч, въ словѣ «чернильница» ему ничего не стоило, повидимому.

— Это ужасъ что такое, опять вы «бѣлый» черезъ е написали!—провѣряя его усѣянную ошибками диктовку, возмутился Павлуша. — Вѣдь сколько разъ я твердилъ вамъ, что бѣлый, бѣлить, бѣлье черезъ ѣ пишется! Вѣдь вы этакъ на четвертый годъ въ классѣ останетесь!—возмущался онъ.

— На четвертый не оставляютъ... На четвертый выключатъ, обязательно! — съ невозмутимымъ спокойствіемъ заявилъ Кокочка.

— И выключатъ! Да развѣ отъ этого легче? Что ваши дѣдъ и бабушка на это скажутъ? — волнуясь говорилъ Павлуша.

— Дѣдушка выдеретъ! А бабушка плакать будетъ!—это ужъ обязательно, ковыряя перочиннымъ ножичкомъ край стола, такъ же невозмутимо отозвался Кокочка.

— Съ чего это будетъ плакать бабушка? Съ чего это, Кокушка? А?—послышался голосъ съ порога, и лавочница Лодыгина предстала передъ Павлушей и его ученикомъ.

— Да вотъ предостерегаю, Анфиса Харлампіевна, внучка вашего, учится ужъ онъ больно плохо... Хочу нынче же съ Кузьмой Матвѣевичемъ переговорить, не даромъ же деньги брать съ васъ, если не видно никакого успѣха, — краснѣя до ушей произнесъ Павлуша.

— И-и, батюшка мой, — испуганно затянула Лодыгина, — что-ты это вдругъ такое надумалъ! Да храни тебя Господи „самому“ жалиться на Кокочку! Самъ-то у насъ гораздъ свирѣпый; выпоретъ онъ мальченку какъ Сидорову-козу. Долго-ли искалѣчить такимъ манеромъ ребенка? Рука у него тяжелая, духъ воинственный, долго-ли до грѣха, говорю! А Кокушка у насъ слабенькій, сырой, храни его Господи! Нѣтъ ужъ ты и изъ головы это выкинь, батюшка, чтобы жаловаться. Тебѣ что? Сиди себѣ да учи, небось не просидишь мѣста-то!

— Да поймите-же, не могу я деньги брать задаромъ, ежели внукъ вашъ никакихъ успѣховъ въ занятіяхъ со мной не оказываетъ!—волнуясь, дрожащимъ голосомъ говорилъ Павлуша.

— Ну, ужъ ты это глупости говоришь, извини меня, старуху, батюшка! Что тебѣ мѣшаютъ, что-ли, чужія денежки? Ты знай себѣ учи его да поучивай, а что изъ этого выйдетъ, не твое дѣло. Денегъ у насъ слава тебѣ Господи, сухо дерево завтра пятница, — постучала она среднимъ суставомъ указа-

тельнаго пальца объ столъ, — чтобъ не сглазить, тьфу, тьфу, значитъ,—пояснила она, тутъ же, удивленно вскинувшему на нее глазами Павлушѣ,—такъ неужто же мы о такой малости говорить станемъ! Да ты вотъ что, батюшка, ты на чистоту мнѣ скажи, по-хорошему,—тебѣ ежели мало десятки, такъ я два рублевика отъ себя кажиный мѣсяцъ прибавлять стану. И самому не откроюсь, и Кокушкѣ молчать закажу! Ась? Можетъ и столкуемся, батюшка?

И она даже для вящшей убѣдительности коснулась плеча Павлуши своими пухлыми, унизанными старинными перстнями, пальцами.

Яркій, багрово-красный румянецъ пошелъ пятнами по худенькому, совсѣмъ еще дѣтскому лицу юнаго репетитора.

— Богъ съ вами, Анфиса Харлампіевна, за что вы обижаете меня. Не надо мнѣ никакихъ прибавокъ вашихъ. Я и такъ доволенъ вами... Вы не поняли меня... Мучаетъ меня совсѣмъ другое... Ахъ, да не поймете вы, что ужъ тутъ! Не поймете, Анфиса Харлампіевна!

И, чуть не плача отъ смущенія и обиды, Павлуша неловко простился, быстро натянулъ на плечи свое ветхое пальтишко и, нахлобучивъ старенькую гимназическую фуражку, вышелъ отъ Лодыгиныхъ и снова энергично зашагалъ по безконечнымъ линіямъ и проспектамъ Васильевскаго Острова.

А старуха Лодыгина долго еще не могла успокоиться и все ворчала ему вслѣдъ:

— Ишь ты, какой понимающій выискался, подумаешь тоже генералъ какой. Пальтишко-то отъ старости съ плечъ лѣзетъ расползается, а форсу у него на цѣлую сотню цѣлкачей.—Не поймете,—говоритъ... Тоже... лепетиторъ какой... Меня тебѣ, батюшка, учить не пристало, миленькій, молодо-зелено

еще. Гдѣ это видано, чтобы курицу яйца учили... Гордый тоже... Самому ѣсть нечего, а туда же фордыбачится... И чаю не хочу, и пирога не хочу, и прибавки не хочу къ жалованью... Богачъ какой! Отъ денегъ отказывается... Кокушка, — вдругъ неожиданно обратилась она къ внуку, уже успѣвшему возвратиться къ своему прежнему занятію по отчисткѣ оконъ отъ примерзшихъ къ нему льдинокъ,— да здоровъ-ли онъ, лепетиторъ твой нынче, батюшка, чтой-то онъ, какъ будто, не въ себѣ?

— Здоровъ, что ему дѣлается,—равнодушно отозвался у окна съ сосулькой во рту Кокушка, и еще усиленнѣе заскребъ по примерзлому стеклу ногтями.

— Ну, коли здоровъ и ладно,—облегченно вздохнула Лодыгина,—а то я испужалась больно...

И вдругъ, словно спохватившись, заключила:

— А ты, Кокушка, учись, сердешный, приналягъ силенками да поусердствуй. Дѣдинька Кузьма Матвѣичъ тебя за это отличитъ. Да и самому пріятно будетъ, Кокушка... Ученымъ и почетъ другой. Кончишь гимназію, въ „студенты“ выйдешь, а тамъ въ архитекторы, либо въ инженеры. Намъ съ дѣдушкой домъ выстроишь.

— Я генераломъ хочу! — неожиданно брякнулъ Кокочка.

— Ну-ну!—согласилась бабушка и вдругъ заволновалась и засуетилась:

— Никакъ самъ идетъ, а у насъ самоваръ еще не на столѣ. Идемъ пить чай, Кокушка!—и, кивнувъ призывно внуку, поспѣшной, въ перевалочку походкой поплыла въ столовую.

III.

— Чтой-то ты будто не веселъ сегодня, Павелъ?

Высокій, худощавый, весь обросшій длинной, черной бородою Петръ Михайловичъ Меркуловъ, съ трудомъ распрямилъ согнутую надъ станкомъ спину и внимательнымъ взоромъ заглянулъ въ глаза сыну. Въ его суровомъ, по виду непривѣтливомъ лицѣ, по которому нужда и горе протянули преждевременныя неизгладимыя борозды, промелькнуло выраженіе тревоги. Этотъ забитый судьбою человѣкъ, умѣвшій приминать въ себѣ малѣйшее проявленіе чувства, горячо и самоотверженно любилъ жену и дѣтей. Особенно дорогъ ему былъ всегда тихій, работящій и умный Павлуша. Меркуловъ никогда почти не ласкалъ дѣтей, но малѣйшее облачко въ лицѣ этого самаго Павлуши заставляло больно сжиматься его сердце.

— Аль неудача какая? Не повздорилъ-ли съ лавочниками своими?—помолчавъ немного, снова обратился онъ къ сыну.

Павлуша поднялъ отъ работы заалѣвшееся отъ неожиданности лицо. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца и его замкнутость и умѣнье переживать всѣ свои житейскія неудачи втихомолку, не докучая ими даже самымъ близкимъ людямъ. Хотѣлъ онъ скрыть и про сегодняшній разговоръ съ Лодыгиной, и про неудачные результаты своихъ занятій съ Кокой. Но черные встревоженные глаза Петра Михайловича смотрѣли на него съ такимъ явнымъ безпокойствомъ, что Павлуша не рискнулъ утаить что-либо отъ отца и разсказалъ ему все.

— Не знаю, папаша, а только все тяжелѣе мнѣ съ каждымъ разомъ брать отъ нихъ деньги за Коку.

А они этого не понимаютъ, думаютъ, гордость это у меня, фанфаронство какое-то... Да если бы я хоть каплю успѣховъ у него замѣтилъ, да я-бы... Не знаю, поймете-ли вы меня, папаша, дрожащими звуками закончилъ онъ свое признаніе и робко взглянулъ на отца.

Черные, суровые глаза старшаго Меркулова, глаза, которыхъ привыкли бояться ни только Настя, Оля, самъ Павлуша, но и больная Капиталина Власьевна, вдругъ смягклись выраженіемъ необычайной для нихъ почти женственной ласки. Что-то дрогнуло въ блѣдномъ, худомъ лицѣ труженика... И улыбка, гордая и счастливая въ одно и тоже время, разомкнула его почти всегда сомкнутыя губы.

— Откажись, Павелъ, откажись, ежели такъ-то, на другомъ чемъ заработаешь, ну ихъ къ ляду и съ жалованіемъ ихнимъ, коли совѣсть брать его не велитъ. Другое мѣсто тебѣ отыщемъ. Получше еще. И ученики почище твоего олуха будутъ. Да ты не вѣшай носа-то прежде времени. Найдемъ, говорю, урокъ, эхъ, ты горе-лепетиторъ! И онъ тутъ погладилъ по лицу Павлушу своей мозолистой, широкой рабочей ладонью.

И отъ этой необычайной ласки, и отъ словъ отца, что-то мигомъ растворилось въ сердцѣ юноши и сладкая радость расцвѣла въ немъ душистымъ цвѣткомъ. А отецъ по прежнему смотрѣлъ съ улыбкой на сына и улыбка эта говорила безъ словъ:

— Мой сынъ... Горжусь я такимъ-то. Мой сынъ иначе и поступить не могъ.

А за ужиномъ, поданнымъ заботливой маленькой Настей и состоящимъ изъ горячаго картофеля съ солью, хлѣба и пустыхъ щей, было рѣшено идти завтра же, просить у Лодыгиныхъ разсчета, а на

эти деньги публиковать въ газетѣ о желаніи пріобрѣсти урокъ.

— Только матери не говори чуръ, ребята,—она у насъ больная, мать-то, и не для чего ее зря тревожить, — уже обычнымъ суровымъ своимъ тономъ приказалъ дѣтямъ Меркуловъ, принимаясь за картофель и щи.

Подъ чужимъ небомъ.

I.

Я встрѣтила ее прошлымъ лѣтомъ въ одномъ изъ Австрійскихъ курортовъ, куда пріѣхала полечиться и отдохнуть послѣ обычной своей трудовой зимы. Увидѣла я ее на второй же день своего пріѣзда.

Поднявшись въ шесть часовъ утра и захвативъ кружечку для минеральной воды, я направилась паркомъ къ главному источнику курорта, скрытому въ прекрасномъ павильонѣ, похожемъ на маленькій дворецъ.

Чудесное іюньское утро, теплое, не пышащее зноемъ, а какъ-то спокойно-ласковое солнце, зеленые, пушистые каштаны и стройные тополи, красиво подстриженныя изгороди изъ акацій, куртины съ настоящимъ нѣмецкимъ педантизмомъ и симетріей разбитыя на полянахъ и усѣянныя съ тою же не поддающеюся описанію аккуратностью, все это пріятно ласкало глазъ.

Даже педантичность эта въ разбивкѣ цвѣтниковъ и группировкѣ деревьевъ пріятно дѣйствовала на нервы послѣ вѣчной зимней спѣшки съ работой, мыканьемъ по дѣламъ, неизсякаемыми волненіями, сопряженными съ родомъ моей дѣятельности.

Уже гремѣла музыка на эстрадѣ, находившейся какъ разъ въ центрѣ главной аллеи, уставленной всевозможными статуями и памятниками черезъ каждые десять шаговъ, когда я подошла къ источнику. Вокругъ него уже толпилась обычная разноплеменная толпа, говорившая на всѣхъ языкахъ земного шара, начиная съ нѣмецкаго и кончая японскимъ. Здѣсь были и представители всѣхъ націй, находящихся на землѣ: отъ длиннаго, желтозубаго англичанина съ неизмѣннымъ «Бедекюромъ» подъ мышкой и съ биноклемъ въ сумочкѣ, перекинутымъ на ремнѣ черезъ плечо, и кончая хорошенькой мулаткой въ ослѣпительномъ европейскомъ нарядѣ.

Все это, суетясь и весело болтая со знакомыми, наполняло при помощи дѣвочекъ, прислуживающихъ у источника, свои кружки и, захвативъ губами тоненькую стеклянную трубочку, опущенную въ кружку съ водою (изъ предосторожности — порчи зубовъ минеральной водою), измѣряло шагами подъ звуки оркестра длинную аллею, обнесенную по краямъ куртинами и двумя рядами статуй.

Едва я вошла въ павильонъ источника, какъ дѣвочки прислужницы, ихъ было пятеро, одѣтыя въ совершенно одинаковыя чистенькія платья, кокетливые нѣмецкаго образца фартучки и чепчики съ бантами на головахъ, поклонились мнѣ разомъ и хоромъ же пропѣли традиціонное австрійское привѣтствіе: Ich küsse die Hand *).

Четверо изъ нихъ обладали типичными физіономіями нѣмокъ: бѣлокурые волосы, довольно безцвѣтные глаза и пухленькія щеки съ роскошнымъ здоровымъ румянцемъ. Пятая поразила меня своею внѣшностью.

---

*) Цѣлую ручку. Обычное привѣтствіе у австріяковъ.

Подъ чужимъ небомъ.

Казалось, самое солнце, радостное, весеннее, чудесное солнце сіяло изъ ея бойкихъ черныхъ глазокъ, похожихъ на двѣ черныя сливы, обрызганныя дождемъ. Улыбка тоже какая-то солнечная, ликующая, чрезвычайно привѣтливая и беззаботно веселая не сходила съ пухлыхъ малиновыхъ губокъ, играя хорошенькими ямками на этомъ миломъ, жизнерадостномъ и беззаботно-веселомъ личикѣ. Батистовый съ наплоенной рюшкой маленькій чепчикъ особенно кокетливо сидѣлъ на темной, вьющейся крупными кудерьками, изящной головкѣ.

И голосокъ и смѣхъ у нея былъ такой же радостный и звонкій, когда, заглядѣвшись на нарядъ какой-то француженки, она пролила мимо подставленной ею кружки воду изъ источника.

— Кто это?—спросила я, указывая на дѣвушку моей знакомой, старой баваркѣ, лечившейся здѣсь отъ докучавшаго ей ревматизма.

— Какъ вы не знаете?—удивилась она,—да это Лизи, «Веселая Лизи», самое очаровательное въ мірѣ существо. Не правда-ли, она прелестна? И при этомъ всегда весела и беззаботна, постоянно улыбается, напѣваетъ что-то. Всегда въ хорошемъ веселомъ настроеніи духа, смѣется, шутитъ, а это, такъ хорошо дѣйствуетъ на насъ бѣдныхъ больныхъ! Смотрѣть на нее—одна отрада. Взгляните только на это личико, на эту милую улыбку, въ эти быстрые, жизнерадостные глазки. Всѣ свои недуги и боли забудешь, любуясь ею. Для каждаго у нея найдется веселая шутка, остроумное замѣчаніе или просто привѣтливое словцо. Не даромъ же такъ дорожилъ ею хозяинъ источника. Въ то время, какъ составъ другихъ дѣвушекъ мѣняется каждый лечебный сезонъ, Лизи аганжируютъ сюда каждое лѣто, и жалованіе ей, кажется, платятъ больше нежели

другимъ, за это ея умѣнье поддержать бодрость въ насъ бѣдныхъ больныхъ и угождать намъ такъ славно.

Баварка закончила свое объясненіе на неизмѣнномъ нѣмецкомъ языкѣ, а я внимательно стала слѣдить за „Веселой Лизи", какъ ее называли здѣсь въ отличіе отъ „Бѣлокурой Лизи", прислуживающей у этого же источника.

Моя знакомая была права. «Веселая Лизи» казалось и жила для того только, чтобы создать пріятную, свѣтлую атмосферу для посѣщающихъ источникъ больныхъ. Она поспѣвала вездѣ и всюду, сіяя своими милыми глазками, улыбкой и ямочками на румяномъ, свѣжемъ лицѣ.

Вотъ наливаетъ она воду въ стаканъ длиннаго англичанина съ лошадинымъ профилемъ и съ улыбкой киваетъ ему головою, ни слова не понимая изъ того, что онъ лопочетъ ей по-англійски.

Вотъ подогрѣваетъ на длинной въ видѣ плиты грѣлкѣ молоко для минеральной воды страдающей печенью старой и раздражительной австріячкѣ и съ веселымъ смѣхомъ разсказываетъ ей, какъ засталъ ее, Лизу, нынче дождь въ дорогѣ, когда она въ пять часовъ утра спѣшила изъ дому къ источнику.

Вотъ подробно и обстоятельно, вся сіяя своей очаровательной улыбкой, разсказываетъ она офицеру—чеху изъ Праги, блѣдному чахоточному субъекту, гдѣ и въ какихъ пунктахъ курорта будутъ въ самомъ непродолжительномъ времени устроены лѣтніе праздники съ битвами цвѣтовъ. Словомъ, для каждаго у нея находилась и ласковая улыбка и веселая ободряющая шутка и дружескій радостный привѣтъ. Но вотъ постепенно пустѣетъ павильонъ источника. Расходятся въ разныя стороны больные; кто торопится къ зданію купальни, гдѣ берутся горячія

грязевыя и минеральныя ванны, кто идетъ дѣлать врачебную гимнастику, кто просто совершаетъ прогулку въ глубь парка. Съ уходомъ послѣдняго посѣтителя начинается неописуемая возня у источника.

Всѣ пять дѣвушекъ надѣваютъ поверхъ своихъ кокетливыхъ передничковъ пестрые рабочіе фартуки и, вооружившись тряпками, щетками и губками, начинаютъ чистить, мести, мыть и скребсти въ зданіи павильона. Такія чистки и уборки происходятъ четыре раза въ день утромъ и вечеромъ, до и послѣ сборища больныхъ и питья водъ у источника.

Усердно работая, дѣвушки точно забываютъ о болтовнѣ и смѣхѣ.

Одинъ только голосъ безпрерывно шутками и смѣхомъ звучитъ въ ротондѣ. Онъ словно подбодряетъ подругъ въ работѣ, словно скрашиваетъ ихъ трудовые часы. Это «Веселая Лизи» шутитъ и смѣется за работой и милый голосокъ ея трелью жаворонка уносится далеко въ паркъ.

II.

Веселая Лизи заняла мое воображеніе. Безумно скучая здѣсь, на чужбинѣ, по оставленномъ дома сынѣ, по самой домашней обстановкѣ и милой родинѣ, я только при видѣ Веселой Лизи оживала немного и примирялась съ моимъ добровольнымъ заточеніемъ въ чужомъ иноземномъ курортѣ.

И милая дѣвушка была особенно ласкова со мной. Стоило мнѣ только появиться на порогѣ павильона, какъ она бѣжала уже ко мнѣ, съ неизмѣннымъ своимъ «Ich küsse die Hand», брала у меня изъ рукъ кружку и, живо наполнивъ ее минеральной водою

изъ источника, съ веселымъ пожеланіемъ здоровья подавала ее мнѣ.

Я садилась гдѣ-нибудь по близости, неторопясь цѣдила свою воду черезъ неизбѣжную трубочку и смотрѣла на Лизи, любуясь ею.

Ея веселость, духовная свѣжесть и жизнерадостная бодрость невольно наводили меня на мысль:

— Какъ хорошо сложилась жизнь этой дѣвушки, вѣроятно; все улыбается ей, и судьба щедро одарила ее счастьемъ, если она такъ бодра, весела и жизнерадостна, эта милая веселая Лизи! думалось мнѣ въ такія минуты.

Но я ошиблась. Ошиблась жестоко на этотъ разъ.

. . . . . .

Это случилось уже въ серединѣ лѣта, къ концу моего пребыванія въ курортѣ. Былъ удушливый, знойный вечеръ. Грозно темнѣло небо, собирались черныя тучи и отдаленные раскаты грома зловѣще предсказывали неминуемую чудовищно-сильную грозу.

Я гуляла въ отдаленной части парка и, боясь быть вымоченной дождемъ, поспѣшила домой. Проходя по узенькой, дальней алейкѣ, затерянной среди кустовъ шиповника и магнолій, я услышала внезапно тихое, придавленное рыданье.

Кто-то плакалъ, горько, неудержимо, стараясь быть неуслышаннымъ въ то же время публикой, гуляющей въ паркѣ.

Я бросилась къ старому каштану, откуда, какъ мнѣ показалось, шли эти звуки и остановилась испуганная, не вѣря своимъ глазамъ.

Прижавшись къ стволу дерева и закрывъ лицо передникомъ неутѣшно и горько плакала навзрыдъ Веселая Лиза.

Я быстро подбѣжала къ дѣвочкѣ, обхватила ея вздрагивающія плечи, усадила на скамейку, пріютив-

шуюся невдалекѣ, и, гладя довѣрчиво прильнувшую ко мнѣ темную головку, тихонько распрашивала ее о постигшемъ ее горѣ.

Нѣсколько минутъ она молчала. Только тихо всхлипывала у меня на плечѣ, потомъ заговорила, всячески силясь удержать лившіяся въ три ручья слезы:

— O... ich küsse die Hand, — лепетала она по нѣмецки,—простите gnädige Frau... простите, ради Бога, что я обезпокоила и испугала васъ... Я глупая, недогадливая Лизи... Пришла плакать сюда, какъ будто въ паркѣ нѣтъ гуляющихъ! Какъ будто паркъ для меня одной!.. Но... горе у меня такое большое, gnädige Frau, а дома плакать нельзя... И такъ у всѣхъ домашнихъ руки опустились съ отчаянія... Такъ вотъ сюда прибѣжала... Ахъ, какъ тяжело мнѣ, gnädige, простите Бога ради меня!

И она снова зарыдала, зарывъ лицо въ передникѣ.

Я дала ей плакать, и только гладила ее по головкѣ и баюкала какъ дитя.

И когда дѣвушка, казалось мнѣ, выплакалась вдоволь и теперь стояла затихшая, убитая, съ полнымъ затаеннаго отчаянія взоромъ, я осторожно спросила ее о причинѣ ея слезъ.

— Мать умерла у меня. Утромъ нынче ее похоронили... Хорошая она у насъ, ласковая была,— чуть слышнымъ шопотомъ произнесла Лизи и слезы снова полились изъ ея черныхъ, затуманенныхъ горемъ глазъ.

Я молча снова обняла дѣвушку, не будучи въ состояніи найти словъ утѣшенія передъ ея великимъ горемъ.

Гроза медлила надвигаться и Лизи еще долго пробыла со мною.

Мало-по-малу, она успокоилась на столько, что

могла разсказать мнѣ, какъ долго болѣла ея мать, какъ страдали вмѣстѣ съ нею домашніе, не будучи въ состояніи помочь ей...

Мать была портниха и они вдвоемъ съ Лизи содержали семью. И, вотъ, она умерла, такая добрая, никогда не жаловавшаяся на свой недугъ, ласковая и кроткая какъ ангелъ.

Голосъ Лизи дрожалъ, когда она говорила это и всячески прятала отъ меня свое измученное горемъ лицо.

Разразившаяся наконецъ гроза и хлынувшій дождь развелъ насъ въ разныя стороны. Но почти всю ночь я продумала о Лизи, сочувствуя всей душой этой милой, симпатичной дѣвушкѣ.

. . . . . .

А утромъ, въ шесть часовъ, я уже спѣшила къ источнику, измышляя по дорогѣ всякіе способы, которыми можно было бы утѣшить и успокоить мою юную пріятельницу въ ея непоправимомъ горѣ.

Каково же было мое изумленіе, когда, еще не доходя до павильона, я услышала веселый звонкій голосокъ Лизи и ея звонкій безпечный смѣхъ.

Не вѣря своимъ ушамъ, я бросилась къ источнику. Ну, конечно, это она, прежняя жизнерадостная, веселая Лизи съ ея сіяющими, правда, нѣсколько запухшими и красными отъ слезъ глазками, но съ доброй, жизнерадостной улыбкой на лицѣ. Да какъ же такъ? А умершая мать? А непоправимое, тяжелое горе? Неужели же все происшедшее вчера со мною въ паркѣ было только сномъ?..

Я вскинула изумленные глаза на Лизи. Глаза, полные вопроса и недоумѣнія. Она какъ будто поняла меня и смутилась... Жалко, совершенно уже по новому, улыбнулась она и, опустивъ опухшіе отъ слезъ вѣки, шепнула виноватымъ и какъ будто из-

виняющимся голосомъ скороговоркою, подходя комнѣ за кружкой:

— Что дѣлать, gnädige Frau! Надо шутить и смѣяться... Вѣдь посѣтителямъ нѣтъ дѣла до того, что случилось у меня... Надо смѣяться, шутить, быть привѣтливой и веселой, не то хозяинъ держать не будетъ... А у меня бабушка старуха и четыре малолѣтнихъ сестры дома.. И теперь онѣ цѣликомъ на моихъ плечахъ... Теперь я одна работница у нихъ осталась.. Такъ вотъ...

Она не докончила... Проворно взяла у меня изъ рукъ мою кружку, подавивъ выступившіе на глаза слезы, вызвавъ на лицо свое прежнюю беззаботную улыбку, привѣтствовала обычнымъ веселымъ тономъ вошедшую въ павильонъ семью англичанъ. Мнѣ вдругъ стало душно въ просторномъ красивомъ павильонѣ и я вышла на воздухъ.

Но и здѣсь какъ будто было не по себѣ. Раздражалъ видъ чужого неба, чужой природы, чужихъ деревьевъ и цвѣтовъ... Потянуло на родину, къ сыну, къ домашнему очагу, въ родной городъ. И я рѣшила, что завтра же уѣду изъ здѣшнихъ прекрасныхъ мѣстъ...

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Волька	3
Первый день	13
Мать	60
Золотая свирѣль	67
Два сочельника	87
Маля	95
Корректорша Варкунина	102
Мастерская мадамъ Пике	126
Репетиторъ	202
Подъ чужимъ небомъ	215

3р84452

П. 1962 г.
Акт РК-610 /4

Жоржъ - Сандъ.

Родъ. 1804 г. † 1876 г.

Трудно себѣ представить личность, болѣе симпатичную, чѣмъ личность Авроры Дюдеванъ, извѣстной всему образованному міру подъ именемъ Жоржъ-Сандъ. Необыкновенная скромность, простота, горячая любовь къ своимъ и чужимъ дѣтямъ.

Ея произведенія, полныя поэзіи, добродушія, простоты, сдѣлали ея имя такимъ же популярнымъ въ дѣтской литературѣ, какъ, напримѣръ, имена Перро, Лафонтэна, Андерсена, Крылова, Гримма и Гофмана.

А. Додэ.

Альфонсъ Додэ, французскій писатель. Родъ. 1840 года, † 1897 г. Великій Ч. Диккенсъ, когда познакомился съ его произведеніями, назвалъ автора возникающимъ свѣтиломъ французской литературы и своимъ „собратомъ“ по таланту. Абу называетъ Альфонса Додэ одною изъ привлекательнѣйшихъ личностей современной литературы и признаетъ въ немъ несомнѣнное сходство съ Диккенсомъ по тонкой наблюдательности, мастерской группировкѣ подробностей, умѣнью заставлять читателя и плакать и смѣяться.

В. Бушъ.

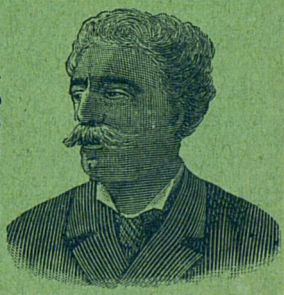
В. Бушъ родъ. 1832 г. Величайшій юмористическій рисовальщикъ Бушъ „все видѣлъ, все понималъ и умѣлъ схватывать всякій оттѣнокъ комизма въ движеніяхъ, всякую особенность въ лицахъ“. Въ произведеніяхъ его „бьетъ неистощимый волшебный родникъ веселья“.

Приключенія людей и животныхъ очерчены имъ съ безподобною веселостью и совершенствомъ рисунка.

Книги его „Два проказника“, „Веселый воробенокъ“, Хитрый пчеловодъ“ и др. сочиненія долго будутъ читаться милой дѣтворой.

В. Гауфъ.

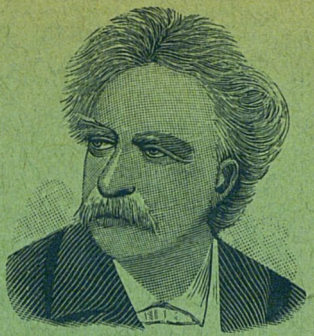
В. Гауфъ родъ. 1802 г., † 1827 г. Сказки Гауфа читаются съ интересомъ, благодаря увлекательному содержанію и жилкѣ юмористическаго таланта автора.



Эдмондо де-Амичисъ.
Родъ. 1846 г.

Эдмондо де-Амичисъ, итальянскій писатель—не только широко популярный у себя на родинѣ, но и переводившійся на французскій, нѣмецкій, польскій и др. языки. Въ русскомъ переводѣ появился „Дневникъ школьника“, имѣвшій шумный успѣхъ, упрочившій автору славу блестящаго стилиста и увлекательнаго разсказчика.

Маркъ Твенъ знаменитый американскій писатель. Въ своихъ произведеніяхъ онъ яркими красками рисуетъ жизнь населенія городовъ и селъ Америки; даетъ мастерскія описанія жизни семьи, общества, отношеній бѣлыхъ къ неграмъ и т. д. Всѣ его произведенія, полныя тонкаго, оригинальнаго юмора и написанныя яснымъ, простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ и образнымъ языкомъ, читаются дѣтьми съ большимъ интересомъ.



Маркъ Твенъ.
Род. 1835 г., † 1910 г.

Даніель-Дефо.

Даніель-Дефо, англичанинъ, родился 1661 г., † 1737 г. Знаменитый авторъ книги „Робинзонъ Крузо“ съумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. Тутъ все поражаетъ своею жизненною правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свободу „Эта книга есть описаніе развитія человѣческаго ума, воли и энергіи въ борьбѣ со слѣпыми силами природы“.

Сервантесъ Сааверда, испанецъ. Авторъ Донъ-Кихота, родился 1547 г., † 1616 г.

„Врядъ ли найдется какое-либо другое беллетристическое произведеніе, которое пользовалось такимъ громаднымъ успѣхомъ, какъ „Донъ-Кихотъ“. Можно утверждать, что нѣтъ на свѣтѣ сколько-нибудь грамотнаго человѣка, которому не были-бы знакомы, хотя бы по наслышкѣ, знаменитый „рыцарь печальнаго образа“ и его вѣрный оруженосецъ—Санчо Пансо и злополучный конь—Россинантъ. „Донъ-Кихотъ“, начиная съ первой, и кончая послѣдней страницей, написанъ живо и увлекательно.

Сервантесъ Сааверда.

Ч. Диккенсъ.

Ч. Диккенсъ род. 1812 г., † 1870 г., знаменитый англійскій писатель пользуется всемірной славой. „Святочные разсказы“ его написаны такъ мастерски, съ такою художественностью, что оставляютъ по себѣ сильное впечатлѣніе, отличаются необыкновенною глубиною мысли, проникнуты теплымъ чувствомъ и исполнены тѣмъ добродушнымъ, веселымъ, а подчасъ ѣдкимъ юморомъ, который свойственъ исключительно одному только Диккенсу.

ГПБ Русский фонд
64-3
172-3
п/ц.

Цѣна 1 р. 75 к.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ М. К. УЛЕМАНЪ